

Веснік

Брэсцкага ўніверсітэта

Галоўны рэдактар:
М.Э. Часноўскі

Намеснік галоўнага рэдактара:
К.К. Красоўскі

Міжнародны савет
Антон Мірановіч (Польшча)
Марк Пілкінгтан (Францыя)
Станіслаў Рудальф (Польшча)
Б.В. Саліхаў (Расія)

Рэдакцыйная калегія:

А.А. Гарбацкі
(адказны рэдактар)
В.Ф. Байнёў
А.В. Брэскі
А.М. Вабішчэвіч
А.А. Высоцкі
Т.І. Доўнар
Г.А. Зорын
У.У. Лосеў
А.В. Пятроўская
А.В. Чарнавалаў

Пасведчанне аб рэгістрацыі
ў Міністэрстве інфармацыі
Рэспублікі Беларусь
№ 1336 ад 28 красавіка 2010 г.

Адрас рэдакцыі:
224665, г. Брэст,
бульвар Касманаўтаў, 21
тэл.: 23-34-29
e-mail: vesnik@brsu.brest.by

Часопіс «Веснік Брэсцкага
ўніверсітэта» выдаецца
з снежня 1997 года

Серыя 2

**ГІСТОРЫЯ
ЭКАНОМІКА
ПРАВА**

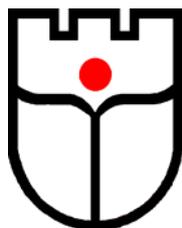
НАВУКОВА-ТЭАРЭТЫЧНЫ ЧАСОПІС

Выходзіць два разы ў год

Заснавальнік – установа адукацыі
«Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А.С. Пушкіна»

№ 2 / 2011

У адпаведнасці з загадам Вышэйшай атэстацыйнай
камісіі № 26 ад 02.02.2011 г. часопіс «Веснік Брэсцкага ўніверсітэта»
ўключаны ў Пералік навуковых выданняў Рэспублікі Беларусь
для апублікавання вынікаў дысертацыйных даследаванняў
па гістарычных, эканамічных і юрыдычных навуках

Vesnik

of Brest University

Editor-in-chief:
M.E. Chasnovski

Deputy Editor-in-chief:
K.K. Krasovski

International Board:
Anton Miranovich (Poland)
Mark Pilkington (France)
Stanislav Rudolf (Poland)
B.V. Salikhov (Russia)

Editorial Board:
A.A. Garbatski
(managing editor)
V.F. Bajnyov
A.V. Breski
A.M. Vabishchevich
A.A. Vysotski
T.I. Dovnar
G.A. Zorin
Y.Y. Losev
A.V. Pyatrovskaya
A.V. Charnavalav

Registration Certificate
by Ministry of Information
of the Republic of Belarus
№ 1336 from April 28, 2010

Editorial Office:
224665, Brest,
Boulevard Cosmonauts, 21
tel.: 23-34-29
e-mail: vesnik@brsu.brest.by

Published since December 1997

Series 2

HISTORY

ECONOMICS

LAW

SCIENTIFIC-THEORETICAL JOURNAL

Issued two times a year

Founder – Educational Institution
«Brest State University named after A.S. Pushkin»

№ 2 / 2011

According to the order of Supreme certification commission № 26
from February 02, 2011, the journal «Vesnik of Brest University» was included
to the List of editions of the Republic of Belarus for publication of the results
of scientific research in historical, economic and law sciences

ЗМЕСТ

ГІСТОРЫЯ

Зинченко М.Ю. Индивидуальное жилищное строительство в городах БССР в 1957–1985 гг.	5
Зябко А.А. Дзезерцёрства як форма антываеннага пратэсту вайскоўцаў на тэрыторыі Беларусі ў 1914–1917 гг.	17
Ворон В.П. Политика российского самодержавия в сфере начального сельскохозяйственного образования на территории Надднепрянской Украины во второй половине XIX – начале XX века	23
Папко В.М. Давыдгарадоцкая ардынацыя князёў Радзівілаў у 1905–1939 гг.	32
Уваров И.Ю. Сословное обособление представителей военно-служилого сословия великого княжества литовского в XIV – начале XVI вв.	41
Сушко В.В. Деятельность неопротестантских организаций в Беларуси в условиях либерализации государственно-конфессиональных взаимоотношений (вторая половина 1980 гг. – начало 2000 гг.)	47

ЭКАНОМІКА

Зайцева Н.И., Богута И.И. Инновационные подходы к развитию малого бизнеса	54
Грузинская Е.В. Политика эффективной реализации государственных программ с использованием кредитных ресурсов	62
Варакулина М.В. Инновационные технологии управления персоналом и необходимость их применения в организациях жилищно-коммунального хозяйства	72
Матюшков Л.М., Григорович М.Н. Методика комплексной оценки объектов при модернизации экономики	81
Дмитрачкова О.В. Оптимизация маршрутов транспорта в цепях поставок	89
Басова О.В. Социальное инвестирование как высшая форма социальной ответственности бизнеса в современной экономике	100

ПРАВА

Коротич Е.А. Об оптимизации конструкции нормы, предусматривающей ответственность за использование рабского труда (ст. 181-1 УК)	105
Шерайзина Л.О. Прокуратура в системе мер, направленных на борьбу с коррупцией: проблемы и перспективы	113
Лосев В.В. Квалификация коррупционных деяний и нормы таможенного законодательства Республики Беларусь	120
Федорук Т.В. Особенности квалификации детоубийства по уголовному законодательству Республики Беларусь	130
Звесткі аб аўтарах	136

INDEX

HISTORY

Zinchenko M.G. Personal house-building in the cities of BSSR (1957–1985).....	5
Zyabko A.A. Desertion as a form of the soldiers' anti-war protest on the territory of Belarus in 1914–1917.....	17
Voron V.P. The policy of Russian autocracy in the sphere of the initial agricultural formation on the territory of Naddnieper Ukrain in the second half of the XIX – the beginning of the XX century	23
Papko V.M. David-Gorodok ordination of the Radzivil princes	32
Uvarov I.Y. The estate isolation of the military-serving gentry of the Grand Duchy of Lithuania in XIV to the beginning of the XVI centuries.....	41
Sushko V.V. The activity of neoprotestant organizations in Belarus in terms of liberalization of governmental and confessional relationship (the 2 nd half of 1980 – the beginning of 2000).....	47

ECONOMICS

Zaitsava N.I., Bahuta I.I. Innovative approach to the development of small-scale business.....	54
Gruzinskaya Y.V. Politics of effective realization of the state programs with the use of credit resources	62
Varaculina M.V. Innovative technologies of personnel management and the need for their application in the organization of housing and municipal services	72
Matushkov L.P., Grigorovich M.N. Methods of integrated assessment of objects while modernizing economy	81
Dmitrachkova O.V. Vehicle Routing Problem in chains of deliveries	89
Basova O.V. Social investment as a higher form of social responsibility of business in the modern economy..	100

LAW

Korotich E.A. On the optimization of the norm design providing the responsibility for using of a slave labour (art. 181-1 Criminal Code).....	105
Sheraizina L.O. Prosecutor's office in the system of measures aimed at anti-corruption drive: problems and prospects	113
Losev V.V. Qualification of corruption acts and customs legal norms in the Republic of Belarus.....	120
Fedoruk T.V. Peculiarities of qualification of the infanticide under the criminal legislation of the Republic of Belarus.....	130
Information about the authors	136

ГІСТОРЫЯ

УДК 94(476)+332.8 (476) (091) «1957-1985»

М.Ю. Зинченко

ИНДИВИДУАЛЬНОЕ ЖИЛИЩНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО В ГОРОДАХ БССР В 1957–1985 гг.

В статье произведен анализ становления и развития института индивидуального жилищного строительства как одного из значимых механизмов обеспечения городского населения БССР жильем. Рассматривается становление данного вида строительства, изменение условий его осуществления в контексте социально-экономической политики государства, а также в рамках жилищной реформы 1957 г. Выделены и охарактеризованы этапы, объемы, успехи и трудности в сфере индивидуального жилищного строительства. Описана роль и полномочия государственных, партийных и профсоюзных органов в вопросах организации помощи индивидуальным застройщикам. Показаны причины и предпосылки свертывания индивидуального жилищного строительства в городах в середине 1970-х гг., а также динамика этого процесса и противоречивость государственных решений в данной области. Сделаны выводы о роли и значении данного механизма обеспечения населения жильем в сравнении и сопоставлении с другими существовавшими вариантами решения жилищного вопроса.

Введение

Жилищная проблема на сегодняшний день является одной из важнейших для государства, общества и отдельного гражданина, а жилищное строительство – одним из главных приоритетов социально-экономического развития нашего государства. Решение проблемы совершенствования жилищного обеспечения имеет многоцелевой результат: удовлетворение потребностей общества в жилье, создание благоприятных условий жизнедеятельности, снятие социальной напряженности. Учитывая то, что и на сегодняшний день в жилищной сфере Республики Беларусь достаточно серьезное внимание уделяется развитию индивидуального малоэтажного строительства, актуальным представляется рассмотрение опыта его осуществления в городах БССР в 1957–1985 гг.

Одним из основных направлений решения жилищной проблемы в городах БССР в послевоенный период наряду с государственным, кооперативным и инициативным было индивидуальное жилищное строительство. Исходя из этого, целью исследования выступает анализ становления и развития индивидуального жилищного строительства в городах БССР в контексте рассмотрения реализации государственной жилищной политики обозначенного периода. Основными задачами является рассмотрение объемов и этапов осуществления индивидуального жилищного строительства в городах БССР, системы его нормативно-правового регулирования, выявление его роли и значения данного направления жилищного строительства и обеспечения, а также анализ причин и обстоятельств свертывания индивидуального жилищного строительства и обоснованности этого процесса.

В советской и современной отечественной и зарубежной историографии данной тема исследована весьма фрагментарно и в целом недостаточно. В историографии советского периода отдельные аспекты данной проблематики освещаются в работах В.А. Загорульской «Рост материального благосостояния и культурного уровня рабочего класса БССР (1951–1958 гг.)» и А.Н. Козловской «Рост материального благосостояния рабочего класса БССР, 1946–1970». В современной историографии вопросы истории индивидуального строительства рассматриваются в работе О.Э. Бессоновой

Научный руководитель – П.И. Зелинский, доктор исторических наук, профессор кафедры истории Беларуси нового и новейшего времени Белорусского государственного университета

«Жилье: рынок и раздача». Определенная информация по данной теме содержится в различных популярных изданиях советского времени, посвященных, как правило, одному или нескольким вопросам организации индивидуального строительства. Большой массив сведений, необходимых для всестороннего анализа проблемы, сосредоточен в союзных и республиканских нормативных актах, в материалах статистической отчетности. Фонды Национального архива Республики Беларусь, а также фонды областных архивов и архивов городских и областных управлений капитального строительства содержат разнообразный фактологический материал по теме исследования.

Индивидуальное жилищное строительство в 1957 г. – середине 1970 - х гг.

Проблема индивидуальной жилищной застройки в городах республики тесным образом связана с их промышленным развитием. В экономике БССР в рассматриваемый период происходило активное становление новых и развитие существующих промышленных отраслей и предприятий. Причем из-за недостатка и ограниченности сырьевых ресурсов в республике развитие получили в основном обрабатывающие и сборочные предприятия, требовавшие значительного количества рабочих рук, что, в свою очередь, повлекло приток населения в города. За 1956–1965 гг. были введены в строй более 300 крупных предприятий. Среди них такие флагманы индустрии, как Минский тракторный завод, автозавод, моторный завод, Полоцкий нефтеперерабатывающий завод, первая очередь Солигорского калийного комбината, Гродненский азотно-туковый комбинат, Гомельский суперфосфатный и многие другие. Причем одной из особенностей размещения промышленных предприятий в БССР была их высокая концентрация в больших городах. Так, на 17 городов областного подчинения приходилось 75 % промышленного производства. Количество рабочих и служащих на предприятиях республики за 1951–1955 гг. выросло на 38,3 %. [1, с. 194 – 196], а в 1959 г. около трети населения БССР составляли жители городов. [2, с. 21].

Динамичное развитие промышленности, вызвавшее увеличение численности городского населения, привело к обострению социальных проблем. Сложнейшей из них была ситуация с обеспечением горожан жильем. От успешности ее разрешения зависели бытовые условия значительной части городских жителей и полноценное обеспечение предприятий и организаций кадрами. Вместе с тем к 1957 г. были выработаны и применялись на практике основные принципы и условия осуществления индивидуального жилищного строительства. Ввиду чрезвычайно острой нужды в жилье и благоприятных условий для осуществления индивидуального строительства горожане начали строить для себя жилые дома. Такая организация жилищного строительства не требовала от властных структур активного участия и максимально опиралась на инициативу самого населения, была рассчитана на использование труда застройщика и его семьи, что позволяло основную часть ресурсов государства направлять на дальнейшее развитие промышленности. Начиная с 1948 г. каждый гражданин СССР имел право купить или построить для себя жилой дом в один или два этажа с числом комнат от одной до пяти как в городе, так и вне города. Однако, чтобы сделать это, гражданин должен был располагать значительными финансовыми средствами, что в экономических условиях рассматриваемого периода было весьма проблематично. Это существенно ограничивало число граждан, имевших желание осуществлять строительство индивидуального дома. Опираясь на возросшие ресурсы от восстановленной и постепенно развивающейся экономики, государство с 1955 г. дало застройщикам возможность получения ссуды на строительство дома. Ее размер, условия получения и погашения были различными для разных социальных слоев населения. Ссуды выдавались под 2 % годовых с ежемесячным погашением, причем первую часть ссуды застройщик мог получить после того, как строительные работы были выполнены не менее чем на 5–10 %.

В условиях проведения масштабного реформирования в жилищной сфере с 1957 г. в рамках расширения и поддержки всех видов жилищного строительства предусматривался и ряд мер по стимулированию и развитию индивидуального строительства, так как оно продемонстрировало свою способность решать жилищный вопрос довольно быстро и с небольшими издержками. В документах Совета Министров БССР констатировался тот факт, что «в ряде городов и районных центров проблема обеспечения жильем может разрешиться в большей степени за счет индивидуального жилищного строительства» [3, л. 2]. В свете этого и в рамках принятой государственной стратегии в жилищной сфере признавалось необходимым совершенствовать организацию, обеспечение и базу индивидуального жилищного строительства. Согласно решениям государственных и партийных органов помогать застройщикам должны были предприятия, местные советы и профсоюзные органы. Предусматривалось, что строительство дорог, инженерных коммуникаций и линий электроснабжения, а также работы по благоустройству на территории поселков индивидуальных застройщиков должны были осуществляться за счет предприятий и организаций, где работают застройщики, с привлечением к непосредственному выполнению работ будущих новоселов. Исполнительным комитетам местных Советов предписывалось выделять земельные участки для индивидуального жилищного строительства в виде компактных поселков с расчетом их застройки в течение 3–5 лет, издавать массовым тиражом проекты и рекомендации-советы застройщикам. Совнархоз, министерства, а также руководители предприятий и организаций обязаны были организовать систему обеспечения индивидуальных застройщиков строительными деталями и материалами, оказывать помощь в их транспортировке. Принятые меры способствовали активизации и расширению масштабов, совершенствованию организации индивидуального жилищного строительства в республике, но на практике основная нагрузка в решении этих проблем легла на самих застройщиков. Вместе с тем необходимо отметить, что в общем объеме жилищного строительства в городах БССР за 1959–1960 гг. удельный вес индивидуального строительства (вместе со строительством хозяйственным способом) составил 51,9 % [4, л. 170]. В 1958 г. в Гродно индивидуальными застройщиками было введено более одной трети (6 750 м²) всего жилья, построенного за счет государственных капиталовложений (18 023 м²). В Могилеве в 1958 г. индивидуальными застройщиками построено 82 % (2 8411 м²) всего жилья. В Гомеле за счет индивидуального жилищного строительства было введено 20 890 кв.м., что составило 180 % от введенной всеми остальными застройщиками жилой площади [5, л. 21, 124, 127]. В целом за 1959 г. в городах республики индивидуальными застройщиками было введено в эксплуатацию 11 018 домов общей площадью 514,413 тыс. м², а в 1960 г. – 852 тыс. м² жилой площади [3, л. 30; 6, л. 255].

Однако, несмотря на довольно динамичное развитие индивидуального строительства, на практике многие из принятых положений не выполнялись вообще либо реализовывались частично. Согласно принятым нормативным актам, задания по индивидуальному жилищному строительству должны были устанавливаться совнархозам, министерствам и ведомствам и исполкомам местных советов. Однако это положение не соблюдалось. Госплан БССР не устанавливал им заданий, а план кредитования доводился только до облисполкомов. Такое положение провоцировало ситуацию, когда Совнархоз, его управления и отдельные руководители предприятий и организаций «недооценивают значение индивидуального строительства жилья, занимаются им поверхностно, крайне мало помогают индивидуальным застройщикам материалами, механизмами, транспортом, несмотря на то, что есть возможность делать это без ущерба основному производству» [7, л. 144]. Вместе с тем необходимо отметить, что на отдельных предприятиях Витебска, Полоцка и Орши были созданы, как это и предписывалось, ко-

миссии содействия индивидуальному строительству. В среднем в Гродно за год на предприятиях, где хорошо была организована работа, строилось 25–30 домов. Но в целом по республике таких комиссий было создано мало. Так, на 1960 г. в Гомельской области из 31 проверенного предприятия комиссии содействия созданы были только на трех, а в Минской и Могилевской областях таких комиссий не было создано вообще [8, л. 36, 39].

Одним из самых болезненных вопросов для застройщиков было приобретение строительных материалов. Торговля организовывалась слабо, застройщики часто были лишены возможности приобрести на торговых складах одновременно с комплектом деревянных деталей дома кирпич, цемент, стекло, гвозди, отделочные и другие необходимые материалы. На многих лесоторговых складах не было погрузочно-разгрузочных механизмов и крытых навесов для хранения деталей домов. В ряде случаев домостроительными предприятиями дома отгружались в торговую сеть некомплектно, без соответствующей маркировки и обработки антисептиками. Сеть складов по торговле стандартными домами была неразвитой и не могла в полной мере удовлетворить спрос. Для исправления сложившегося положения на крупных складах с большим товарооборотом вводились должности товаровед-инструктора по монтажу стандартных домов, издавались массовым тиражом плакаты и каталоги продаваемых стандартных домов и комплектов деталей, организовывалась продажа населению уже построенных стандартных домов, готовых к заселению. Торгующим организациям разрешалось производить прием от населения заказов на покупку построенных стандартных домов при условии получения от покупателей 50 %-го аванса. Всю сложность ситуации в части снабжения индивидуальных застройщиков строительными материалами можно показать на следующих примерах. В 1960 г. в республике было запланировано отпустить для розничной торговли круглого леса 52 000 м³. (16,9 %), в то время как потребность в нем для строительства домов, которые должны быть введены, составляла 308 300 м³. Потребность же в пиломатериалах для индивидуального строительства была обеспечена только на 15,5 % [9, л. 159].

При таком весьма незначительном выпуске материалов для нужд индивидуального жилищного строительства имели место факты, когда за счет розничной продажи материалы отпускались для нужд предприятий, перепродавались, отпускались посторонним лицам [10, л. 28]. Слабо было развито строительство индивидуальных жилых домов подрядным способом по договору с населением. Проблемой являлось и несвоевременное распределение лимитов кредитования. Так, если областные Советы произвели распределение до 25 января 1960 г, то большая часть городских и районных исполкомов не закончили эту работу до 1 июня. В Гомельской и Могилевской областях некоторые районы не закончили распределение кредитов даже до 1 октября. Медленно происходило распределение лимитов кредитования между рабочими и служащими предприятий. Так, на Минском тракторном заводе на 1 октября было распределено 67,4 % кредитных средств, на Минском автомобильном заводе – 38,2 %, а на мотовелозаводе – 37,5 % [9, л. 157].

Периодически возникали трудности и с отводом участков под застройку, хотя предусматривалось, что земельные участки должны выделяться по решениям исполкомов местных советов не позднее, чем через полтора месяца со дня подачи заявления застройщиком. Индивидуальное жилищное строительство должно было осуществляться на свободных территориях, не требующих больших расходов на освоение и инженерную подготовку, в виде отдельных жилых районов или самостоятельных поселков за пределами города [3, л. 16–17]. На практике же, к примеру, в Витебске и Полоцке участки отводились в заболоченных местах. В Гомеле в течение 1959 г. из-за отсутствия свободных земельных участков не рассматривались заявления застройщиков, которых

скопилось более 800. Исполком Сталинского района г. Минска необоснованно отказывал в выделении участков лицам, не имеющим семьи [10, л. 29].

В целом довольно часто в работе местных органов власти с индивидуальными застройщиками не хватало согласованности и гибкости в решении оперативных вопросов. Так, например, в жалобе на имя председателя Совета Министров БССР рабочие Татаржицкие жалуются на непонимание и неразбериху со стороны администрации. Ситуация была такова. Один из братьев получил участок под застройку, начал строительство, но из-за отсутствия средств и материалов строительство временно прекратил, а вскоре строительство решил продолжать совместно с родным братом. Председатель райисполкома и главный архитектор разрешили строительство двухквартирного дома, но на заседании исполкома братья Татаржицкие были объявлены «самовольщиками», на них был наложен штраф и принято решение о сносе возведенного ими строения, хотя дом был уже наполовину выстроен. И только после вмешательства отдела при Совете Министров и его рекомендаций о пересмотре решения братьям было разрешено продолжить строительство [11, л. 107, 107об., 108, 109, 112–114].

Важными и сложными в практической реализации были вопросы благоустройства районов индивидуального строительства. Так, в Бресте из выделенных на благоустройство поселка индивидуальных застройщиков 450 тысяч рублей было израсходовано всего 40 тысяч. Часто земельные массивы, отводимые под строительство, за предприятиями не закреплялись, в результате чего не велись полноценно работы по благоустройству, а местные административные органы этими вопросами не занимались. Коммуникации до закрепления земельных участков за застройщиками не сооружались. Так, земли, отведенные под индивидуальную застройку в Минске в поселке Чижовка, были отдалены от подъездных путей и городских коммуникации. В поселок не были подведены электролиния и водопровод, дома располагались в 1–2 км от колодцев. В Северном поселке г. Минска на 1 100 индивидуальных домов приходилось 5 колодцев, а в поселке Стиклево на 400 застройщиков – 1 колодец. Похожая ситуация сложилась в Барановичах и Пинске, где массивы индивидуальной застройки не благоустраивались и не присоединялись своевременно к сетям водоснабжения [9, л. 157].

Таким образом, законодательно оформившись в 1948 г. индивидуальное жилищное строительство БССР вследствие быстрого развития преимущественно в городах трудоемких отраслей промышленности стало к 1957 г. одним из основных направлений обеспечения населения жильем. С конца 1960-х до середины 1970-х гг. объем индивидуального жилищного строительства в БССР закономерно возрастал и достиг к 1960 г. своего пика. Этому способствовало то, что появилась возможность кредитования строительства, а к решению проблем застройщиков были привлечены советские, партийные и профсоюзные структуры, был определен порядок выделения участков и проведения работ по благоустройству, приняты меры по развитию торговли строительными материалами. Хотя на практике с решением этих вопросов часто возникали сложности, главным фактором роста объемов ввода индивидуального жилья следует признать желание горожан иметь нормальные жилищные условия, а также их трудолюбие и настойчивость в достижении этой цели.

Свертывание индивидуального жилищного строительства в городах БССР в середине 1970-х – 1980-е гг.

На протяжении 1970-х гг. объем индивидуального жилищного строительства сокращался как в БССР, так и в целом в СССР (с 30 % в 1966 г. до 17 % в 1980 г. общего объема жилищного строительства), и происходило это преимущественно за счет крупных и средних городов [12, с. 96]. Так, объемы жилой площади, вводимой в эксплуатацию индивидуальными застройщикам в республике с 1966 г. по 1980 г., сокращались

и уменьшилась на 234 тыс. м² [13, с. 177]. Сокращение и нормативно-правовое ограничение индивидуального строительства рассматривается и оценивается разными авторами с различных позиций. О.Э. Бессонова считает, что «институт частного предпринимательства в форме индивидуального строительства был ограничен чрезмерным государственным регулированием и практически вытеснен институтом государственного обеспечения». Исследователь основной акцент делает на неконкурентоспособности механизма решения жилищной проблемы через строительство индивидуального дома по отношению к «доминирующему институту государственного обеспечения» [12, с. 96]. Во многом с ней солидарен А.П. Горлов, который акцентирует внимание на несовместимости дальнейшего развития индивидуального жилищного строительства с государственной жилищной доктриной, предполагавшей обеспечение граждан жильем по четко установленным нормам из государственных социальных фондов потребления.

В документах и публицистике рассматриваемого периода динамика сокращения индивидуального строительства объясняется исходя из изменения социально-экономических и культурно-бытовых условий и архитектурно-технических представлений эпохи. Для города с увеличением его размеров закономерным являлось стремление к рациональному использованию территорий и создаваемых систем благоустройства, что, в свою очередь, предполагало тяготение к многоэтажной компактной системе жилой застройки. Эта позиция представляется нам наиболее объективной, хотя нельзя исключать и роль идеологических причин ограничения индивидуальной застройки.

Так, к 1965 г. в 15 наиболее крупных городах БССР проживало более 66 % городского населения. В БССР темпы роста численности городского населения были в 1,5 раза выше, чем в среднем по СССР. С 1960 г. население городов республики выросло в 2,5 раза и составило в 1980 г. 55 % всего населения, причем 60 % его было сконцентрировано в 10 крупных городах. В таких условиях серьезнейшей проблемой стал вопрос повышения эффективности использования территорий. А на 1980 г. в БССР сложилась ситуация, когда 60 % городских территорий были заняты усадебной индивидуальной жилой застройкой [14, с. 5, 9, 14].

Такое положение стало возможным вследствие того, что в сложившейся в начале 1960-х гг. градостроительной концепции предусматривалось, что массивы индивидуальной жилой застройки могут размещаться как на периферии городской территории, так и чередоваться с зонами многоэтажной застройки [15, с. 9]. В соответствии с этими представлениями, а также идеей приближения жилья к месту приложения труда кварталы индивидуальных жилых домов размещали часто в произвольном порядке, без учета перспективы развития близлежащих территорий. Такой подход обернулся серьезными проблемами. Из-за превышения проектной численности населения Минска автомобильный и тракторный заводы оказались в окружении жилых кварталов, чего по плану не предусматривалось. Уже в 1965 г. генеральный план г. Минска был пересмотрен, так как к этому времени были значительно превышены предусмотренные параметры развития – и по развитию промышленности и по численности населения. В новом варианте плана малоэтажная индивидуальная застройка, занимавшая значительное место в предыдущем генплане, совершенно исключалась [16, с. 6]. В среде архитекторов в конце 1960-х гг. появилось мнение о том, что советское градостроительство не предполагает «экстенсивной индивидуальной застройки». Архитекторы и проектировщики критиковали низкую плотность городской индивидуальной застройки, «лоскутную ограниченность индивидуальных участков» [17, с. 69]. Известный белорусский архитектор А. Воинов отмечал, что «ничего общего не имеет советское градостроительство с утопическим дезурбанистическим движением, предлагающим выход в экстенсивной индивидуальной застройке» [18, с. 9]. Тем более что в БССР к середине 1970-х гг. сложилась ситуация, когда из 32 крупных и средних го-

родов (с населением свыше 10 тысяч человек) больше 50 % имели в своем жилом фонде около половины индивидуальной малоэтажной жилой застройки [19]. Это не отвечало архитектурно-техническим и планировочным стандартам времени. В городах в связи со значительно возросшими масштабами жилищного строительства индустриально-поточными методами, а также вследствие недостаточно высокой плотности застройки при строительстве пятиэтажных зданий также наблюдался интенсивный и зачастую излишний рост территории. Это в свою очередь приводило к удорожанию строительства за счет высоких расходов на инженерное освоение новых территорий. Исходя из этого намечалось «осуществить... постепенный переход от строительства в городах и поселках городского типа индивидуальных одноквартирных жилых домов к строительству, с привлечением средств населения, многоквартирных благоустроенных кооперативных жилых домов». По законодательству, Советы Министров союзных республик получили возможность устанавливать дополнительные объемы строительства жилых домов жилищно-строительных кооперативов в пределах выделяемого республике кредита на кооперативное и индивидуальное жилищное строительство. Прекращался также отвод земельных участков под индивидуальное жилищное строительство в столицах союзных республик. Им предоставлялось право решать вопросы о прекращении выдачи кредитов индивидуальным застройщикам и об отводе земельных участков также в других городах без изменения установленного общего задания по индивидуальному жилищному строительству. В этих условиях Госстрой БССР пошел на запрещение в 1972–1975 гг. индивидуального жилищного строительства в областных городах, кроме случаев переносов домов.

В связи с вышеизложенным данный период наиболее актуальными стали вопросы, касающиеся сноса и переноса на новые участки индивидуальных жилых домов. Так, в случае сноса находящихся в личной собственности граждан жилых домов в связи с изъятием земельных участков для государственных или общественных нужд гражданам, членам их семей, а также другим гражданам, постоянно проживающим в этих домах, предоставлялись по установленным нормам квартиры в домах государственного или общественного жилищного фонда. Кроме того, собственникам жилых домов по их выбору либо выплачивалась стоимость сносимых домов, строений и устройств, либо предоставляется право использовать материалы от демонтажа этих домов, строений и устройств по своему усмотрению. По желанию граждан исполнительные комитеты местных Советов народных депутатов должны были обеспечивать им (вместо предоставления квартир) возможность внеочередного вступления в члены жилищно-строительных кооперативов и получения в них квартир. По желанию граждан принадлежащие им жилые дома и строения, подлежащие сносу, могли быть перенесены и восстановлены на новом месте. При сносе жилых домов, находящихся в личной собственности граждан, им также выплачивалась стоимость плодово-ягодных насаждений и посевов. Снос жилых домов в связи с изъятием земельных участков для государственных или общественных нужд мог быть допущен в каждом отдельном случае лишь с разрешения соответствующего исполнительного комитета Совета народных депутатов.

Так как индивидуальные жилые дома находились в личной собственности граждан, то решения об их сносе или переносе принималось на уровне местного совета. При таком упрощенном с юридической стороны порядке изъятия участков для государственных нужд у владельцев домов зачастую возникали справедливые жалобы на необдуманные или неправомочные действия властей. Несмотря на достаточно приемлемые условия возмещения гражданам за сносимые дома, процесс реконструкции зон индивидуальной застройки в республике проходил болезненно. К примеру, семья Вярбило, проживавшая по адресу пер. Майкова д. 4, в 1949 г. построила дом и заложила сад, к 1956 г. погасила ссуду. А уже в 1962 г. Минский городской совет принял решение

на месте их дома и сада построить многоквартирный жилой дом. В своей жалобе председателю Совета Министров БССР Вярбило писали: «Мы считаем, что это непродуманное решение, разве можно уничтожать недавно построенные дома, когда в центре города и на окраинах есть много старых домов». По данному факту государственные органы установили, что износ этого дома составляет 15–20 % и он должен был быть перенесен в квартал малоэтажной застройки [20, л. 335–338а]. Подобные ситуации возникали и в областных центрах. Так, житель Гомеля гражданин Золотницкий жалуется на необоснованный снос жилых домов: «Сносятся новые дома, построенные после войны, в то время как есть много старых домов и незастроенных территорий, прилегающих к городу и внутри него» [21, л. 52]. Со стороны местных административных и строительных органов в ряде случаев можно усмотреть непродуманное, невнимательное и непоследовательное отношение к проблемам сноса индивидуальных жилых домов. Показателен пример, когда исполнительный комитет Советского района г. Минска, принял решение об обрезке приусадебных участков у застройщиков, чтобы предоставить жилищно-строительному кооперативу место для строительства в этом благоустроенном центральном районе [21, л. 132].

Учитывая необоснованность сноса в некоторых случаях в 1961 г. были предельно конкретизированы условия сноса жилых домов. Предусматривалось, что в случаях необходимости и при условии экономической целесообразности перенос существующей усадебной застройки из зон капитального строительства допускать без убытия жилого фонда. В первую очередь сносу подлежали ветхие дома и бараки. В целом перенос и снос деревянных домов составил в рассматриваемый период около 9 % к застроенной жилой площади, а без учета ветхих домов и барачков – до 6 % [21, л. 134].

Архитекторы и проектировщики отмечали, что существующие низкие плотности жилого фонда объясняются не только высоким удельным весом малоэтажной жилой застройки в городах, но и наличием неэффективно используемых свободных участков пригодных для жилой застройки. Констатировалось, что «за последний период во многих городах имеется стремление к преждевременной ликвидации малоэтажной застройки, допускается неоправданный снос жилого фонда, а вместе с тем свободные территории и районы с ветхими жилыми домами и другими малоценными постройками зачастую не осваиваются». Убыль жилого фонда в связи с реконструкцией постепенно возрастала и в 1963–1965 гг. составила 3,8 % от вводимого жилья, а в 1966–1968 гг. – 5 %. Чтобы избежать потери пригодного для проживания жилья, снос индивидуальных домов должен был осуществляться строго по генплану, а отнесение жилья к категории непригодного для проживания находилось в компетенции специальной комиссии исполкомов и подлежало утверждению исполкомами. Непригодными считались деревянные дома с износом более 65 %, каменные – с износом более 70 %, а также бараки, неприспособленные дома, дома на ненадежных природных участках. Снос пригодных для проживания домов мог осуществляться в случаях, когда все свободные территории вблизи города исчерпаны, а освоение сельскохозяйственных территорий требовало больших единовременных капитальных вложений. Снос был санкционирован и при необходимости прокладки в соответствии с генпланом общегородских инженерных коммуникации, при острой необходимости увеличения емкости и расширения сети учреждений культурно-бытового обслуживания населения в сложившихся районах города, при экстенсивном характере застройки ветхим неблагоустроенным жильем центральных районов городов, имеющих все виды инженерного оборудования и благоустройства, при расположении жилого фонда в зонах санитарной вредности. Не допускался снос жилых домов, если с момента их постройки не истекло 10 лет. Размер сноса для крупнейшего города (более 1 млн. жителей) не должен был превышать 7 % от имеющегося жилого фонда, в крупном (до 1 млн. жителей) – 5 %, боль-

шом – 3 %, в среднем и малом – 2 %. Все это должно предварительно согласовываться с Госстроем республики [22, л. 62–64, 67]. В постановлении ЦК КПСС и Совета Министров БССР от 1970 г. отмечалось что, в отдельных городах имеются факты неоправданного сноса жилых домов при осуществлении нового строительства. В 1969 г. в г. Борисове снесено более 10 % жилого фонда [23, л. 8, 43]. Ввиду случаев сноса пригодной жилой застройки по некоторым городам были пересмотрены проекты размещения жилищного строительства и сноса, где снос ограничен до минимума, были выбраны дополнительные свободные территории для размещения жилищного строительства на 1971–1972 гг.

Проблемным был вопрос возмещения убытков, связанных со сносом индивидуальных жилых домов. Министерством финансов в 1960 г. была проведена проверка Минской, Витебской и Гродненской областей в части правильности расходования государственных средств на возмещение убытков, вызванных изъятием земельных участков у граждан и сносом строений на них. Были установлены многочисленные факты, когда руководители предприятий при изъятии земельных участков возводили владельцам новые дома, значительно превышающие размеры старых [23, л. 294]. На Минском заводе математических машин вместо переноса дома площадью 78 м² был построен дом площадью 144 кв.м., а вместо переноса дома с износом 38 % был построен новый кирпичный. Витебский ДСК вместо переноса двух домов, фактическая стоимость которых составляла 20,4 тыс. рублей, построил их владельцам новые кирпичные дома, на что израсходовал 62,2 тыс. рублей. Отдел капитального строительства Управления Белорусской железной дороги при переносе на новый участок дома размером 39,1 кв.м. возвел дополнительно к нему жилую пристройку площадью 36,1 м². Аналогичные факты установлены на Витебском заводе металлобытовых изделий, в Витебской школе-интернате № 1, в Комитете по радиовещанию и телевидению при Совете Министров БССР [23, л. 295].

Таким образом, что в силу общей нерешенности жилищной проблемы в сфере индивидуального жилищного строительства существовали противоречивые тенденции. С одной стороны, оно ограничивалось, а с другой – предпринимались меры по его развитию. Так, Белорусская республиканская контора Стройбанка просила обязать исполкомы областных советов отменить ограничения при отводе земельных участков в городах, в которых по ряду причин не получило должного развития кооперативное жилищное строительство. Она также обратилась к Совету Министров СССР с предложением с 1 января 1966 г. разрешить выдачу ссуд на индивидуальное жилищное строительство всем гражданам в размере до 1 000 рублей на срок до 10 лет, с 1977 г. по 1981 г. до 1 500 рублей с взиманием процентной ставки за пользование кредитом в размере 1 % годовых. К Госплану СССР обращалась с просьбой предусмотреть в народнохозяйственных планах увеличение рыночных фондов для более полного удовлетворения потребности индивидуального жилищного строительства. Госстрою предлагалось отобрать из действующих наиболее удачные, разработать и утвердить в 1965–1966 гг. новые типовые проекты экономичных жилых домов, рассчитанных на использование местных дешевых строительных материалов, а также разработать типовые решения отдельных элементов благоустройства и инженерного оборудования участков индивидуального жилищного строительства [3, л. 8].

Получившая свое оформление в середине 1960-х гг. линия на свертывание индивидуального жилищного строительства в городах БССР в первой половине 1980-х гг. в крупных и средних городах стала доминирующей. По мере роста количества жилищно-строительных кооперативов и вводимой ими жилой площади, а также по мере развития материальной базы индустриального домостроения роль индивидуальной застройки в обеспечении населения городов жильем снижается. Так, ввод жилплоща-

ди ЖСК увеличился с 1966 г. по 1980 г. на 295 тыс. м², а за 1980–1985 гг. на 845 тыс. м² [24, с. 187–188]. Таким образом, с середины 1960-х гг. наблюдалось сокращение строительства жилья индивидуальными застройщиками. Это было связано с развитием сегмента государственного и кооперативного жилищного строительства, что дало нуждающимся горожанам возможность рассчитывать на получение благоустроенных квартир в типовых многоэтажных домах. Так, число квартир, построенных государством и жилищной кооперацией в БССР с 1961 г. по 1975 г., возросло более чем в 3 раза: с 113,5 тыс. до 311,1 тыс. [24, с. 188].

Кроме того, очень весомым было идеологическое неприятие индивидуального жилищного строительства. Ведь сама возможность осуществления строительства индивидуального дома, принадлежавшего гражданам на правах личной собственности, с точки зрения социалистической идеологии рассматривалась как компромиссная, временная, позволившая в сложных экономических условиях не отвлекать ресурсы на решение социальных проблем. А с ростом экономического потенциала государства, с развитием индустриальных методов строительства, его типизацией и унификацией и как следствие значительным совершенствованием и удешевлением массового жилищного строительства появилась реальная возможность за счет этого обеспечить основную массу горожан благоустроенными отдельными квартирами. Все это привело к сокращению индивидуального строительства жилых домов. Линия на свертывание и ограничение данного вида строительства во многом была преждевременной и недостаточно детально продуманной, ведь, несмотря на увеличение объемов государственного и кооперативного жилищного строительства, в очереди на получение жилья стояли тысячи горожан.

Заклучение

Таким образом, индивидуальное жилищное строительство, получив законодательное закрепление в конце 1950-х гг., стало интенсивно развиваться в городах БССР. Это позволило многим семьям при финансовой помощи со стороны государства и за счет собственного трудового участия достаточно оперативно решить жилищный вопрос. В рассматриваемый период в развитии индивидуального жилищного строительства можно выделить два этапа. На первом этапе (с 1957 г.) рамках целостного реформирования жилищной сферы был принят ряд важных положений, касающихся системы индивидуального жилищного строительства; значительную роль в организации строительства играли предприятия и организации, в которых работали застройщики, а также местные советские и партийные и профсоюзные органы. В частности, они должны были оказывать помощь и поддержку застройщикам по целому ряду направлений: выделение участков для строительства, их инженерная подготовка и благоустройство, снабжение строительными материалами и образцами проектной документации, обеспечение транспортом. Эти меры привели к значительному увеличению объемов индивидуального жилищного строительства в городах республики. Развитие и расширение данного вида жилищного строительства в тех экономических условиях являлось одним из основных путей ввода в эксплуатацию жилой площади. А это в свою очередь помогло значительной массе городского населения построить жилье, а промышленным предприятиям избежать текучести кадров и дефицита работников. Вместе с тем уже с конца 1970-х гг. можно выделить второй этап в организации индивидуального жилищного строительства в городах БССР. В силу бурного развития массового типового жилищного строительства индустриальными методами по линии местных Советов и жилищно-строительных кооперативов объем индивидуального строительства сокращается, и оно перестает быть существенным механизмом обеспечения городского населения жильем, особенно в крупных и средних городах. Вследствие непродуманного

и недалновидного размещения кварталов индивидуальной застройки в городах возникают сложности с площадками под новое строительство, что приводит к значительному сносу индивидуальных домов, а также ограничению и запрещению такого строительства в областных и других крупных городах республики. В то же время в правовом аспекте снос индивидуальных жилых домов в ряде случаев из-за некомпетентности и несогласованности в работе местных административных органов производился необоснованно, с ущемлением прав граждан, вложивших в постройки и участки большие материальные и моральные силы и средства. При этом для небольших городов индивидуальное строительство являлось существенным резервом ввода жилой площади.

Таким образом, индивидуальное жилищное строительство в городах БССР в 1957–1985 гг. на первом этапе своего развития значительно помогло в решении жилищной проблемы. На втором этапе роль и значение этого строительства в обеспечении горожан жильем падает, возникают проблемы с реконструкцией малоэтажного жилого фонда.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сасим, А.М. Промышленность Беларуси в XX столетии : учеб. пособие / А.М. Сасим. – Минск : «Экоперспектива», 2001. – 271 с.
2. Белгородцев, И.Д. Развитие городов Белоруссии / И.Д. Белгородцев, И.И. Гурин, С. М. Кустанович. – Минск : «Польмя», 1967. – 85 с.
3. Переписка с Советом Министров СССР, министерствами и ведомствами по вопросам капитального строительства // Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Фонд 7. – Оп. 5. – Д. 1297.
4. Материалы о развитии, эксплуатации и ремонте объектов коммунального хозяйства и жилого фонда республики (постановления, приказы, справки, переписка) // НАРБ. – Фонд 7. – Оп. 4. – Д. 2261.
5. Справки отдела и партийных органов о ходе выполнения постановлений ЦК КПБ, благоустройстве городов, ходе строительства жилых объектов // НАРБ. – Фонд 4. – Оп. 35. – Д. 270.
6. Материалы о развитии, эксплуатации и ремонте объектов коммунального хозяйства и жилого фонда республики // НАРБ. – Фонд 7. – Оп. 5. – Д. 2280.
7. Справки отдела, партийных органов и других хозяйственных организаций по вопросу строительства в республике // НАРБ. – Фонд 4. – Оп. 35. – Д. 271.
8. Материалы о ходе жилищного строительства и строительстве детских учреждений в республике (постановления, приказы, графики, информации и др.) // НАРБ. – Фонд 265. – Оп. 7. – Д. 60.
9. Материалы о развитии, эксплуатации и ремонте объектов коммунального хозяйства и жилого фонда республики (постановления, распоряжения, переписка) // НАРБ. – Фонд 7. – Оп. 4. – Д. 2280.
10. Материалы о развитии, эксплуатации и ремонте объектов коммунального хозяйства и жилого фонда республики (решения, справки, переписка) // НАРБ. – Фонд 7. – Оп. 4. – Д. 2262.
11. Материалы о капитальном строительстве в республике // НАРБ. – Фонд 7. – Оп. 4. – Д. 2278.
12. Бессонова, О.Э. Жилье: рынок и раздача / О.Э. Бессонова; отв. ред. Т.И. Заславская. – Новосибирск : ВО Наука, 1993. – 159 с.
13. Народное хозяйство Белорусской ССР, 1922–1982. – Минск, 1982. – 249 с.
14. Козлов, Г.С. Экономические и социальные проблемы градостроительства Белоруссии / Г.С. Козлов – Минск, 1980. – 87 с.

15. Брауде, И.Л. Правовые вопросы индивидуального жилищного строительства / И.Л. Брауде. – М. : Госюриздат, 1957. – 104 с.
16. Градостроительные проблемы современного города. – Минск, 1975. – 68 с.
17. Микрорайоны Белоруссии. – Минск : Изд-во Акад. наук Бел. ССР, 1963. – 204 с.
18. Воинов, А. Советская архитектура и градостроительство / А. Воинов. – Минск, 1958. – 175 с.
19. Основные фонды городского хозяйства Белорусской ССР. – Минск : Полымя, 1965. – 482 с.
20. Материалы о капитальном строительстве в республике (проекты постановлений, планы, титульные списки, справки, переписка и др.) // НАРБ. – Фонд 7. – Оп. 5. – Д. 403.
21. Переписка с Советом Министров СССР, министерствами и ведомствами по вопросам капитального строительства // НАРБ. – Фонд 7. – Оп. 5. – Д. 1292.
22. Материалы о капитальном строительстве в республике (протоколы, справки, информации, переписка и др.) // НАРБ. – Фонд 7. – Оп. 5. – Д. 2934.
23. Материалы о состоянии и развитии жилищного и коммунального строительства в республике (протоколы, справки, переписка и др.) // НАРБ. – Фонд 7. – Оп. 5. – Д. 2942.
24. Народное хозяйство Белорусской ССР. – Минск : Беларусь, 1978. – 314 с.

Zinchenko M.G. Personal House-Building in the Cities of BSSR (1957–1985)

The article deals with the analysis of the problems of personal housing building in the cities of BSSR in 1957–1985 as a mechanism of housing provide. The author characterizes phases, volume, the main results and difficulties of the process of personal housing building. Particular attention has been paid to the describing of personal housing building's role in deciding the housing question in the republic. The reasons of personal housing building reduce are shown in the article. In conclusion the author says about the influence of this institute to the living conditions of citizens.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 25.01.2011

УДК 94 (476) “1914/1917”

А.А. Зябка

ДЭЗЕРЦІРСТВА ЯК ФОРМА АНТЫВАЕННАГА ПРАТЭСТУ ВАЙСКОЎЦАЎ НА ТЭРЫТОРЫІ БЕЛАРУСІ Ё 1914–1917 гг.

У артыкуле даследуюцца прычыны ўзнікнення, накірункі, тэндэнцыі развіцця антываеннага дэзерцтва вайскоўцаў расійскай імператарскай арміі на тэрыторыі Беларусі ў гады Першай сусветнай вайны. На аснове аналізу архіўных дакументаў аўтарам выяўляецца тэндэнцыя да ўзрастання колькасці вайскоўцаў-дэзерціраў к пачатку Лютаўскай рэвалюцыі. Гэта ў сваю чаргу паказвае важнасць уплыву азначанай з’явы на развіццё рэвалюцыйных падзей у Расіі ў 1917 г. Акрамя таго, у артыкуле вызначаюцца асноўныя накірункі антываеннага дэзерцтва, а таксама прычыны яго ўзнікнення, якія былі звязаны са стомленасцю ад зацягнутай вайны, слабай матывацыяй да ўдзелу ў баявых дзеяннях ратнікаў апалчэння II разраду і жаданнем ніжніх чыноў хутчэй вярнуцца да сям’і, якая знаходзілася ў цяжкім матэрыяльным становішчы.

Уводзіны

Першая сусветная вайна стала пераломнай з’явай у гісторыі чалавецтва, якая змяніла не толькі геаграфічныя межы еўрапейскіх краін, але і карэнным чынам паўплывала на лёс вялікіх і малых народаў Старога Свету. З’яўляючыся адной з ключавых прычын рэвалюцыйных падзей 1917–1918 гг., якія прывялі да крушэння буйнейшых імперый і ўтварэння на іх землях нацыянальных дзяржаў, вайна беспаваротна змяніла сацыяльна-эканамічнае, палітычнае, культурнае аблічча не толькі Еўропы, але і ўсяго свету. У гісторыі беларускага народа ваенны канфлікт 1914–1918 гг. займае знакавае месца. Нягледзячы на тое, што вайна, разгортваючыся на тэрыторыі Беларусі, выклікала велізарныя страты і разбурэнні, яна стала каталізатарам для фактараў, якія прывялі ў далейшым да стварэння дзяржаўнасці.

Азначаныя акалічнасці дазваляюць гаварыць аб важнасці і неабходнасці навуковай распрацоўкі праблем гісторыі беларускага народа ў гады Першай сусветнай вайны. Аднак доўгі час беларуская савецкая гістарычная навука не надавала належнай увагі даследаванню акрэсленай праблематыкі. Зводзячы вывучэнне вайны 1914–1918 гг. да разгляду працэсу вядзення большавіцкай партыяй народных мас да сацыялістычнай рэвалюцыі, савецкая гістарыяграфія выпускала з-пад увагі многія важныя пытанні грамадска-палітычнага жыцця ў той перыяд. Адным з іх з’яўляецца праблема антываенных выступленняў у асяроддзі вайскоўцаў, у прыватнасці такой формы пратэсту, як дэзерцтва. У манаграфіях савецкага часу гэты аспект асобна не даследаваўся, а разглядаўся ў якасці прыкладу, які павінен быў пацвярджаць агульны вывад аб наяўнасці рэвалюцыйных настройаў у салдацкіх масах пад уплывам дзейнасці большавікоў. У той жа час антываеннае дэзерцтва неабходна разглядаць менавіта ў кантэксце неарганізаванага антываеннага руху, які ў комплексе з іншымі фактарамі прывёў Расію да буржуазна-дэмакратычнай рэвалюцыі. Акрамя таго, азначаная з’ява ў сваім развіцці мела пэўныя тэндэнцыі, якія дазваляюць глыбей усвядоміць прычыны падзей 1917 г. Гэтыя акалічнасці даюць магчымасць сцвярджаць аб актуальнасці праблемы, заяўленай у артыкуле, а таксама аб неабходнасці яе дэталёвага вывучэння.

Навуковы кіраўнік – А.А. Каваленя, доктар гістарычных навук, прафесар,
акадэмік-сакратар АДДЗЯЛЕННЯ ГУМАНІТАРНЫХ НАВУК І МАСТАЦТВАЎ НАН Беларусі

Мэта артыкула – выяўленне прычын узнікнення, накірункаў і тэндэнцый развіцця антываеннага дэзерцёрства вайскоўцаў армій расійскага Заходняга фронту і 5-й арміі Паўночнага фронту.

Для дасягнення мэты неабходна рэалізаваць наступныя задачы:

1) вызначыць накірункі, а таксама колькасныя і якасныя характарыстыкі антываеннага дэзерцёрства;

2) на аснове аналізу колькасных дадзеных выявіць і ахарактарызаваць тэндэнцыі развіцця дэзерцёрства ў асяроддзі вайскоўцаў Заходняга фронту і 5-й арміі Паўночнага фронту расійскай арміі.

Дэзерцёрства як форма антываеннага пратэсту

Дэзерцёрства (лац. *deserio* – пакіданне без дапамогі, уцяканне) вызначаецца ў крымінальным праве як парушэнне супраць вызначанага парадку праходжання ваеннай службы, якое выражаецца ў самавольным пакіданні вайскоўцам часці або месца службы з мэтай наогул ухіліцца ад ваеннай службы або ў няўцы з той жа мэтай на службу пры прызначэнні, пераводзе, з камандзіроўкі, водпуску або лячэбнай установы [1, с. 331]. Гэтая з’ява ў той ці іншай ступені характэрна для ўсіх армій, асабліва ва ўмовах вядзення вайны. Пры гэтым яна можа набываць розны характар, што абумоўлена спектрам прычын яе ўзнікнення.

Нашы даследаванні паказваюць, што ў гады Першай сусветнай вайны дэзерцёрства ў значнай ступені набывала менавіта антываенную афарбоўку. Аб гэтым сведчаць архіўныя дакументы, крыніцы мемуарнага і эпістальнага характару, якія маюць дачыненне да салдат і афіцэраў армій, што размяшчаліся на тэрыторыі Беларусі. У шэрагу данясенняў вайсковай і цывільнай адміністрацыі адзначаюцца факты, калі вайскоўцы-дэзерцёры, якія самавольна пакінулі свае палкі, накіроўваліся менавіта на радзіму да сям’і [2, с. 877, 878]. У шэрагу ўспамінаў непасрэдных удзельнікаў вайны і ў салдацкіх пісьмах на радзіму прама ўказваецца на тое, што многія ніжнія чыны пакідалі свае палкі менавіта па той прычыне, што не жадалі больш знаходзіцца на вайне [3, с. 148; 4, с. 34; 5, с. 83, 89]. Азначаная акалічнасць сведчыць аб наяўнасці антываеннага матыву ў дзеяннях многіх з тых, хто дэзерціраваў з імператарскай арміі. Пры гэтым неабходна мець на ўвазе і тое, што некаторая частка дэзерціраў кіравалася крымінальнымі матывамі, аднак змяненне колькасці ўцекачоў у бок павелічэння ў канцы 1916 – пачатку 1917 гг. дае падставы сцвярджаць, што ў значнай колькасці выпадкаў мы маем справу менавіта з антываенным дэзерцёрствам.

Дэзерцёрства з расійскай арміі ў гады Першай сусветнай вайны набывала розныя формы. Адным з распаўсюджаных спосабаў былі ўцёкі вайскоўцаў з эшалонаў, якія накіроўваліся на перадавыя пазіцыі. Так, у канцы 1915 г. падчас праходжання праз Мінскую губерню эшалона, які дастаўляў 19 Сібірскі стралковы батальён на фронт, з яго пачалося бегства вайскоўцаў [6, с. 205]. Масавасць азначанай з’явы пацвярджаецца і данясеннямі мясцовай адміністрацыі [7, л. 31; 8, л. 13]. Неабходна дадаць, што пашырэнне такога дэзерцёрства адбываецца ў канцы 1915 г., калі пасля маштабнага адступлення расійскай арміі апошняя страціла значную колькасць свайго кадравага складу. Пры гэтым на змену прыйшлі тыя катэгорыі вайскоўцаў, якія ў мірны час не праходзілі тэрміновай службы або не павінны былі прызывацца ў армію.

Сярод вайскоўцаў палкоў, якія знаходзіліся на перадавой лініі, мелі распаўсюджанне таксама ўцёкі падчас бою або пасля яго заканчэння. У шэрагу выпадкаў самавольна пакідалі пазіцыю нават цэлыя палкі. Так, палкоўнік Раманаў у тэлегrame на імя Навагрудскага павятовага спраўніка заклікае прыняць меры да вышуку ўсіх вайскоўцаў Лідскага палка, якія дэзерціравалі з тэатра ваенных дзеянняў [9, л. 353].

Азначаная з'ява ў многім была звязана з дэмаралізацыяй салдат, выкліканай папярэднімі баявымі няўдачамі, або баязлівасцю і пасіўнасцю афіцэраў [10, с. 234].

Данясенні вайсковай і цывільнай адміністрацыі сведчаць аб тым, што значныя маштабы набывалі такія формы дэзерцірства, як наўмыснае адставанне ад эшалонаў, уцёкі з санітарных устаноў, пратэрміноўка знаходжання ў адпачынку. Так, у канцы 1915 г. у загадзе Мінскага губернатара адзначалася, што «ў апошні час у паліцэйскае ўпраўленне паступае маса патрабаванняў розных воінскіх часцей аб вышуку і затрыманні ніжніх воінскіх чыноў, якія самавольна адлучыліся з фронту, з лазарэтаў і каманд і адсталі ад эшалонаў...» [8, л. 13]. Аналагічная сітуацыя адзначалася і ў 1916 г. на тэрыторыі Мінскай і Дзвінскай ваенных акруг. Напрыклад, у цыркуляры начальніка Мінскіх ваенна-акружных упраўленняў ад 7 жніўня 1916 г. указвалася, што «на малых станцыях, паўстанках і раз'ездах стала бадзяцца шмат ніжніх чыноў, якія прыбываюць туды з таварнымі цягнікамі нібыта па справах службы, а затым ад'язджаюць далей з таварнымі цягнікамі...» [11, л. 11]. Маштабнасць азначанай з'явы пацвярджаюць і колькасныя паказчыкі. Так, на вакзале ў Віцебску за перыяд з 21 верасня па 31 кастрычніка 1915 г. і з 15 лістапада па 15 снежня таго ж года было затрымана 960 ніжніх чыноў, якія ехалі без дакументаў або наўмысна адсталі ад эшалона [12, л. 86–152, 911, 1684, 1986]. Пры гэтым многія вайскоўцы, будучы мясцовымі жыхарамі, імкнуліся пакінуць эшалон і збегчы дадому [8, л. 13; 13, л. 299]. Прычынай такіх дзеянняў была трывога аб стане ўласнай сям'і і гаспадаркі і імкненне дапамагчы родным справіцца з цяжкасцямі ваеннага часу.

Неабходна адзначыць, што вызначэнне колькасці вайскоўцаў, якія дэзерціравалі з расійскай арміі ў 1914–1917 гг. з'яўляецца дастаткова няпростай задачай. У навуковай літаратуры прысутнічаюць лічбы, якія адлюстроўваюць колькасць дэзерціраў з усёй расійскай арміі і з яе Заходняга фронту за перыяд з ліпеня 1914 па люты 1917 гг. па афіцыйных дадзеных Стаўкі вярхоўнага галоўнакамандуючага. Згодна з імі, агульная колькасць дэзерціраў за азначаны перыяд Стаўкай вызначаецца ў 195 130 чалавек, а з армій Заходняга фронту – 13648. Пры гэтым, сюды ўключаюцца і вайскоўцы запасных і тылавых часцей. Калі дадаць да лічбы дэзерціраў з Заходняга фронту колькасць дэзерціраў з 5-й арміі Паўночнага фронту, якая размяшчалася ў Віцебскай губерні, то можна вызначыць прыкладную колькасць дэзерціраў з армій, якія знаходзіліся на тэрыторыі Беларусі. Азначаная лічба, па дадзеных Стаўкі, складала прыблізна 20 тысяч чалавек [14, с. 26]. Аднак неабходна падкрэсліць тое, што падлік вайскоўцаў, якія самавольна пакінулі свае часці, быў задачай дастаткова складанай і працаёмкай, што было абумоўлена шэрагам акалічнасцей. Ва ўмовах вядзення актыўных баявых дзеянняў, якія суправаджаліся людскімі стратамі, праблематычна вылучыць з усёй масы страт катэгорыю тых, хто дэзерціраваў. Гэтая праблема асабліва ўскладняецца падчас адступлення, калі наяўна магчыма вызначыць толькі страты асабовага складу. Так, ва ўспамінах аднаго з удзельнікаў вайны Д. Оськіна адзначаецца, што падчас раптоўнай атакі аўстрыйцаў на яго разведвальную групу, салдаты, якія яго суправаджалі, разбегліся. Апынуўшыся ў часці, ён палічыў тых, хто не вярнуўся, выбыўшымі падчас адступлення [3, с. 95].

У гэтых умовах дэзерціры маглі быць залічаны ў колькасць загінуўшых, палонных, прапаўшых без вестак. Таму, верагодна, сапраўдная іх колькасць будзе некалькі большай за тую, якую дае Стаўка. Аднак дакладна вызначыць лічбу дэзерціраваўшых з армій, якія знаходзіліся на тэрыторыі Беларусі, на нашу думку, не прадстаўляецца магчымым. Дадзеныя, па якіх можна было б правесці такія падлікі, адсутнічаюць або не з'яўляюцца дакладнымі. Гэта звязана ў першую чаргу з самой пастаноўкай статыстычнай работы, якая ў Ваенным міністэрстве Расійскай імперыі была ў многім бессістэмнай [15, с. 182].

З іншага боку, агульная лічба, якая паказвае колькасць дэзерціраў, не дае магчымасці назіраць яе дынаміку. Аднак у нашым распараджэнні маюцца дадзеныя, якія дазваляюць прасачыць змяненне колькасці ўцекачоў за перыяд з канца 1915 да пачатку 1917 гг. і вылучыць некаторыя тэндэнцыі азначанага працэсу. Менавіта ў гэты час па тэрыторыі Беларусі стабілізаваўся расійска-германскі фронт, што ў сваю чаргу дазваляе разглядаць працэс дэзерцірства і з тылавых часцей, і з франтавых. Акрамя таго, нашы дадзеныя дазваляюць разам з колькасным аспектам прасачыць і якасныя асаблівасці дэзерцірства.

Аналізуючы лічбы затрыманых грамадзянскай паліцыяй і жандармерыяй вайскоўцаў за перыяд з лістапада 1915 г. па люты 1917 г. на тэрыторыі Мінскай і Дзвінскай ваенных акруг, можна вылучыць тэндэнцыю ўзрастання сярэднямесячнай колькасці дэзерціраў к лютаму 1917 г. Так, у беларускіх паветах Віцебскай губерні (Лепельскі, Віцебскі, Гарадоцкі, Дрысенскі, Полацкі) за лістапад 1915 г. – чэрвень 1916 г. затрымлівалася ў сярэднім 135 чалавек за месяц [16, л. 3–64; 17, л. 2–25; 18, л. 20; 19, л. 16–30, 48–58, 134–148]. У паветах Магілёўскай губерні за студзень–жнівень 1916 г. сярэднямесячная колькасць дасягала 195 чалавек [11, л. 8]. З іншага боку, напярэдадні Лютаўскай рэвалюцыі (снежань 1916 г. – люты 1917 г.) сярэднямесячная колькасць затрыманых павялічылася і склала 244 чалавекі для Магілёўскай губерні і 264 – для пяці беларускіх паветаў Віцебскай губерні [11, л. 19–55; 20, л. 7–33; 21, л. 4–29].

Пры аналізе колькасных паказчыкаў дэзерцірства важна ўлічваць такія фактары, як сезонныя хістанні ліку ўцекачоў. Нашы назіранні паказваюць, што ў зімовы перыяд колькасць дэзерціраў некалькі ўзрастае ў параўнанні з вясенне-летнім, што звязана з больш цяжкімі ўмовамі існавання для вайскоўцаў. Аб гэтым сведчаць таксама і пісьмы тых, хто самавольна пакінуў свае палкі. У іх, разам з указаннем на масавасць уцёкаў, ніжнія чыны называюць сярод прычын свайго дэзерцірства і цяжкія ўмовы існавання [20, л. 44–45]. Аднак пры параўнанні прыведзеных вышэй дадзеных па колькасці затрыманых за зімовы перыяд 1915–1916 гг. і 1916–1917 гг. відавочна, што напярэдадні Лютаўскай рэвалюцыі лік дэзерціраў большы, чым за год да яе. Гэта дае магчымасць сказаць, што фактар сезоннасці не аказваў уплыву на назіраемую тэндэнцыю да росту колькасці ўцекачоў напярэдадні Лютаўскай рэвалюцыі.

Такім чынам, тэндэнцыя да павелічэння к лютаму 1917 г. колькасці вайскоўцаў-дэзерціраў сведчыць аб нарастанні антываенных настрояў сярод салдат і афіцэраў расійскай арміі. Ва ўмовах стомленасці ад зацяжнай вайны і адсутнасці доўгачаканага міру яны імкнуліся любым спосабам пазбегнуць удзелу ў ваенных дзеяннях, што знайшло праяўленне ў павелічэнні маштабаў іх уцёкаў з арміі.

Акрамя таго, сярод прычын дэзерцірства неабходна ўказаць і сацыяльную несправядлівасць, якую адчувалі салдаты, выхадцы з простага народа. Апошнія былі не задаволены тым, што ў той час, калі яны падвяргалі сваё жыццё небяспецы, знаходзячыся на перадавой, чыноўнікі, паліцыя, гандляры, уладальнікі прадпрыемстваў адседжваліся ў тыле.

Даследуючы антываеннае дэзерцірства, неабходна звярнуць увагу і на якасны склад вайскоўцаў, якія самавольна пакідалі свае часці. Аналіз спісаў вышуку беглых ваенных чыноў Заходняга фронту па Мінскай ваеннай акрузе за перыяд са снежня 1916 г. па люты 1917 г. дазваляе вызначыць для дэзерціраў суадносіны паміж вайскоўцамі страявых часцей і запасных. Ён паказвае, што сярод уцекачоў пераважалі ніжнія чыны запасных палкоў і тылавых інтэнданцкіх устаноў. Так, з 442 асоб, якія пералічаны ў азначаных спісах, 372 чалавекі дэзерціравалі з запасных палкоў [22, л. 67–72, 107, 169–171, 215–226].

На нашу думку, такая сітуацыя звязана з тым, што ўжо ў 1915 г. Расія сутыкнулася з праблемай папаўнення арміі асабовым складам. Значныя людскія страты

за кампаніі 1914–1915 гг. не толькі выбілі са строю значную колькасць кадравых вайскоўцаў, але і падрыхтаваны ў мірны час рэзерв [23, с. 227]. Пры гэтым толькі для ўзнаўлення страт у войсках патрэбна было штомесячна накіроўваць 300–400 тысяч чалавек [15, с. 88]. Менавіта гэтым было абумоўлена рашэнне аб наборы ў дзеючую армію ратнікаў апалчэння II разраду. Пры недахопе падрыхтаваных кадраў пачынаюць павялічвацца ў памерах запасныя батальёны, у якіх ажыццяўлялася навучанне гэтай катэгорыі вайскоўцаў. Пасля кароткатэрміновых заняткаў яны траплялі ў маршавыя роты, якія ўдзельнічалі ў крываваых баях лета – восені 1915 г. У выніку былыя ратнікі апалчэння II разраду, маючы ўжо першапачаткова слабую матывацыю да ўдзелу ў вайне, наогул страчвалі баявы дух. Па меры зацягвання вайны для іх становілася відавочнай пагроза загінуць у складзе франтавых часцей, таму яны імкнуліся ўцячы з запасных палкоў, каб не трапіць у аковы.

Заклучэнне

Такім чынам, у гады Першай сусветнай вайны дэзерцірства вайскоўцаў з расійскай арміі набывала масавы антываенны характар. Яно праяўлялася ў выглядзе ўцёкаў з транспарту, які накіроўваўся на перадавую, і лячэбных устаноў, самавольнага пакідання баявых пазіцый, наўмыснага адставання ад эшалонаў, пратэрміноўку знаходжання ў водпуску. Нягледзячы на тое, што вызначыць дакладную колькасць вайскоўцаў, якія самавольна пакінулі часці, дастаткова праблематычна, нашы дадзеныя па Мінскай і Дзвінскай ваенных акругах за перыяд канца 1915 – пачатку 1917 гг. дазваляюць выявіць тэндэнцыю да ўзрастання колькасці дэзерціраў напярэдадні Лютаўскай рэвалюцыі. Прычыны гэтага заключаліся як у агульнай стомленасці ад вайны і жаданні міру, так і ў імкненні ніжніх чыноў хутчэй трапіць дадому, дзе ва ўмовах цяжкага эканамічнага становішча ў краіне існавала пагроза разарэння гаспадаркі і гібелі сялянскай сям’і. У гэтых умовах антываеннае дэзерцірства стала адным з важнейшых фактараў развалу арміі і скочвання Расіі да рэвалюцыі 1917 г. Акрамя таго, перавага сярод дэзерціраў вайскоўцаў запасных і тылавых часцей была абумоўлена дамінаваннем у 1916–1917 гг. у расійскай арміі ратнікаў апалчэння II разраду, якія мелі слабую ваенную падрыхтоўку і нізкую матывацыю да ўдзелу ў вайне.

СПІС ЛІТАРАТУРЫ

1. Новикова, Е.В. Дезертирство / Е.В. Новикова // Белорусская юридическая энциклопедия : в 4 т. – Минск : ГИУСТ БГУ, 2007. – Т. 1 / редкол.: С.А. Балашенко [и др.]. – 600 с.
2. Документы и материалы по истории Белоруссии (1900–1917 гг.) / Акад. наук БССР, Ин-т истории ; под ред. В. Н. Перцева [и др.] – Минск : Изд-во АН БССР, 1953. – Т. 3. – 1020 с.
3. Оськин, Д.П. Записки солдата / Д.П. Оськин. – М. : Федерация, 1929. – 160 с.
4. Пирейко, А. В тылу и на фронте империалистической войны / А. Пирейко. – Л. : Прибой, 1926. – 62 с.
5. Царская армия в период мировой войны и Февральской революции / сост. А. Максимов, Е. Медведев, Ш. Юсупов; под ред. А. Максимова. – Казань: Татиздат : Татполиграф, 1932. – 239 с.
6. Савицкий, Э.М. Рабочее движение в Белоруссии (июнь 1907 – февраль 1917 г.) / Э.М. Савицкий. – Минск : БелНИЦДААД, 1995. – 296 с.
7. Дело о предании суду нижних чинов за разные преступления (март 1915 – май 1916). – Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (далей – НГАБ). – Фонд 2687. – Воп. 1. – Спр. 268.

8. Дело о привлечении к ответственности чинов Игуменской уездной полиции за непринятие мер к обнаружению и задержанию нижних воинских чинов, самовольно ушедших с фронта (ноябрь 1915 – июнь 1916) // НГАБ. – Фонд. 299. – Воп. 1. – Спр. 16354.

9. Циркуляры Минского губернатора начальникам полиции о проведении мероприятий в связи с введением в действие положения о подготовительном периоде к войне, о предупредительных мерах к предотвращению забастовок (август–декабрь 1914 г.) // НГАБ. – Фонд 295. – Воп. 1. – Спр. 85916.

10. Лемке, М.К. 250 дней в царской ставке, 1914–1915 / М.К. Лемке. – Минск : Харвест, 2003. – 446 с.

11. Дело о доставлении сведений о задержании вне городов беглых воинских нижних чинов (сентябрь 1916 – март 1917) // НГАБ. – Фонд 2001. – Воп. 1. – Спр. 2107.

12. О проступках нижних чинов гарнизона (август–ноябрь 1915) // НГАБ. – Фонд 2533. – Воп. 1. – Спр. 131.

13. Переписка о самовольно отлучившихся и дезертировавших нижних чинах (август–декабрь 1915) – НГАБ. – Фонд 2533. – Воп. 1. – Спр. 11.

14. Россия в мировой войне 1914–1918 года (в цифрах) / ЦСУ, Отдел воен. статистики. – М. : 1925. – 104 с.

15. Головин, Н.Н. Военные усилия России в мировой войне / Н.Н. Головин. – М. : Жуковский : Кучково поле, 2001. – 434 с.

16. Дело о дезертировавших нижних чинах из воинских частей (январь–декабрь 1916) // НГАБ. – Фонд 1430. – Воп. 1. – Спр. 49109.

17. Дело о принятии мер к прекращению вредной деятельности евреев в Полоцком уезде, распространявших слухи об эвакуации и скупающих по дешевой цене скот от населения (дек. 1915 – янв. 1916) // НГАБ. – Фонд 1430. – Воп. 1. Спр. – 49285.

18. Дело по доставлению сведений о настроении населения в связи с военными действиями (ноябрь 1915 – 1916) // НГАБ. – Фонд. 1430. – Воп. 1. – Спр. 49134.

19. Ведомости о деятельности урядников в разных уездах (февраль–ноябрь 1916) – // НГАБ. – Фонд 1416. – Воп. 2. – Спр. 25729.

20. Дело о розыске лиц, уклоняющихся от воинской повинности (январь–февраль 1917) // НГАБ. – Фонд 1416. – Воп. 1д. – Спр. 2774.

21. Дело о розыске лиц, уклоняющихся от воинской повинности (февраль–март 1917) // НГАБ. – Фонд 1416. – Воп. 1д. – Спр. 2775.

22. Приказы по Минскому военному округу (январь–март 1917) // НГАБ. – Фонд 2001. – Воп. 1. – Спр. 2114.

23. Керсновский, А.А. История русской армии, 1881–1916 / А.А. Керсновский. – Смоленск : Русич, 2004. – 510 с.

Zyabko A.A. Desertion as a Form of the Soldiers' Anti-War Protest on the Territory of Belarus in 1914–1917

Basing on analysis of scientific literature and archival documents this article investigates the causes of origin, main directions and trends of development of anti-war desertion in the imperial army at Russian Western front of the World War I. After studying quantitative and qualitative aspects of this phenomenon, the author determines the degree of influence of this anti-war protest form on the revolutionary events of 1917.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 05.08.2011

УДК 947.7

В.П. Ворон

ПОЛИТИКА РОССИЙСКОГО САМОДЕРЖАВИЯ В СФЕРЕ НАЧАЛЬНОГО СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ НАДДНЕПРЯНСКОЙ УКРАИНЫ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА.

В статье рассматриваются основные составляющие политики российского самодержавия в области начального аграрного образования на территории Надднепрянской Украины во второй половине XIX – начале XX века. В основе данного исследования лежат материалы Национального исторического архива Беларуси, труды служащих Главного управления землеустройства и земледелия, членов Вольного экономического общества, работы советских и современных историков. В работе поэтапно анализируется сельскохозяйственные образовательное законодательство, а также степень его соответствия нуждам региона.

Введение

Раскрытие проблематики развития начального сельскохозяйственного образования позволяет внести большую ясность в изучение процессов интенсификации украинской деревни в отмеченное время; кроме того, обобщение исторического опыта в данной области необходимо для понимания и дальнейшей корректировки процессов модернизации аграрного образования на современном этапе. Необходимо отметить, что при высокой степени актуальности указанной темы какие-либо существенные исследования в отношении ее не проводились. Тем не менее некоторый материал предоставляет дореволюционная историография, представителями которой являлись служащие по ведомству Главного управления землеустройства и земледелия (ГУЗиЗ) Н.А. Крюков и П.Ф. Сурин, которые систематизировали статистические сведения, касающиеся развития сети аграрного образования начала XX в. в общероссийском масштабе. Основой для систематизации послужили следующие аспекты: финансовая и материальная обеспеченность аграрных учебных заведений, рост их количества, числа учащихся, наиболее характерные изменения учебной программы [8]. Н.А. Бородин, старший специалист по рыбоводству ГУЗиЗ, составил подробную классификацию сельскохозяйственных школ империи на предмет имеющихся в них ресурсов для устройства рыбного хозяйства и подготовки рыбоводов [4]. Заслуживают внимания труды членов императорского Вольного Экономического общества (ВЭО) под председательством Е.Н. Андреева, принимавших непосредственное участие в разработке различных проектов аграрного образовательного законодательства в 1870-е гг. [29]. Рядом историков советской школы так же затронуты некоторые общие вопросы касательно проблематики развития низшего сельскохозяйственного образования Украины во второй половине XIX – начале XX вв. Так, Н.П. Очнева особое внимание уделяет характеристике деятельности Министерства земледелия и государственных имуществ (МЗиГИ) в 1894–1905 гг. в развитии аграрного просвещения на территории Российской империи в целом [16]. А.В. Ососков исследовал особенности становления в Российской империи системы начального образования в 1861–1917 гг., в рамках которого дается характеристика различных форм сельскохозяйственного обучения в школе [13]. Работы современных историков затрагивают ряд частных вопросов в области данной проблемы.

Научный руководитель – О.В. Петровская, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории славянских народов Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина

Н.Н. Бондаренко занимается изучением деятельности выдающегося ученоагрария М.А. Егорова и его вклада в становление Сумской исследовательской станции при сельскохозяйственной школе [6]. И.Ф. Шумилова, сконцентрировав основное внимание на особенностях развития сети земских начальных школ Северного Приазовья во второй половине XIX ст., затрагивает некоторые аспекты внедрения в них аграрных дисциплин. Таким образом, чрезвычайная важность вопроса, а так же отсутствие по нему специальных работ, представляется необходимым основанием для его изучения [34].

Целью данного исследования является изучение политики российского самодержавия в сфере начального сельскохозяйственного образования Надднепрянщины во второй половине XIX – начале XX вв. В соответствии с целью следует выделить следующие задачи: 1) раскрытие предпосылок реформирования начального аграрного образования 70-х гг. XIX в. – начале XX в. на Украине; 2) анализ деятельности правительства и земств в области начального сельскохозяйственного образования на Украине в 1870-е гг. – начале XX ст.

Предпосылки реорганизации системы низшего аграрного образования на Украине во 70-е гг. XIX в. – начале XX в.

Вторая половина XIX в. стала временем колоссальных сдвигов в области начального образования. В результате ряда реформ, предпринятых российским самодержавием в 1864 и 1872 гг., общее количество начальных школ на Украине возросло с 1 320 в 1856 г. до 16 798 в 1897 г. и 18 719 в 1911 г. [3, с.127; 9; 32, с. 127]. Параллельно шел рост соответствующих типов аграрных учебных заведений: в 1843 г. образовалась Асеевская низшая сельскохозяйственная школа, 1844 г. – Главное училище садоводства, 1878 г. – Херсонское низшее земледельческое училище. Однако длительное время процесс их возникновения носил бессистемный, случайный характер, а число оставалось незначительным. Лишь с последней четверти XIX – начала XX вв. увеличение количества аграрных школ становится более интенсивным. Так, в конце XIX в. их насчитывалось 29, в 1905 г. – 45, а к 1915 г. уже 57 [1, с.23].

Подобный хронологически неравномерный прогресс во многом был обусловлен сменой образовательной парадигмы, произошедшей после отмены крепостного права, вследствие необходимости в условиях капиталистического переустройства сельского хозяйства улучшения работы агрономических служб. Это, в первую очередь, могло быть достигнуто посредством значительного преобразования системы подготовки агрономического персонала. В частности, с 1825 г. по 1865 г. основной формой распространения сельскохозяйственных знаний являлись образцовые учебные фермы, которых по всей империи было создано всего 8. Два подобных учреждения существовало и на Украине: одно в окрестностях Харькова, другое в Екатеринославле.

Необходимо отметить, что Министерство государственных имуществ (МГИ) серьезно относилось к подготовке специалистов на фермах. В частности, для организации в них годичных и выпускных экзаменов в 1855 г. решено было ежегодно командировать университетских преподавателей сельскохозяйственного профиля; наряду с этим предполагалась и строгая отчетность по успеваемости каждого воспитанника [18]. Вместе с тем набор учащихся, который производился из крестьянских детей, а также их последующее обучение на фермах основывались на административном принуждении: абсолютно не учитывались собственные профессиональные устремления слушателей, их индивидуальные способности. В результате из-за сильного противодействия со стороны крестьян работа такого рода ферм заметно затруднялась, а в условиях расширения прав крестьянского сословия после 1861 г. стала абсолютно невозможна [29, с.29].

Анализ деятельности правительства и земств в области начального сельскохозяйственного образования на Украине в 1870-е гг. – начале XX в.

Данные обстоятельства способствовали осознанию правительством необходимости преобразований в сфере начального аграрного образования. Первоначально это выразилось в удовлетворении поступающих ходатайств о разрешении открытия сельскохозяйственных школ по специально утвержденным уставам [5, с. 631]. На территории Украины таковым, в частности, являлось Херсонское земское сельскохозяйственное училище, основанное в 1873 г. Согласно утвержденному по нем положению, в основе работы училища легли некоторые прогрессивные для того времени образовательные принципы: добровольный характер обучения, бессловность, отсутствие платы за учебу, материальная поддержка учащихся средствами училища, бесплатная медицинская помощь, допуск преподавательского состава к участию в решении некоторых учебно-воспитательных вопросов посредством вхождения в состав педагогического совета. В то же время «Положение» сохраняло некоторые ярко выраженные черты русификации, являющейся следствием охранительной политики самодержавия в сфере образования. Так, абсолютно на все руководящие должности назначались исключительно лица русского происхождения, получившие образование в российских высших учебных заведениях. Кроме того, обращает на себя внимание параграф № 2 данного документа, декларирующий отказ государства от оказания какой-либо финансовой и материальной помощи Херсонскому училищу, что наряду с отсутствием четких законодательных норм в 60-е – 70-е гг. XIX в отношении начального аграрного образования являлось серьезной преградой на пути его развития на Украине в 1870-е гг. [29, с. 139–147].

В таких условиях издание 27 декабря 1883 г. «Положения о низших сельскохозяйственных школах» было чрезвычайно необходимой мерой по улучшению кадрового обеспечения аграрного сектора Надднепрянщины. Главным достоинством закона, если учесть факт неспособности в тот период времени в сколько-нибудь значительной степени общественных сил Украины самостоятельно решать образовательные вопросы, явилось признание за государством некоторых обязанностей по субсидированию сельскохозяйственных низших учебных учреждений [12, с. 12; 26]. Для этих целей предусматривалось выделение пособий школам вне зависимости от того, какими они являются: казенными, частными либо земскими – до 3 500 тыс. руб., а также бесплатное наделение до 546 га казенной земли [11]. «Положение» от 27 декабря 1883 г. с учетом произошедших изменений общероссийского характера в области образования последней четверти XIX в. создавало строгую дифференциацию всей сети низших аграрных учебных заведений. Согласно данной классификации, они подразделялись на школы 1-го разряда, куда имели право поступать лица, окончившие двухклассные сельские училища, и школы 2-го разряда с более узким, чем в перворазрядных, спектром изучаемых предметов и ориентированные на выпускников любых, главным образом, одноклассных начальных народных училищ. Это имело свою логику, поскольку программы двухклассных школ в силу более длительного курса обучения (4–5 лет) были рассчитаны на получение более высокого уровня знаний в сравнении с содержанием образования в одноклассных школах с курсом обучения 1–3 года, в программах которых отсутствовали такие необходимые для более глубокого изучения земледелия предметы, как естествознание, черчение и практический курс географии [11; 27, с. 104; 20, с. 118]. Вместе с тем удельный вес двухклассных и народных училищ, по данным 1915 г., среди всех типов начальных учебных учреждений, которых насчитывалось 122 тыс., в целом по империи составлял только 4 %, а на Украине среди 21 тыс. начальных школ не превышал и 2 %, что в дальнейшем не могло не создать серьезных препятствий для набора наилучшего контингента учащихся в низшие сельскохозяйственные школы соответствующего типа и количественного их роста [25, с. 474; 27, с. 105; 2, с. 17]. На Украине данная проблема

стояла достаточно остро, о чем свидетельствуют протоколы заседаний Комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности, которые предлагали радикальные пути решения проблемы расширения сети аграрного образования посредством демократизации всей школьной системы [30, с. 244].

Незавершенность преобразований низшей ступени аграрного образования привела правительство к осознанию необходимости более решительных мер. В значительной степени этому соответствовало принятие 26 мая 1904 г. «Положения о сельскохозяйственном образовании». В соответствии с законом 26 мая 1904 г., для преодоления дефицита квалифицированных сельскохозяйственных рабочих создавались новые типы начальных аграрных учебных учреждений – практические школы, для зачисления в которые достаточно было умения читать и писать по-русски. Вторых, заметно увеличивались государственные ассигнования (до 7 тыс. рублей, в зависимости от типа начального учреждения) [24]. Вместе с тем создание сети новых типов школ шло крайне медленно, что не способствовало эффективному решению возложенных на них задач. Например, к 1908 г. в девяти украинских губерниях было создано всего пять таких школ. Также необходимо отметить, что, несмотря на увеличение дотаций, МЗиГИ стремилось ограничить свое финансовое участие в деле создания системы низших аграрных учреждений, что в дальнейшем отразилось на ней крайне отрицательно [16, с. 23]. Впоследствии ГУЗиЗ, изучив положение низших аграрных школ в 1908 г., констатировало, с одной стороны, их крайнюю недостаточность, с другой – неспособность многих земств, создающих данные учебные заведения, в дальнейшем поддерживать их нормальное функционирование несмотря на возросшую господдержку [8, с. 22]. Весьма показателен пример Сумской сельскохозяйственной школы 1-го разряда, при которой Харьковским губернским земством в 1905 г. была открыта опытная станция. Однако с 1907 г. дальнейшее ее существование находилось под вопросом. Лишь активные субсидии Харьковского товарищества сельского хозяйства позволяли сводить годовой баланс [6]. Имели место случаи, когда отсутствие необходимых средств в распоряжении органов самоуправления делало невозможным реализацию в аграрных учебных учреждениях наиболее перспективных образовательных проектов. Так, при Андреевской сельскохозяйственной школе 1-го разряда, находившейся в Полтавской губернии, состояло два водных бассейна общей площадью в 4,5 га, которые, по мнению ее администрации, в перспективе могли использоваться для организации рыбного хозяйства и подготовки рыбоводов, но на все ходатайства школы по их очистке и ремонту земство отвечало отказом, объясняя это непосильными затратами [4, с. 4, 15].

В силу вышеуказанных причин земства искали иные способы аграрного просвещения, требующие меньших материальных и финансовых ресурсов. Так, некоторые общеобразовательные земские низшие школы по мере возможностей поветовых земских учреждений вводили изучение садоводства, огородничества, рационального пчеловодства – дисциплин, не предусмотренных ни учебной программой Министерства народного просвещения (МНП) 1897 г., ни более поздними в ней изменениями. На территории Надднепрянщины таковыми являлись, к примеру, некоторые школы Александрийского уезда Херсонской губернии, Бердянского уезда Таврической губернии, Мариупольского уезда Екатеринославской губернии [34, с. 77, 80; 28, с. 62–65]. В отношении государственных учреждений образования низшего типа следует заметить, что методическими установками МНП не предусматривалось каких-либо отступлений от учебных программ. Однако все же допускалось, что учитель мог сообщить учащимся некоторые сведения сельскохозяйственного характера, но исключительно по ходу учебных занятий в контексте изучения хрестоматийного материала и только с разрешения директора школы [13, с. 20]. В то же время соответствующие государственные структу-

ры, имеющие в своем распоряжении значительные материальные ресурсы, не всегда могли реализовать имеющийся потенциал аграрных учебных заведений. В частности, Зозулинская женская школа сельского хозяйства и домоводства (Киевская губерния) и Белокриницкая казенная сельскохозяйственная школа (Волинская губерния) располагали водными бассейнами, которые при обследовании чиновником Департамента земледелия Н. Бородиным были признаны наряду с другими четырьмя, состоящими при иных образовательных заведениях, полностью соответствующими условиям постановки правильного рыбного хозяйства и подготовки специалистов-рыбоводов. Практическая же реализация таких мероприятий, по признанию преподавательского состава школ, осложнялась фактически полным отсутствием в Российской империи как соответствующей специальной литературы на русском языке, так и необходимого внимания со стороны Департамента земледелия [4, с. 15].

В соответствии с новым законом изменялись требования и к преподавателям в низшей школе. Если Положение от 27 декабря 1883 г. предполагало назначение на должность преподавателя сельскохозяйственных предметов лиц, окончивших аграрное высшее или среднее учебное заведение, а также не прошедших в них полный курс обучения, но доказавших свою компетентность, то в соответствии с новыми требованиями от 26 мая 1904 г. решено было допускать к означенной работе лишь тех лиц, которые прошли дополнительную педагогическую подготовку на курсах приготовления учителей в низшие сельскохозяйственные школы. На Украине таковые существовали при Харьковском среднем земледельческом училище с 1896 г. [11; 7].

Департамент земледелия и администрация этого училища весьма серьезно относились к поддержанию нормальной работы подобного рода системы повышения педагогической квалификации. Об этом свидетельствуют активные преобразования курсов в 1912 г., направленные на расширение практической и теоретической подготовки их слушателей. В частности, для усовершенствования методики преподавания и повышения качества уроков создавалась образцовая низшая сельскохозяйственная школа, департаментом выделялись дополнительные средства на модернизацию существующей учебно-материальной базы: специальных кабинетов, лабораторий, библиотеки, агрономического музея. Кроме того, для поддержки материального обеспечения курсистов вводились стипендии в размере 240 руб. в год, выплачиваемые слушателям со средним сельскохозяйственным образованием, и 360 руб. в год – для слушателей с высшим образованием. Немаловажным было и создание условий стимулирования труда учащихся, которое заключалось в предоставлении лучшим из них прав преимущественного занятия должностей в низших сельскохозяйственных школах [7].

Активно проводились и иные мероприятия, направленные на сохранение кадрового состава в аграрных учреждениях образования низшего типа. Заслуживает внимания список, утвержденный МЗиГИ 12 ноября 1899 г., в котором указывались сельскохозяйственные школы, преподаватели которых освобождались от призыва в армию, на флот и в государственное ополчение. Это Майновская (Черниговская губ.), Ольгинская (Херсонская губ.), Гнединская (Екатеринославская губ.), Белокриницкая (Волинская губ.) сельскохозяйственные школы, Никитинское училище садоводства и виноделия 1-го разряда (Таврическая губ.) [14]. Наряду с этим преподаватели низших аграрных школ находились в более выгодном экономическом положении, определяемом рядом существующих для них льгот, в сравнении с большинством народных учителей. К примеру, Уставом Никитинского училища садоводства и виноделия 1895 г., изданным в соответствии с Законом от 27 декабря 1883 г., предполагалась прибавка сотрудникам к жалованию, не превышающему 700 руб. в год, в размере $\frac{1}{4}$ содержания через каждые 5 лет, до тех пор пока оно не удвоится. При окладе более 700 руб. возможны были две такие прибавки [31, с. 15]. В целом заработная плата преподавателей спецпредметов

по Положению от 26 мая 1904 г. варьировалась в зависимости от разряда сельскохозяйственной школы. В частности, в школе 1-го разряда она составляла 500 руб. в год, в школе 2-го разряда – 400 руб. [10, с. 632]. В то же время по девяти украинским губерниям в 1910 г. средняя заработная плата у учителей-мужчин начальных образовательных заведений составляла лишь 376 руб. [21, с. 21; 22, с. 15; 23, с. 17]. Как свидетельствуют регулярно составляемые ГУЗиЗ «Списки лиц, подавших в Департамент земледелия прошения о предоставлении им должности преподавателя спецпредметов в подведомственных Департаменту земледелия низших сельскохозяйственных школах», результатом такой политики в сфере аграрного просвещения стало повышение конкурса на преподавательские места в низших аграрных школах как среди специалистов по сельскохозяйственным дисциплинам, так и среди народных учителей, знакомых со спецпредметами, на Украине и в целом в Российской империи [17].

Не менее важным было и стремление к качественному улучшению подготовки учащихся. Для этих целей в МГИ в 1892 г. в некоторых низших аграрных учебных заведениях Надднепрянской Украины, в частности, Асеевской сельскохозяйственной школе 1-го разряда (Харьковская губ.) и Одесской школе садоводства и огородничества 2-го разряда (Херсонская губ.), были несколько модифицированы уставы. Если ранее участие учащихся в одногодичной практике в конце обучения предполагалось исключительно с согласия родителей и носило добровольный характер, то в соответствии с изменениями 1892 г. наличие опыта практических работ в частных хозяйствах становится неотъемлемым условием получения аттестата и льгот по отбыванию воинской повинности, предоставляемых по окончанию школы. Более того, ознакомление с посторонними хозяйствами становилось обязательной нормой «без испрашивания мнения родителей» [33].

Следует отметить, что правительство при разработке оптимального соотношения форм и содержания аграрного образования во многом стремилось использовать инициативу самих учебных учреждений посредством поощрения обмена опытом между ними в виде отчетов, находя, что это «могло бы в значительной мере содействовать более правильной постановке учебного и хозяйственного дела». Например, в 1897 г. в Бобруйскую школу садоводства был отправлен запрос из Одесской школы садоводства и огородничества 2-го разряда с целью получения Устава и ежегодных отчетов данной школы для ознакомления [15]. В 1913 г. администрация Гнединского училища обратилась с просьбой высылки отчета за 1911 г. и программы поступления в первый класс к управляющему Марьино-Горской школы [19]. Кроме того, инициировалось проведение специальных съездов специалистов по низшему сельскохозяйственному образованию. В частности, таковой был организован в апреле 1898 г. в Уманском земледельческом училище. В дополнении к циркуляру от 13 декабря 1897 г. об его устройстве МЗиГИ. признавало необходимым, «чтобы на предстоящем съезде были выработаны хотя бы некоторые руководящие начала по частным вопросам низших сельскохозяйственных школ, которые в настоящее время разрешаются этими заведениями в каждом отдельном случае» [15].

Заключение

Таким образом, во второй половине XIX в. система начального аграрного образования на Украине подверглась коренному поэтапному реформированию. Первый этап (середина 1860-х гг. – начало 1880-х гг.) характеризовался передачей государством инициативы по созданию сельскохозяйственных школ и разработке основ их функционирования общественным структурам. Стратегия развития сети начальных аграрных учебных заведений на втором этапе (1883–1904 гг.) основывалась на реализации «Положения о низших сельскохозяйственных школах» от 27 декабря 1883 г. На третьем этапе (1904–1917 гг.) она определялась в соответствии с новым «По-

ложением о сельскохозяйственном образовании» от 26 мая 1904 г. В результате серии проведенных реформ, существенно улучшилось финансирование и материальное обеспечение сельскохозяйственных учебных заведений; кроме того, на качественно новый уровень вышел и учебный процесс. Вместе с тем отсутствие должного взаимодействия с земствами, неостребованность потенциала общеобразовательных школ ведомства МНП снижало результативность преобразований.

Содержащиеся данные и сделанные в статье выводы могут быть использованы соответствующими аграрными и образовательными структурами Республики Беларусь в процессе совершенствования существующей системы подготовки специалистов для сельского хозяйства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Актуальні проблеми державного управління / ред. колл. : С.М. Серьогін [та ін.]. – Дніпропетровськ : ДРІДУ НАДУ, 2007. – 300 с.
2. Бардаш, О.Д. Російське самодержавство і суспільно-культурне життя в Україні на початку ХХ століття (1900–1917 рр.) : автореф. дис. ... канд. іст. наук: 07.00.01 / О.Д. Бардаш. – Київ, 2007. – 24 с.
3. Бокань, В.А. Історія культури України : навч. посіб. / В.А. Бокань, Л.П. Польовий. – Київ : МАУП, 2002. – 249 с.
4. Бородин, Н.А. Пруды и другие водные бассейны при сельскохозяйственных учебных заведениях подведомственных Департаменту земледелия (к вопросу об устройстве центрального карпового хозяйства и подготовке практиков-рыбоводов) / Н.А. Бородин. – СПб : Типография М.П. Фроловой, 1905. – 18 с.
5. Брункус, Б. Школы сельскохозяйственные / Б. Брункус // Энцикл. словарь / под общ. ред. И.Е. Андреевского. – СПб., 1903. – С. 626–633.
6. Бондаренко, Н.М. Внесок професора М.А. Єгорова (1879–1942) у становлення Сумської дослідної станції / Н.М. Бондаренко [Електронний ресурс]. – Режим доступа: <http://www.nbuv.gov.ua/e-journals/INB/2009-5/index.html>. – Дата доступа: 13.01.2010.
7. Дело о преобразовании педагогических курсов при Харьковском среднем сельскохозяйственном училище 1912 г. // Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Фонд 2260. – Оп.1. – Д. 560. – Л. 1, 4.
8. Ежегодник Главного управления землеустройства и земледелия по Департаменту земледелия и Лесному департаменту. – СПб., 1908. – 837с.
9. Лебедев, І.К. Історичні аспекти виникнення і функціонування освітніх систем в Україні. Становлення системи вищої освіти в Україні / І.К. Лебедев [Електронний ресурс]. – Режим доступа: <http://www.library.kpi.ua/system/files/lebedev.pdf>. – Дата доступа: 16.03.2010.
10. Мыш, М.И. Положение о земских учреждениях 12 июня 1890 г. с относящимися к нему узаконениями, судебными и правительственными разъяснениями / М.И. Мыш. – СПб, 1910. – 939 с.
11. Нормальное положение о низших сельскохозяйственных школах, 27 декабря 1883 г., № 1919 // Полн. Собр. Зак. Рос. имп. – 1883. – Т.3. – Ст. 6, 9, 12, 22.
12. Носенко, О.В. Самоврядна діяльність земств південно-східної України (90-ті рр. ХІХ ст. – 1917 р.) : автореф. дис. ... канд. іст. наук: 07.00.01 / О.В. Носенко. – Луганськ, 2006. – 23 с.
13. Ососков, А.В. Начальное образование в дореволюционной России (1861–1917 гг.) / А.В. Ососков. – М. : Просвещение, 1982. – 208 с.

14. Отношения Департамента земледелия и Минского управления государственными имуществами об определении преподавателей на должности; об образовании секции по женскому сельскохозяйственному образованию в 1900 г. в Москве; об отпуске денег на покупку садовых инструментов; прошения о приеме в школу; отчет о практической деятельности С. Матрашека в городском питомнике города Варшавы 1899 г. // НИАБ. – Фонд 492. – Оп.1. – Д. 42. – Л. 75.

15. Отношения Департамента Земледелия с разъяснениями программ общеобразовательных и специальных предметов; об обмене отчетами между сельскохозяйственными школами; о созыве съезда деятелей по низшему и среднему сельскохозяйственному образованию; программа съезда; прошения о приеме в школу; о высылке правил приема и программ вступительных экзаменов и др. документы // НИАБ. – Фонд 492. – Оп.1. – Д. 29. – Л. 52, 85, 98.

16. Очнева, Н.П. Министерство земледелия и государственных имуществ 1894–1905 гг. (к вопросу о кризисе аграрной политики самодержавия накануне революции 1905–1907 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Н.П. Очнева; МГИАИ. – М., 1989. – 25 с.

17. Предписания Минского управления земледелия и государственных имуществ об определении на должности учителей, предоставлении отпусков преподавателям и учащимся; отпуска средств на хозяйственные нужды; постановления педагогического совета школы от 1-го сентября 1907 г. об уменьшении количества учащихся, о приеме вне конкурса детей крестьян, об уменьшении расходов на питание учащихся и др. вопр. 1907 г. // НИАБ. – Фонд 491. – Оп.1. – Д. 122. – Л. 15, 35, 47, 52, 57.

18. Предписания Департамента сельского хозяйства о точном указании в аттестате происхождения студентов; о более строгом проведении экзаменов; об исправном посещении лекций преподавателями 1855 г. // НИАБ. – Фонд 2259. – Оп.1. – Д. 1350. – Л. 10.

19. Прощения разных лиц о высылке программ вступительных экзаменов и правил приема в училище; о приеме в училище; о предоставлении учащимся казенных стипендий; о выдаче характеристик на учащихся; о высылке саженцев плодовых деревьев; программа и бюллетень всероссийского съезда в Киеве 1913 г. // НИАБ. – Фонд 491. – Оп.1. – Д. 280. – Л. 124.

20. Пругавин, А.С. Законы и справочные сведения по начальному низшему образованию / А.С. Пругавин. – СПб, 1898. – 785 с.

21. Покровский, В.И. Однодневная перепись начальных школ в империи, произведенная 18 января 1911 г. (Киевский учебный округ) / В.И. Покровский – СПб : Типография «Екатерининское печатное дело», 1913. – 175 с.

22. Покровский, В.И. Однодневная перепись начальных школ в империи, произведенная 18 января 1911 г. (Одесский учебный округ) / В.И. Покровский – Петроград : Типография «Екатерининское печатное дело», 1914. – 119 с.

23. Покровский, В.И. Однодневная перепись начальных школ в империи, произведенная 18 января 1911 г. (Харьковский учебный округ) / В.И. Покровский – СПб : Типография «Екатерининское печатное дело», 1914. – 164 с.

24. Положение о сельскохозяйственном образовании, 26 мая 1904 г., № 24628 // Полн. собр. зак. Рос.имп. – 1904. –Т. 24. –Ст. 64.

25. Пушкарев, С.Г. Россия в XIX веке (1901–1914 гг.) / С.Г. Пушкарев. – Нью-Йорк : Изд-во им. А.П. Чехова, 1956. – 486 с.

26. Сельскохозяйственное образование // Настольный энцикл. словарь. – М., 1896. – Т. 7. – с. 4464.

27. Сысоева, Е.К. Образовательная политика в России (60–90-е гг. XIX в.) / Е.К. Сысоева // Педагогика. – 1997. – № 2. – С. 99–105.

28. Смирнов, И.И. Руководящие основания к правильной постановке учебной части в одноклассных и двухклассных начальных училищах, согласно министерским программам и применительно к новым требованиям дидактики / И.И. Смирнов. – Рига : Изд-во К.Х. Зихмана, 1914. – 66 с.

29. Труды комиссии по составлению проекта «Положения о низших сельскохозяйственных школах». – СПб., 1878. – 180 с.

30. Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности (Полтавская губерния). – СПб, 1903, – 830 с.

31. Устав Никитинского училища садоводства и виноделия 1-го разряда с высшими курсами по виноделию. – Феодосия, 1895, – 22 с.

32. Халамендик, В.Д. Соціально-економічні передумови становлення та розвитку педагогічної освіти Півдня України другої половини XIX – початку XX ст. / В.Д. Халамендик // Наук. праці. – Вип. 7. Педагогічні науки / Нац. ун-т «Києво-Могилянська Акад.». – Київ, 2002. – С. 123–134.

33. Циркуляры Департамента земледелия и сельской промышленности Министерства государственных имуществ о введении в курсе учебы практического года; временные правила об устройстве бесплатных курсов при сельскохозяйственных учебных заведениях для учителей народных училищ 1887–1891 гг. // НИАБ. – Фонд 492. – Оп.1. – Д. 6. – Л. 92.

34. Шумілова, І.Ф. Розвиток земських шкіл Північного Приазов'я: історико-педагогічний аспект / І.Ф. Шумілова. – Донецьк : ТОВ «Юго-Восток, ЛТД», 2008. – 206 с.

Voron V.P. The Policy of Russian Autocracy in the Sphere of the Initial Agricultural Formation on the Territory of Naddnieper Ukrain in the Second Half of the XIX – the Begining of the XX Century

The issue of the article is the main features of Russian autocracy's policy in the sphere of the initial agricultural formation on the territory of Naddnieper Ukrain in the second half of the XIX – the beginning of the XX century. The core of this research are the materials of the National Historical Record Office of Belarus, the works of the office workers of the Main board of Agriculture and system of Land Tenure and the representatives of Free Economic Society, the works of the Soviet and modern historians where the legislation of agricultural education is analysed.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 15.10.2010

УДК 929.52 (476)

В.М. Панко**ДАВЫД-ГАРАДОЦКАЯ АРДЫНАЦЫЯ
КНЯЗЁЎ РАДЗІВІЛАЎ У 1905–1939 гг.**

Артыкул прысвечаны сістэме арганізацыі адной з самых вялікіх па плошчы ардынацый, якія існавалі на землях Польшчы ў перыяд паміж дзвюма сусветнымі войнамі. Гэтая ардынацыя была створана ў канцы XVI ст. Традыцыйнае права спадчыны перадавала ардынацыі старэйшаму ў родзе. У пачатку XX ст. князь Антоній-Вільгельм Радзівіл падзяліў свае ардынацыі паміж двума сынамі. Малодшаму з іх, Станіславу, дасталася Давыд-Гарадоцкая на Палессі. У 1920 г. князь загінуў, а яго ўладанні перайшлі да пляменніка, князя Караля. У 1921–1939 гг. гэтае зямельнае ўладанне налічвала каля 155 тыс. га. Зямельная рэформа, якая праводзілася польскімі ўладамі ў гэты час, не закранула ардынацыі. На Палессі было вельмі мала ворыўных земляў, большасць тэрыторыі Давыд-Гарадоцкай ардынацыі складалі балоты і лясы. Адным з важных аспектаў дзейнасці гэтай ардынацыі была арганізацыя паляванняў, у якіх часта прымалі ўдзел памешчыкі, вышэйшыя чыноўнікі дзяржавы і дыпламаты. Вясной 1939 г. улады вырашылі скасаваць ардынацыі, лічачы іх феадальным перажыткам.

Уводзіны

Беларускі даследчык А. Грыцкевіч, абапіраючыся на акт устанаўлення радзівілаўскіх ардынацый, такім чынам акрэсліў значэнне гэтага тэрміна: «Ардынацыямі называліся феадальныя вотчыны, якія навечна пакідаліся ў валоданне мужчынскіх нашчадкаў роду Радзівілаў з парадкам перадачы ў спадчыну па прынцыпе першароднасці. Ардынацыі не пераходзілі па спадчыне жанчынам і не маглі адчувацца» [1, с. 165]. Польскі даследчык А. Мелень падае наступнае тлумачэнне паняцця ардынацыі: «Гэта прававая інстытуцыя, якая звязвае пэўны маёнтак як непадзельную цэласнасць, якая не падлягае продажу, з пэўным родам назаўсёды, прычым перадача ў спадчыну гэтага маёнтка членамі дадзенага роду наступае на ўмовах прымагенітуры (першароднасці)» [2, с. 20].

Пасля падпісання Рыжскага мірнага дагавора ў 1921 г. у склад Польскай дзяржавы ўвайшлі землі Заходняй Беларусі. На гэтай тэрыторыі знаходзіліся чатыры прыватнаўласніцкія ардынацыі: Роская графаў Браніцкіх (Беластоцкае ваяводства), Масаліанская графаў Біспінг-Галенаў (Беластоцкае ваяводства), Нясвіжская і Клецкая князёў Радзівілаў (Навагрудскае ваяводства) і Давыд-Гарадоцкая князёў Радзівілаў (Палескае ваяводства). Самай вялікай з іх на той час была Давыд-Гарадоцкая, якая налічвала каля 155 тыс. га зямлі [3, с. 377–379].

Заснаванне ардынацыі

Пытанне заснавання Давыд-Гарадоцкай ардынацыі гісторыкамі не даследавана. Не выяўлены пакуль што дакумент аб яе заснаванні. Вядома, што вялікі комплекс зямель на Палессі належаў князям Радзівілам ужо падчас заснавання ў 1586 г. Нясвіжскай, Клецкай і Алыцкай ардынацый. Традыцыйна гэтыя землі мелі дачыненне да Клецкай ардынацыі, хоць па плошчы значна пераўзыходзілі яе самую. Вельмі часта ў дакументах XIX ст. гэтыя ўладанні называліся асобнай ардынацыяй, але фактычна ёю не з'яўляліся. Толькі недзе ў канцы XIX – пач. XX ст. адбылося афіцыйнае прызнанне палескіх маёнткаў Давыд-Гарадоцкай ардынацыяй. Першым ардынатам стаў князь Станіслаў (1880–1920), а заснавальнікам быў яго бацька, прускі генерал князь Антоній-Вільгельм (1833–1904).

Доўгі час цэнтрам гэтай ардынацыі быў Давыд-Гарадок, адсюль пайшла і яе назва. Аднак з канца XIX ст. асноўным фальваркам сталі Манькавічы, размешчаныя вельмі блізка ад Століна (зараз тэрыторыя былой сядзібы ўваходзіць у склад горада). У 1885 г. княгіня Марыя-Дарота Радзівіл заклала ў Манькавічах парк, размешчаны на высокім беразе Гарыні. Пасля атрымання ардынацыі князем Станіславам парку ў 1905 г. быў пабудаваны палац, дзе пасялілася сям'я ардынаты і знаходзілася ўпраўленне ардынацыі [4, с. 456].

У Дзяржаўным архіве Брэсцкай вобласці (далей – ДАБВ) захаваліся значны комплекс дакументаў, якія тычацца гісторыі Давыд-Гарадоцкай ардынацыі ў 1921–1939 гг. Вядома, аднак, што частка спраў з гэтага комплексу (іх назвы захаваліся ў вопісах) была страчана ў 1950-я гг. Прычыну высветліць не атрымалася. Магчыма, гэта былі прыватныя дакументы роду. Зразумела, што большасць іх мела дачыненне да тых часоў, калі ў Манькавічах была пабудавана рэзідэнцыя. Большая частка дакументаў знаходзіцца ў фондзе 2031. Гэта судовыя справы Акруговага суда ў г. Пінску, які разглядаў пытанні, звязаныя з падзелам спадчыны князя Станіслава, маёмасці яго родзічаў. Добра ў брэсцкім архіве прадстаўлена дакументацыя, якая тычыцца лясной гаспадаркі ў ардынацыі. У ДАБВ захаваліся таксама справы, прысвечаныя атрыманню членамі сям'і апошняга ардынаты князя Караля замежных пашпартоў, якія былі патрэбны для выезду з Польшчы. У гэтых справах захаваліся і самі пашпарты са здымкамі.

У судовых справах захавалася шмат дакументаў ранейшага перыяду, якія дазваляюць аднавіць многія юрыдычныя пытанні ў гісторыі ардынацый пачынаючы ад смерці кн. Антонія-Вільгельма ў 1904 г. У прыватнасці, захавалася копія завяшчання князя Антонія-Вільгельма, якое дазваляе ўявіць у поўнай ступені тую маёмасць, што належала роду ў пачатку XX ст. Завяшчанне прадугледжвала раздзяленне ардынацый паміж сынамі Ежы і Станіславам. У адпаведнасці з § 5 гэтага завяшчання, «мой младший сын Станислав имеет при разделе получить майоратное (ординационное) имение Давидгрудек, а именно с его составными частями как равно и со всеми принадлежностями, предназначенными служить хозяйственным целям имения, т.е. с мёртвым и живым инвентарём, все как будет находится в момент моей смерти, в особенности также с существующими в момент моей смерти связанными с этой недвижимостью и из оной вытекающими выкупными капиталами, но с обязательством принять на себя нераздельное несение и удовлетворение всех лежащих на означенной недвижимости или иных долговых обязательств, всякого рода происходивших от ведения хозяйства, записаны ли они за ними или нет и всех этих обязательств в том виде, как они будут существовать в момент моей смерти» [5, арк. 8–8адв.].

У завяшчанні таксама згадвалася, што князь Станіслаў атрымлівае ад бацькі частку яго рухомай спадчыны: карціну з двума хлопчыкамі, якія спяць (прыпісвалася Рубенсу), партрэт караля Генрыха IV Французскага, копію партрэта польскай каралевы Барбары, які захоўваецца ў Нясвіжы. Фактычна гэтыя карціны сталі часткай маёмасці Давыд-Гарадоцкай ардынацыі. Пры гэтым князь Станіслаў быў абавязаны выплачваць 1/3 частку пенсіі маці і платы за яе кватэру ў Берліне. Гэтае завяшчанне было складзена ў Берліне 6 чэрвеня 1902 г. і зацверджана Акруговым судом г. Мінска 20 ліпеня 1905 г. На той момант Давыд-Гарадоцкая ардынацыя знаходзілася ў межах Пінскага і Мазырскага павеятаў Мінскай губерні [5, арк. 1–1адв., 9адв.].

Гаспадарчая дзейнасць князя Станіслава (1905–1920 гг.) і падзел яго спадчыны

Да 1915 г. становішча ардынацыі было даволі стабільным. Нягледзячы на тое, што краіна знаходзілася ў стане ваенных дзеянняў, тэатр іх быў далёка. Аднак з набліжэннем фронту расійскія ўлады загадалі эвакуіраваць насельніцтва і вывозіць

найбольш каштоўныя прадпрыемствы. Падчас Першай сусветнай вайны, рэвалюцый і савецка-польскай вайны становішча было нестабільным, перавага знаходзілася то на адным, то на другім баку. Відаць, з гэтай прычыны князь Станіслаў, не ўпэўнены ў будучым, няшчадна эксплуатаваў лясы ардынацыі. Ён заключыў некалькі дамоўленасцей на вырубку і вываз лесу з фірмамі і прыватнымі асобамі. Groшы з гэтых здзелак ён браў авансам і ўкладваў у кіеўскія банкі, набываў нерухомасць у Кіеве і Варшаве. Аднак палітычныя калізіі не далі цалкам рэалізаваць гэтыя здзелкі, грошы, з іх атрыманья, былі страчаны пасля заключэння Рыжскага міру.

28 красавіка 1920 г. князь Станіслаў (поўнае імя Вільгельм-Януш-Генрык-Станіслаў) загінуў на поле бітвы з бальшавікамі. Ён быў маёрам польскага войска. У князя Станіслава была жонка Марыя-Далорэс (1886–1966) з роду Радзівілаў і адзіная дачка Ганна (1907–?). Акт заснавання ардынацыі патрабаваў перадачу асноўнай часткі спадчыны князя Станіслава – Давыд-Гарадоцкай ардынацыі – бліжэйшаму родзічу па мужчынскай лініі. Князь Станіслаў меў трох родных пляменнікаў, сыноў яго старэйшага брата Ежы – Альбрахта (1885–1935), Каралю (1886–1968) і Леона (1888–1959). Альбрахт з 1914 г. пасля смерці бацькі з'яўляўся нясвіжскім і клецкім ардынатам. З прэтэнзіяй на спадчыну князя Станіслава звярнуўся толькі сярэдні пляменнік Караль, які на той момант служыў сувязным афіцэрам у Генеральным штабе пры англійскай місіі [5, арк. 1–3].

Атрыманне Каралем ардынацыі адбылося ў абыход правілаў, закладзеных у акце заснавання ардынацыі, таму што ён не быў старэйшым родзічам-мужчынам. Аднак статут даваў ардынату права выбраць сабе пераемніка, таму значным аргументам пры такім падзеле спадчыны было жаданне самога князя Станіслава, якое ён занатаваў у завяшчанні. Гэты дакумент захоўваўся ў Пецярбургу і быў у 1920 г. недаступны. Аднак усе зацікаўленыя бакі ведалі змест завяшчання і з ім пагаджаліся: ардынацыя князю Каралю, усё астатняе – дачцэ і жонцы [6, арк. 1]. Князь Альбрахт падтрымаў брата: 21 лютага 1920 г. у Парыжы ён падпісаў афіцыйны дакумент, якім адмаўляўся ад прэтэнзіі на Давыд-Гарадоцкую ардынацыю [5, арк. 29].

Пры зацвярджэнні новага ардыната княгіня Ізабэла, жонка князя Каралю, якая была яго даверанай асобай (князь знаходзіўся ў войску), 7 ліпеня 1920 г. дала пісьмовае абавязальніцтва жонцы папярэдняга ардыната, сваёй роднай сястры Марыі-Далорэс, выплаціць ёй на працягу 10 гадоў з даходаў ардынацыі значную суму грошай. Зыходзячы з гэтай дамоўленасці, Марыя-Далорэс з дачкой абяцалі не прэтэндаваць на маёмасць ардынацыі (на гэта яны і не мелі права). Аднак гэта быў вельмі нестабільны час, калі існавала верагоднасць, што ардынацыі наогул скасуюць. Княгіня Ізабэла брала на сябе і мужа вельмі жорсткія абавязкі: «У выпадку скасавання ардынацыі і адчужэння зямлі і лясоў без кампенсацыі, сумы, выплачаныя на падставе дадзенага абавязальніцтва звароту, не падлягаюць» [6, арк. 4]. Таксама давалася абяцанне адразу пасля атрымання ардынацыі князем Каралем скласці завяшчанне, у якім будзе названы наступны ардынат, згодны выканаць абавязкі князя Каралю ў выпадку яго смерці.

Княгіня Марыя-Далорэс сцвярджала, што ў 1914 г. уклала ў касу ардынацыі 200 тыс. руб. свайго пасагу ў якасці інвестыцыі. Акрамя гэтага, княгіні і яе дачцэ Ганне належала суму ў 2,5 млн. швейцарскіх франкаў адпаведна статуту ардынацыі. Наследніцы патрабавалі выплаціць ім агульную суму ў 3 млн. франкаў.

Праз некаторы час высветліўся сапраўдны стан фінансаў ардынацыі, які склаўся ў выніку апошніх гадоў гаспадарання князя Станіслава, узніклі значныя праблемы з выплатай абяцаных княгіні Марыі-Далорэс грошай. Князь Караль абвінавачваў свайго дзядзьку-нябожчыка ў злоўжываннях, якія прымушалі цяпер выцягваць ардынацыю з эканамічнай ямы. Сцвярджалася, што толькі на працягу 1916–1917 г. дзядзька прадаў амаль 2 млн. адборных дрэў на суму каля 10 млн. руб., грошы браў авансам. Па гэтай

прычыне Караль быў вымушаны дамовіцца з уладальнікам самага вялікага і найменш выгаднага дагавора Леонам Бродскім і дазволіў яму эксплуатаваць лясы ардынацыі з тым, што той згодзіцца ануляваць дагавор з князем Станіславам на суму 250 млн. марак. Ён таксама абавязваўся за 50 млн. марак урэгуляваць прэтэнзіі ўсіх астатніх прэтэндэнтаў на лес [6, арк. 32].

Такім чынам, пасля смерці князя Станіслава ардынацыя аказалася абцяжаранай нявыгаднымі здзелкамі, ад якіх было немагчыма адмовіцца, таму што грошы былі ўжо атрыманы. Пры гэтым фінансавай карысці для ардынацыі здзелкі не прынеслі. У выпадку, калі грошы не былі б страчаны, яны б належалі не ардынацыі, а дачцэ князя Станіслава Ганне. Фінансавая сітуацыя ў Давыд-Гарадоцкай ардынацыі была вельмі складанай. Гэта стала прычынай канфлікту паміж новым ардынатам князем Каралем і сям'ёй папярэдняга ардыната – яго жонкай і дачкой.

Праз год пасля смерці мужа Марыя-Далорэс выйшла замуж за свайго дваюраднага брата Леона Радзівіла (1880–1927), пераехала з дачкой у Парыж, дзе і жыла пастаянна. Увесь час, пакуль цягнуўся судовы працэс, справа ўскладнялася якраз тым, што абодва бакі жылі ў розных краінах, дзейнічалі праз адвакатаў і консульствы. Быў нават выпадак, калі падчас візіту князя Караля ў Парыж княгіня Марыя-Далорэс спрабавала ўздзейнічаць на яго праз французскі суд [6, арк. 30–30адв.].

Лясная гаспадарка ардынацыі

Большасць плошчы ардынацыі складаў лес, што абумовіла спецыфіку яе ўпраўлення. На працягу некалькіх стагоддзяў гаспадарання Радзівілаў у гэтым рэгіёне склаліся некаторыя традыцыі. Мяцовае насельніцтва вельмі цесна залежала ад промыслаў, звязаных з лесам. Адною з крыніц даходаў мяцовага насельніцтва быў удзел у паляваннях у якасці загоншчыкаў (удзельнічалі сотні людзей). Не было рэдкай з'явай і браканьерства на землях ардынацыі, дзе мясцовыя жыхары здаўна прывыклі паляваць у панскіх лясках. Сустракаецца шмат судовых спраў аб браканьерстве.

У 1921–1939 гг. Давыд-Гарадоцкая ардынацыя была самым вялікім лясным маёнткам на тэрыторыі Столінскага павета, дзе ўсяго было 101,201 га лясоў, з іх 60 тыс. 947,97 га (60%) складалі лясы ардынацыі. Княгіня Марыя-Далорэс Радзівіл валодала ў гэтым павеце маёнткам Старое Беражное, у якім было 418 га. Усяго ў той час у павеце было 34 лясныя маёнткі, якімі валодалі прыватныя асобы і фірмы [7, арк. 74–75].

У 1923 г. польскі ўрад прыняў закон аб увядзенні абавязковых падаткаў на лес, што асабліва закранула інтарэсы буйных лесапрамыславікоў. Прычынай увядзення гэтага падатку было цяжкае становішча ў будаўнічай гаспадарцы краіны, разбуранай дзвюма войнамі. Спецыяльная камісія з прадстаўнікоў мясцовых павятовых улад (у склад яе ўваходзіў і камісар аховы лясоў) вызначала памер ляснога падатку. Ардынацыя размяшчалася ў 5 гмінах: Хорскай, Столінскай, Плотніцкай, Церабяжоўскай і Бярозаўскай [8, арк. 13–15адв.] Лес ардынацыі падзяляўся на дзялянкі – Стралецкую, Веляміцкую, Турска-Лядскую, Юзэфінскую, Старасельскую, Перабродскую, Вікаравіцкую, Рубельскую, Атвержыцкую і Арлоўскую [9, арк. 8].

Пытаннем збору ляснога падатку займаўся камісар аховы лясоў і рэферэнт па справах ляснога падатку [8, арк. 50]. Князь Караль быў вымушаны выканаць умовы кантрактаў, падпісаных яго дзядзькам. 4 лістапада 1921 г. Караль Радзівіл аформіў продаж усіх надзелаў ардынацыі пад вырубку лесу на 25 гадоў бюро Леона Бродскага. Гэтае прадпрыемства павінна было плаціць і лясны падатак: частку драўнінай (1 600 м³ сасны), частку грашыма (41 тыс. 571 марку) [8, арк. 15адв.–17, 31, 38]. Лес ардынацыі перапрацоўвалі на лесапільнях ў Юзэфіне і Дамброве, для перавозкі драўніны выкарыстоўвалася прыватная вузкакалейка Радзівілаў.

Рыбная гаспадарка

У пачатку 1930-х гг. з сямі былых фальваркаў Давыд-Гарадоцкай ардынацыі непасрэдна прамысловая вытворчасць сельскагаспадарчай прадукцыі засталася толькі на двух – Долін (быў так названы ў гонар княгіні Марыі-Далорэс, якую ў сям’іназывалі Далорэс або Долі) і Дамброва. Астатнія былі аддадзены або пад вайсковае асідніцтва, або падпалі пад дзеянне аграрнай рэформы [10, арк. 1 адв.]. Неабходна прызнаць, што ніколі за ўсю гісторыю ардынацыі тут не было такога актыўнага гаспадарчага руху, як у апошнія дваццацігоддзе яе існавання. Прычына заключалася ў тым, што амаль увесь час гэта былі другарадныя маёнткі ў цяжкадаступным рэгіёне. Аднак з пачатку XX ст. тут існавала рэзідэнцыя князя, у якога не было іншых уладанняў. Да таго ж будаўніцтва чыгункі зрабіла больш лёгкай і прыбыткавай эксплуатацыю лесу.

У 1930-я гг. князь Караль актыўна развіваў на тэрыторыі ардынацыі рыбную гаспадарку. Было пабудавана некалькі прамысловых сажалак, дзе вырошчвалася рыба, якую на продаж вывозілі чыгункай. Ствараліся і сажалкі для зімавання рыбы. У 1933 г. спецыяльная камісія ў складзе ваяводскага рыбнага інспектара М. Савіцкага ў прысутнасці тагачаснага кіраўніцтва ўпраўлення ардынацыі – прадстаўніка ардыната Е. Сянькоўскага, дырэктара ардынацкіх лясоў Р. Дабравольскага, дырэктара ардынацкіх рыбалавецтваў Я. Рослера – даследавала ўсе рыбныя сажалкі ардынацыі: яны былі абмераны і падрабязна апісаны. Высветлілася, што ў той час у маёнтках князя Караля існавала 35 сажалак агульнай плошчай 474,5 га, будавалася яшчэ 2 сажалкі плошчай 210 га. У паўночнай частцы Перабродскай дзялянкі функцыянавала рыбная гаспадарка «Млыншча» плошчай 215 га. Існаваў праект пабудавання паласу рыбных сажалак шырынёй да 6 км і даўжынёй 20 км [9, арк. 8, 13–14, 29–30].

Ажыццяўленне аграрнай рэформы

28 снежня 1925 г. Сейм ухваліў галоўны закон аб правядзенні аграрнай рэформы. Памешчыкі былі вымушаны прадаваць землі, якія перавышалі 300 га. Закон дазваляў гаспадарам маёнткаў самім вырашаць, якія землі аддаць пад парцэляцыю. Зямля прадавалася па рыначных цэнах, што спрыяла фінансавай стабілізацыі памешчыцкіх гаспадарак і дазваляла ўкладваць грошы ў мадэрнізацыю. Такі падыход да правядзення аграрнай рэформы атрымаў добры водгук сярод памешчыкаў, у выніку чаго за перыяд 1918–1938 гг. было распарцэлявана 1 млн. 863 тыс. га прыватных зямель. На думку польскага гісторыка А. Ліхаровіча, гэтая аграрная рэформа ў Польшчы была «рацыянальнай спробай эвалюцыйнага правядзення аптымальнай – у межах існаваўшых эканамічных магчымасцей сельскай гаспадаркі і фінансавых дзяржавы – карэктуры ладу і структуры польскай вёскі» [11, с. 29]. Працэс ажыццяўлення аграрнай рэформы адбываўся не вельмі хутка. Адною з прычын гэтага можна лічыць недахоп сродкаў у мясцовага насельніцтва на куплю зямель. Асноўнай задачай рэформы быў продаж памешчыцкіх зямель мясцовым жыхарам (такія парцэляцыя называлася «суседскай»).

Аднаводна статусу ардынацыі, землі яе не падлягалі продажу. Аднак структура ардынацкіх зямель не была аднароднай: сярод іх сустракаліся сялянскія надзелы. Таму ішоў актыўны працэс абмену надзеламі паміж князем і сялянамі, каб пазбавіцца цераспалосіцы. Сяляне захавалі за сабой частку правоў яшчэ з часоў адмены прыгоннага права (сервітуты, служэбнасці і г.д.). Дакументы сцвярджаюць, што парцэляцыя на землях ардынацыі ажыццяўлялася не вельмі актыўна. На жаль, па тых дакументах, якія захаваліся ў ДАБВ, цяжка зрабіць выснову, якім чынам выбіраліся землі пад парцэляцыю.

Эканамічныя і прававыя адносіны ардынацыі з сялянамі былі даволі забытанымі. Напрыклад, жыхары в. Альманы Столінскага павета адпаведна іменнаму спісу ў 1868 г. мелі 1668,23 га зямлі ў надзелах; акрамя гэтага, мелі права выпасу летам жывёлы па лясках і балотах гаспадара маёнтка, а вясной па лугах [9, арк. 39]. Такі стан спраў быў вельмі нязручным для землекарыстання, таму што ствараў умовы для злоўжыванняў (патравы і г.д.). У пачатку 1930-х гг. былі ўведзены абмежаванні гэтага права.

Лес не трапляў пад дзеянне рэформы, а ён складаў асноўную частку ардынацыі. Менавіта таму князь Караль імкнуўся атрымаць дазвол на парцэляцыю асобных участкаў лесу. Паводле афіцыйных звестак, у межах ардынацыі знаходзілася 27 вёсак: Альманская Кашара, Альманы, Альшаны, Атвержыцы, Белавуша, Бярозаў, Блажова, Велемічы, Вежыца, Вялікае Малешава, Вялікія Арлы, Гліннае, Драздынь, Лядзец, Малыя Арлы, Манькавічы, Мачуль, Альпень, Пераброды, Пераходзічы, Рубель, Старое Сяло, Харомск, Хотамель, Хорск [9, арк. 52].

Ставілася задача арганізацыі пакупкі жыхарамі гэтых вёсак зямель Караля Радзівіла. Аднак гэты працэс ішоў вельмі павольна. У планах часта адзначалася, што актыўнасць з боку мясцовых пакупнікоў адсутнічае. На жаль, дадзеных на канец 1930-х гадоў няма, таму невядома, якія з праектаў парцэляцыі ўдалося ажыццявіць.

У Атвержыцкай дзялянцы існаваў праект парцэляцыі на 270 га, у асноўным гэта быў лес. У Рубельскай дзялянцы ўпраўленне ардынацыі прасіла дазвол на вырубку лесу каля 229 га – пад парцэляцыю. На Старасельскай дзялянцы былі анклавныя зямлі сялян вёсак Пераброды і Вежыца, ішоў працэс іх ліквідацыі. Тут пад парцэляцыю было адведзена два надзелы (516 га і 577 га), дзе быў лес і балотныя лугі. Гэтыя землі прадаваліся на парцэляцыю не за грошы, а за адпрацоўку пры будаўніцтве рыбных сажалак. Месца будаўніцтва знаходзілася за 6–8 км ад зямель, якія ішлі пад парцэляцыю [9, арк. 42–44].

З фінансавых дакументаў відаць, што Давыд-Гарадоцкая ардынацыя не была прыбытковым прадпрыемствам. Значным багаццем былі лясны, продаж драўніны складаў значную частку прыбытку. У першай палове 1930-х гг. большасць прыбытку давала рыбная гаспадарка, меншую – продаж надзелаў пад парцэляцыю [9, арк. 59].

Супрацоўнікі ардынацыі

У 1920-х гг. у Польшчы было ўведзена абавязковае страхаванне здароўя некаторых катэгорый наёмных работнікаў. Страхаванне гэтае ажыццяўлялася павятовымі касамі хворых, а плаціць быў абавязаны работадаўца. У лютым 1929 г. камісар павятовай касы хворых у г. Століне прыняў рашэнне аб штрафных санкцыях у дачыненні да Караля Радзівіла, які не застрахаваў 17 пастаянных супрацоўнікаў упраўлення Давыд-Гарадоцкай ардынацыі. Князя Радзівіла абавязалі заплаціць у касу 44 тыс. 73 зл. 60 гр. Гэтая сума складалася са ўзносаў, якія не былі заплачаны за работнікаў з моманту пачатку іх працы ў ардынацыі.

На тэрыторыі ардынацыі працавала некалькі прадпрыемстваў: лесапільні ў Дамброве і Юзэфіне, вузкакалейка, вінакурны завод у Манькавічах. Адбылося некалькі судовых разбіральніцтваў па гэтай справе, у якіх перамог Караль Радзівіл. Сам па сабе гэты факт не меў вялікага значэння для гісторыі ардынацыі, аднак судовая справа паміж касай хворых і князем Каралем захавала поўны спіс супрацоўнікаў ардынацыі з сумай іх заробку і пасадай, якую яны займалі [12, арк. 1–1адв., 3, 5–6, 60–61].

Табліца – Супрацоўнікі Галоўнага ўпраўлення Давыд-Гарадоцкай ардынацыі ў 1929 г.

	Прозвішча і імя	Пасада ў ардынацыі	З якога года працуе	Заробак, зл.
1	Альшанскі Здзіслаў	тэхнік вінакурні ў Манькавічах	1928	337
2	Банькоўскі Васіль	пляцоўшчык пры лесапільні ў Юзэфіне	1928	100
3	Вітрук Мікалай	кіраўнік лесапільні ў Юзэфіне	1925	265
4	Гавенка Юзаф	машыніст вузкакалейкі	1925	175
5	Гарадзецкі Уладзімір	зменшчык на лесапільні ў Юзэфіне	1928	165
6	Жаброўскі Антон	кіраўнік лесапільні ў Дамброве	1925	510
7	Кухарэвіч Аляксандр	рахаўнік на лесапільні ў Дамброве	1925	220
8	Лазарэвіч Антон	лесапільня ў Дамброве *	1924	170
9	Ліпкоўскі Валерый	дырэктар лесапільні ў Юзэфіне	1925	395
10	Ружуцкі Яўген	зменшчык на лесапільні ў Юзэфіне	1927	215
11	Сухоцкі Ян	пляцоўшчык лесапільні ў Дамброве	1925	120
12	Тымчук Ян	машыніст вузкакалейкі	1925	145
13	Фіялкоўскі Ян	маніпулянт драўніны на лесапільні ў Дамброве	1925	216
14	Шаўчук Юрый	кандуктар чыгункі ў Дамброве	1924	125
15	Шустэр Юзаф	пляцоўшчык пры лесапільні ў Юзэфіне	1928	90
16	Цэцэрскі Антон	дарожны наглядчык на вузкакалейцы	1925	145
17	Цэцэрскі Мікалай	абслугоўваў вузкакалейку	1925	100

Сям'я і лёс апошняга ардыната

З 1933 г. князь Караль разам з сям'ёй пасяліўся ў Манькавічах. Яго жонкай была княгіня Ізабэла (1890–1968), дачка князя Дамініка Радзівіла і Далорэс дэ Аграмонтэ. У Каралю і Ізабэлы была адзіная дачка Ізабэла (1915–1996), якая ў 1934 г. выйшла замуж за далёкага родзіча князя Эдмунда Радзівіла (1906–1971) [4, с. 458–459].

Па звестках усепольскага перапісу насельніцтва, у 1931 г. у фальварку Манькавічы разам з гаспадарамі маёнтка жыло 123 чалавекі, там знаходзілася 12 будынкаў (у тым ліку палац) [4, с. 459]. Да нашых дзён захаваліся спіс выбаршчыкаў у Сейм і Сенат, складзены ў 1938 г. Князь-ардынат і яго жонка размешчаны ў спісе сярод сялян, якія жылі ў вёсцы і сядзібе, у алфавітным парадку. Цікава, што ў графе «прафесія» насупраць прозвішча князя пазначана «ардынат». Гэты спіс дазваляе выявіць некаторых спецыялістаў і работнікаў, якія жылі ў Манькавічах і працавалі ў маёнтках ардынацыі [13, арк. 1 адв.–56].

*Пасада не вядома.

Вясной 1939 г. польскія ўлады афіцыйна скасавалі тытулы і ардынацыі, што павінна было аздаравіць эканоміку. Лёс сям'і апошняга ардыната пасля верасня 1939 г. быў даволі складаным. З пачаткам Другой сусветнай вайны князь Караль і яго жонка княгіня Ізабэла разам з польскімі войскамі хацелі трапіць у Румынію, аднак былі арыштаваны і апынуліся ў савецкім лагера для ваеннапалонных. Пасля вызвалення з лагера ў 1942 г. сям'я праз Англію трапіла ў Паўночна-Афрыканскую рэспубліку, дзе яны доўгі час займаліся гадаваннем курэй. Апошнія гады свайго жыцця правялі ў Польшчы, дзе і памерлі ў адзін год – княгіня Ізабэла 21 лютага 1968 г., а князь Караль – 24 кастрычніка. Княгіня Ізабэла-малодшая з сям'ёй мужа знаходзілася некаторы час у ссылцы ў СССР, потым жыла ў Варшаве, працавала ў бібліятэцы Варшаўскага ўніверсітэта [4, с. 461].

Адна з унучак княгіні Ізабэлы-малодшай Марыя-Ганна працягнула традыцыю сваёй бабулі і прабабулі і выйшла замуж за прадстаўніка роду Радзівілаў Мацея. Гэтая сям'я актыўна дапамагае Нацыянальнаму гісторыка-культурнаму музею-запаведніку «Нясвіж» у пошуку за межамі Беларусі матэрыялаў і экспанатаў, прысвечаных гісторыі роду і яго ўладанняў.

Заклучэнне

Прыватнаўласніцкія ардынацыі ў Польшчы ў 1921–1939 гг. апынуліся ў новых эканамічных і палітычных умовах. З аднаго боку, дзяржава імкнулася захаваць ардынацыі, таму яны не трапілі пад дзеянне аграрнай рэформы 1925 г. і іх слаба закранула парцэляцыя. З іншага боку, дзяржава пачала браць з іх падаткі, чаго не было ў часы Расійскай імперыі. У 1923 г. уладальнік Давыд-Гарадоцкай ардынацыі быў вымушаны заплаціць новы лясны падатак. У параўнанні з папярэднімі часамі правы ардыната ў карыстанні маёнткамі былі больш абмежаваны. У штодзённае жыццё пачалі ўваходзіць прывычныя нам зараз дасягненні сацыяльна арыентаванага грамадства, у прыватнасці страхаванне здароўя працаўнікоў, што прымушала гаспадароў выдаваць на гэта частку даходаў.

Пасля смерці князя Антонія-Вільгельма Давыд-Гарадоцкая ардынацыя перайшла ў спадчыну яго малодшаму сыну князю Станіславу, які загінуў у 1920 г. Яго пераемнік князь Караль быў вымушаны выконваць абязальніцтвы, зробленыя дзядзькам, што значна падарвала фінансавы стан ардынацыі. На працягу гэтага перыяду значна змянілася структура даходаў ардынацыі. У пачатку 1920-х гг. яны браліся пераважна за кошт эксплуатацыі лясоў. У наступнае дзесяцігоддзе асноўны даход пачало прыносіць развядзенне рыбы, у меншай ступені – эксплуатацыя лесу і продаж зямельных надзелаў па ўмовах аграрнай рэформы 1925 г.

У канцы дадзенага перыяду дзяржаўныя ўлады прыйшлі да высновы аб неабходнасці скасавання ардынацый, што і адбылося вясной 1939 г. Прадугледжаныя ўладамі меры не былі рэалізаваны, таму што праз некалькі месяцаў пачалася Другая сусветная вайна. Землі Давыд-Гарадоцкай ардынацыі ўвайшлі ў склад БССР і былі нацыяналізаваны. Палац Радзівілаў у Манькавічах пацярпеў падчас Другой сусветнай вайны, у 1960-я гг. яго руіны былі канчаткова разабраны. Давыд-Гарадоцкая ардынацыя перастала існаваць як прамысловае шматфункцыянальнае аграрнае прадпрыемства з цэлым комплексам сацыяльна-культурных адносін, што склаліся ў гэтым рэгіёне на працягу некалькіх стагоддзяў.

СПІС ЛІТАРАТУРЫ

1. Грицкевич, А.П. Частновладельческие города Белоруссии в XVI–XVIII вв. (социально-экономическое исследование истории городов) / А.П. Грицкевич. – Минск : Наука и техника, 1975. – 248 с.
2. Meleń A. Ordynacje w dawnej Polsce / A. Meleń // Pamiętnik historyczno-prawny / pod. red. P. Dąbkowskiego. – Т. 7, zeszyt 2. – Lwów, 1929. – 62 s.
3. Roszkowski, W. Gospodarcza rola większej prywatnej własności ziemskiej w Polsce 1918–1939 / W. Roszkowski. – Warszawa, 1986. – 431 s.
4. Вабищевич, А. Усады Радзивиллов в Маньковичах / А. Вабищевич // Radziwiłłowie. Obrazy literackie. Biografie. Świadectwa historyczne / red. K. Stępiak. – Lublin : Wyd-wo Uniwersytetu M. Corie-Skłodowskiej, 2003. – S. 455–463.
5. Дело об утверждении права собственности на землю и недвижимое имущество (Радзивилл Вильгельм и др.) (1921–1924 гг.) // Дзяржаўны архіў Брэсцкай вобласці (ДАБВ). – Фонд 2031. – Воп. 2. – Спр. 86.
6. Дело о взыскании долговых сумм Радзивилл Марии-Долорес (1928–1930 гг.) // ДАБВ. – Фонд 2031. – Воп. 2. – Спр. 2568.
7. Указания Полесского воеводского управления и переписка с ним об охране лесов, списки владельцев леса (1923 – 1927 гг.) // ДАБВ. – Фонд 2003. – Воп. 6. – Спр. 3.
8. Руководящие указания Министерства общественных работ, протоколы заседаний комиссии староства о сборе лесного налога и списки владельцев лесных массивов Столинского повета (1923 г.) // ДАБВ. – Фонд 2003. – Воп. 1. – Спр. 320.
9. Дело о ликвидации сервитутов в Давид-Городокском родовом имении Кароля Радзивилла гмины Давид-Городок Столинского повета за 1933 г. // ДАБВ. – Фонд 60. – Воп. 1. – Спр. 1259.
10. Дела по жалобам на незаконные действия судебных исполнителей (Радзивилл Кароль) (1932–1933 гг.) // ДАБВ. – Фонд 2031. – Воп. 2. – Спр. 5934.
11. Lichorowicz, A. Polskie reformy rolne 1920–1944 a ziemiaństwo // Dziedzictwo. Ziemianie polscy i udział ich w życiu narodu. – Kraków : Znak, 1995. – С. 85–97.
12. Дело по иску помещика Радзивилла Карла к Столинской больничной поветовой кассе о деньгах в сумме 44 073 зл. 60 гр. (1929–1930 гг.) // ДАБВ. – Фонд 2031. – Воп. 2. – Спр. 4222.
13. Списки избирателей в Сейм и Сенат избирательного округа № 55 Столинского повета (1938 г.) // ДАБВ. – Фонд 2003. – Воп. 6. – Спр. 920.

Papko V.M. David-Gorodok Ordination of the Radzivil Princes

The article is devoted to the organization's system of one of the greatest majorats, which existed in Poland between two world wars. This majorat has been created in the end of XVI century. Traditionally the senior man of the family received the majorat as a heritage. At the beginning of XX century prince Antony-Wilhelm Radzivil divided his majorats between two sons. The youngest from them, Stanislav, has got David-Gorodok majorat in Polesje. In 1920 the prince was killed and his majorats were given to his nephew prince Karol. In 1921–1939 this ground possession totaled about 155 thousand ha. At this time the Polish government provided the land reform, but it hasn't mentioned to majorats. The biggest part of the majorat's territory consisted from the bogs and woods. In the spring of 1939 the Polish government decided to cancel majorats, as a feudal vestige.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 20.04.2011

УДК 947.032.4+321.9 (471)

И.Ю. Уваров

СОСЛОВНОЕ ОБОСОБЛЕНИЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ВОЕННО-СЛУЖИЛОГО СОСЛОВИЯ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО В XIV – НАЧАЛЕ XVI вв.

В статье изложены актуальные вопросы, связанные с развитием военно-служилого сословия бояр-шляхты в период феодального общества эпохи Великого княжества Литовского XIV – начале XVI вв. Стремление к обособлению представителей привилегированного сословия служилых людей было обусловлено тем, что эта группа граждан, защищая государственные интересы желала иметь для себя особые вольности и привилегии. Отправление военной службы в пользу господарской власти, способствовало социально-правовой эволюции этого сословия.

Введение

В международной восточнославянской историографии конца XX – начала XXI вв. интересующие нас вопросы по формированию и организации военно-служилого сословия Великого княжества Литовского не нашли ещё специального рассмотрения. В данной работе автор предлагает принципиально новый путь проведения систематизированного исследования того, что было опубликовано в рамках современной историографии с привлечением исторических источников. На основании этого стало возможно рассмотреть в новом ракурсе факты исторического прошлого. Это позволило в определённой степени с позиции новой оценки событий дать характеристику некоторых вопросов, связанных с определением места служилых людей (бояр) в позднесредневековом обществе ВКЛ, стоящем на пороге Нового времени.

Основной задачей эго исследования было показать, чем и как жили представители военно-служилого сословия феодального общества XIV–XV вв., которое основательно не описано из-за скудной источниковедческой базы. О сословии бояр ВКЛ данного периода вести серьёзный научный разговор очень сложно, не имея достаточного количества фактов. Между тем в основе всего процесса эволюции служилого сословия военных людей лежат очень глубокие процессы. От силы воли и духа этих воинов зависела судьба народа и государства в целом, и за свою службу они хотели получить больше, чем имели. В начальный период эволюции своего сословия бояре и шляхта видели свой личный интерес, пока ещё очень неотчётливо, так сказать за пеленой тонкого флёра. Однако они понимали, что отправление земской службы сопряжено с разными социальными трагедиями и за многие лишения и беды служилый люд постепенно начинает требовать определенные привилегия. Поэтому полемика на эту тему еще очень долго будет вестись в самых широких кругах историков.

Стремление к сословному обособлению представителей военно-служилого сословия Великого княжества Литовского в XIV – начале XVI вв

Социально-экономическое и политическое содержание слова «боярин» имеет определённый смысл. Служилые бояре – это потомки древнерусских дружинников. В период раннего феодализма, когда княжеских дружин было недостаточно для организации военных походов, в ряды феодальной армии начинали привлекать отдельных представителей народа «воев», «вояров». Со временем за этими простыми ратниками закрепилось понятие военно-служилые люди «бояре» [1, с. 323–324].

С образованием нового государства Великого княжества Литовского на землях Западной Руси начинают постепенно исчезать многие прежние названия, и оформилось

новое значение слова боярин [2, с. 296–297]. Эти служилые люди были приписаны к замкам и городам вблизи от границы. Впоследствии многие из них стали пользователями земли за отправление военной службы. В письменных источниках того времени слово «боярин» впервые встречается в немецких хрониках в 60-е гг. XIV в., авторы которых называли воинов-бояр ВКЛ «*nobiles*», что означало *знатный, благородный, имеющий происхождение из феодальных фамилий*.

В это время Тевтонский Орден стремился захватить политические центры Прибалтики и земли ВКЛ [3, с. 152–154; 4, с. 220, 230]. Тевтонские рыцари, охваченные идеей экспансионизма, стремились военными действиями расширять границы своих владений далеко на Восток за счёт прибалтийских и восточнославянских земель. Ещё в 1337 г. Людовик Баварский пожаловал рыцарям похода на Восток «всю Литву», что свидетельствовало о захватнической политике крестоносцев, наступавших в районах Подвинья и Понёманья [5, с. 423; 6, с. 260]. В своих идейно-политических заявлениях агрессоры говорили о «законности» своих прав и притязаний на господство над славянскими народами. Захватническую политику немецких рыцарей поддерживали монархические режимы Дании и Швеции. Вместе с тем главным идеологом агрессии в пределах православного мира оставалась папская курия. Рим видел перспективу крестоносного «натиска на Восток» против славян, рассматривая его как равнозначный походу против арабов-мусульман. В связи с этим местному населению ВКЛ и северо-западной Руси предстояло вести напряжённую борьбу с захватчиками, что способствовало выделению из общей массы воинов-ополченцев, наиболее пригодных к военной службе и имеющих личную заинтересованность в ней. Соппротивление иноземцам способствовало тому, что в процессе консолидации военных сил бояре образуют сплочённое сословие. Это укрепляло в их сознании любовь к своей родине, прививало духовные ценности и желание видеть в борьбе с врагом своё высшее предназначение.

К середине XIV в. крестоносцы из Пруссии всё чаще стали совершать военные походы с целью захвата земель ВКЛ. В 1362 г. их отряды разорили Ковно и нанесли серьёзное поражение войску западнорусских князей. В 60–70-е гг. XIV в. активную борьбу с крестоносцами возглавил полоцкий князь Андрей. Это было выражено в ряде военных предприятий против Ливонского Ордена. Так, например, в сентябре 1374 г. полочане совершили военный поход к городу крепости Динабург [7, с. 28, 32]. Однако натиск крестоносцев не ослабевал, и это привело к тому, что, в 1375 г. полоцкие ратники нанесли ряд упреждающих ударов по территории Ливонии. Полоцкое войско частично шло по суше конным строем, а часть его двигалась водным путём на кораблях. Этот тактический приём военного наступления полочанам был знаком ещё с времён Древней Руси. Данная тактика свидетельствовала о том, что ратники были бояре, конные войны [4, с. 198; 8, с. 180]. В 1377 г. 24 августа войско крестоносцев поступило к Полоцку и взяло город в осаду. В результате ожесточённой борьбы, длившейся две недели, защитники крепости отстояли свои позиции, и желанного успеха враг не достиг [9, с. 83–87; 3, с. 148]. Эти примеры ярко иллюстрируют все обстоятельства эпохи, когда ещё во времена правления витебского князя Ольгерда (с 1345 г. по 1377 г.) на белорусских землях ВКЛ был создан достаточно мощный православный бастион. Менталитет людей того времени был отличался огромным духовным и политическим потенциалом. Это способствовало организации отпора военно-католической экспансии Запада, претендовавшего на земли восточнославянских народов [10, с. 24–26]. В дальнейшем в период правления Витовта (1392–1430 гг.) вплоть до Грюнвальдской битвы 1410 г. характер внешней политики ВКЛ и Тевтонского Ордена был очень противоречивым. Витовту пришлось проводить политику от войны к миру и наоборот.

Обстоятельства привели к тому, что 14 августа 1385 г. в замке Крево великий князь Ягайло совместно с польскими послами издал акт унии между ВКЛ и Польшей.

После брака Ягайлы с польской королевой Ядвигой Ягайло стал польским королём и принял католическую веру. Заключение этого династического брака свидетельствует о необходимости централизации государственной власти и объединительной политики, направленной против удельных князей. Значение данной унии заключается в том, что она способствовала организации военно-политического союза ВКЛ и Польши для борьбы с Тевтонским Орденом.

В целом во второй половине XIV в. в ВКЛ было отмечено усиление великокняжеской власти. В условиях эволюции государственного строя начали складываться сословия военно-служилых людей, ставших в последствии опорой монархии [3, с. 206–212]. Существовавшие в феодальном обществе вассалитетные отношения требовали периодического подтверждения привилегий землевладельцев. В этой связи привилей Ягайла 1387 г. кроме разных предписаний чиновникам и горожанам определял правовое положение бояр-воинов, принявших католическую веру [11, с. 35–37]. При этом следует помнить, что бояре были верующие люди. Согласно привилею Ягайлы, права на феодальные владения получали либо бояре-католики, либо те, кто принял католичество. В соответствии с этим надо полагать, что бояр католиков было больше, чем православных верующих в традиционном понимании, хотя этот вопрос из-за отсутствия систематизированных исследований следует отнести к дискуссионным. Принадлежность бояр к той или иной конфессии зависела от региона ВКЛ. Однако в вопросах веры бояре не могли быть вольнодумцами, так как подавляющее их большинство проживало в сельской местности, где приверженность к духовно-религиозным ценностям оставалась достаточно стабильной.

До заключения акта Городельской унии 1413 г. слово «боярин» употреблялось в значении конного воина, который владел земельным участком, имел одежду, оружие и снаряжение, необходимые в бою. В соответствии с актом Городельской унии в среде служилых бояр-воинов выделилась особая группа более знатных и состоятельных людей, которые стали получать для себя гербы по примеру, как это было в соседней Польше. К этому времени герб был уже широко распространён среди западноевропейского рыцарства [12, с. 5, 7, 11]. В ВКЛ первые гербы появились у панцерных бояр ещё в XIV в.

В процессе эволюции представители служилого сословия – бояре – стали называть себя бояре-шляхта. Впоследствии эта категория граждан стала требовать для себя различных льгот, вольностей и привилегий. Крупные землевладельцы, отправлявшие военную службу, имели своих вассалов. С начала XV в. они стали называть себя «паннами». Эта ситуация характерна как для территории белорусских земель, так и для ВКЛ в целом. Наиболее знатные и состоятельные феодалы составляли элитный слой общества, магнатскую олигархию [13, с. 29–30].

Письменные документы первой половины XV в. из-за критического анализа первоисточников пока хранят глубокое молчание о великокняжеских пожалованиях боярам [14, с. 10–112]. Опираясь на привилей Ягайлы 1387 г., следует отметить, что боярин пользовался наследственным правом, владел имуществом, землями и даже замками [15, с. 527]. Главной государственной повинностью этих людей было участие в военных походах и боевых действиях [16, с. 112–129]. При этом верховная власть не представляла материальной помощи этим людям. Каждый боярин и шляхтич участвовал в военном походе со своим оружием за счёт собственных средств, полученных с феодально-зависимого населения [17, с. 6–9, 12–14, 22–24, 30–32, 37–39, 44–45]. Кроме этого, на войну служилых феодалов сопровождали вооружённые люди, которые не были профессиональными войнами, а призывались землевладельцем на службу в качестве отправления феодальной повинности. Всё это стало возможно благодаря постановлению Городельской унии 1413 г., когда были упорядочены права бояр на земельное владение. Государство исходило из интересов господствующего класса, пыталось

в законодательной форме регламентировать правовое положение бояр [18, с. 85–90]. Правоспособность этой категории служилых людей расширилась в социально-экономическом и политическом планах.

Система землевладельческих отношений, которая была установлена в начале XV в., позволяла боярам пользоваться вотчинными и пожалованными владениями. Это были участки земли размером в 4–5 волоки (1 волока = 21,36 га) с сенокосами, дубравами и прочими угодьями. Главным условием сохранения прав служилых людей на землю было отправление военной службы. Нарушение этих условий влекло за собой передачу земли другому владельцу, от которого великий князь получит государству пользу [19, с. 15–16, 37–41, 46–71, 77–81, 95, 122–127].

Уже в первой половине XV в. сложились социально-правовые отношения в среде представителей боярского сословия. К этому времени сформировались две группы бояр: те, кто раньше держал землю, оставленную им по наследству от отца при условии несения военной службы, и те, кто получил землю в качестве господарских пожалований за нынешнюю службу согласно военной обязанности. В условиях сословного общества XV в. бояре уже не могли выйти за пределы своей сословной группы, поскольку их правоспособность была ограничена отсутствием средств, а значит, и прав считаться более привилегированными особами.

Земля, данная в имущественное держание в средние века и в начале Нового Времени, очень часто являлась предметом острых споров и темой судебных расследований. Просители даже пробивались к великому князю прямо на заседание вального сейма, вручая ему различные прошения. Так, например, из жалобы господарского боярина Миколая Будковича на князя Андрея Ивановича Лукомского видно, что были предъявлены обвинения в захвате А.И. Лукомским боярской пашни и бортного участка леса возле озера и р. Пуколовицы. В ходе судебного разбирательства пострадавшая сторона представила письменные документы на свои владения. Суд, который возглавлял сам великий князь Александр 29 мая 1499 г., обязал князя А.И. Лукомского выплатить денежный штраф в пользу М. Будковича. Так, с соизволения господарской власти суд был выигран в пользу «боярина господарского дворянина». Из источника видно, что данный боярин (именуется дворянином) состоял на государевой службе при дворе великого князя. Из другой грамоты, рассмотренной великим князем в тот же день, видно, что господарский суд стоял не только на защите справедливых постановлений, но и соблюдал интересы привилегированного сословия. Михаил Иванович Мстиславский, обратившись в суд, получил решение судебной коллегии на право владеть имениями Косминичи и Фильковщина и подчинить своему сюзеренитету господарского дворянина Сенька Володковича, не пожелавшего ему служить. Таким образом, видно, что личность состоятельного феодала была надежно защищена существовавшими нормами государственного права. Из грамоты Сигизмунда I от 13 мая 1507 г. следует предписание маршалку, старосте Берестинскому и Лидскому Юрию Ивановичу Илиничу в том, чтобы он разобрался в отношении жалобы бояр из Пинска. Эти бояре – Просолович и Сочкович – жаловались на князя Юрия Семеновича, что он их хотел вернуть в службу тягловыми людьми, которую когда-то несли их предки. Однако в действительности эти бояре были освобождены от тягловой повинности еще при великом князе Казимире и с тех пор несли боярскую конную военную службу, которая являлась их главной повинностью [20, с. 12–13; 21, л. 18об, 22об; 22, л. 14–14об, 21об; 23, с. 770–773; 24, с. 236–237; 25, л. 1, 2об].

Служба в пользу своего сюзерена была широко распространена в XV–XVI вв. как на белорусских землях, так и в пределах всей территории Великого княжества. К примеру, следует отметить еще один документально зафиксированный факт. В 1515 г. боярин, вассал пана О.М. Гаштолта, имел отряд своих слуг [26, с. 245–246].

Этот боярин нес военную службу со своего земельного владения, выезжая на войну по мобилизационной грамоте великого князя [24, с. 187; 27, с. 614–624]. Остальные повинности, такие как подводная, замковая, мостовая, городовая, ложились на плечи зависимого населения – крестьян [28, с. 585]. Бояре, а затем и шляхта не участвовали в уплате поголовщины и выполнении тяговых повинностей, за исключением военной, и выплаты серебщены [29, с. 16].

Заклучение

В завершении следует отметить, что идеи эпохи Возрождения способствовали появлению определенного мировоззрения, культя сильного, властного и богатого человека, который, как средневековый рыцарь, прославлял себя своими подвигами в период военного похода. Из-за постоянного участия в войнах и конфликтах бояре, а затем и шляхта получили возможность требовать для себя различных привилегий. Однако, когда по каким-то причинам им надоело служить и быть военными (в контексте того времени), они начинали осуществлять поиск нового направления своей деятельности. Некоторые представители служилого сословия желали продать свое имущество, землю и открыть свое дело или заняться торговлей. Эти и другие требования бояр-шляхты были регламентированы только первым Статутом ВКЛ 1529 г.

Знатные элитные аристократы – представители шляхетской магнатории – начинали реализовывать личные интересы в стремлении разбогатеть, получая огромные прибыли от феодального хозяйства. В ходе борьбы за свои сословные привилегии они достигли некоторых социально-экономических свобод.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Греков, Б.Д. Киевская Русь / Б.Д. Греков. М. : Гос. изд-во полит. лит. – 1953. – с. 567.
2. Вялікае княства Літоўскае : Энцыклапедыя : у 2 т. / Рэдкал.: Г.П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БелЭн, 2007. – Т. 1: Абаленскі – Кадэнцыя. – 688 с.
3. Гудавичус, Э. История Литвы с древнейших времен до 1569 года / Э. Гудавичус. – М. – Изд. фонд им. И.Д. Сытина, 2005. – 679 с.
4. Ермаловіч, М. Беларуская дзяржава Вялікае княства Літоўскае / М. Ермаловіч. – Мінск : «Беллітфонд», 2000. – 448 с.
5. Пашуто, В.Т. Образование Литовского государства / В.Т. Пашуто. – М., Институт истории АН СССР., 1959 – 530 с.
6. Пашуто, В.Т. Внешняя политика Древней Руси / В.Т. Пашуто. – М., 1968. – 471 с.
7. Бохан, Ю.М. Ваяры Грунвальскай бітвы / Ю.М. Бохан. – Мінск : Беларусь, 2010. – 222 с.
8. Брянцев, П.Д. История Литовского государства с древнейших времен / П.Д. Брянцев. – Вильно : Тип. А.С. Сыркина, 1889. – 659 с.
9. Белоруссия в эпоху феодализма : Сборник документов и материалов : в 3 т. / Сост.: З.Ю. Копыльский, М.Ф. Залого. – Минск. : Изд-во Акад. наук БССР, 1959. – Т. 1: С древнейших времен до середины XVII века. – 516 с.
10. Любовский, М.К. Литовско-русский сейм. Опыт из истории учреждения в связи с внутренним строем и внешнею жизнью государства / М.К. Любовский. – М., Общество истории и древностей российских при Моск. ун-те, 1900. – 850 с.
11. Литовская Метрика – Lietuvos metrika / Ин-т истории Литвы. – Вильнюс : Mokslo ir enciklopedijų leidybos institutas, 1998. – Т. 25. Книга записей (1387–1546). – 459 с.
12. Крукоўскі, У.Я. Срэбная страла ў чырвоным полі: з гісторыі беларускіх прыватных гербоў / У.Я. Крукоўскі. – Мінск : Літаратура і Мастацтва, 2010. – 136с.

13. Спиридонов, М.Ф. Закрепощение крестьянства Беларуси (XV–XVI вв.) / М.Ф. Спиридонов; под ред. А.Л. Хорошкевич. – Минск : Навука і тэхніка, 1993. – 223 с.
14. Zowmiański, H. Z zagadnień spornych społeczeństwa Litewskiego w wiekach średnich / H. Zowmiański // Przegląd Historyczny, 40. – 1950. – S. 101–112.
15. Пиочета, В.И. Белоруссия и Литва XV–XVI вв. : Исследования по истории социально-экономического, политического и культурного развития / В.И. Пиочета. – М. : Изд-во АН СССР, 1961. – 815 с.
16. Барг, М.А. Проблемы социальной истории в освещении современных западной медиэвистики / М.А. Багр. – М., «Наука», 1973. – 230 с.
17. Бохан, Ю. Зброя Вялікага княства Літоўскага 1385–1576 / Ю. Бохан. – Минск : Беларусь, 2003. – 88с.
18. Юхо, Я.А. Кароткі нарыс гісторыі дзяржавы і права Беларусі : вучэб. дапаможнік / Я.А. Юхо. – Минск : Універсітэцкае, 1992. – 270 с.
19. Любавский, М.К. Очерк истории Литовско-русского государства до Любленской унии включительно / М.К. Любавский. – М., 1915. – 401 с.
20. Акты, издаваемые Виленскою комиссиею для разбора древних актов : в 39 т. – Вильно : Тип. губ. правления, 1897. – Т. 24: Акты о боярах 1491–1796 гг. – 547 с.
21. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Фонд 1737.– Оп. 1. – Ч. 1. Слонимский городской суд (книга записей за 1569 г.).
22. НИАБ (Коллекция микрофильмов). Описания Литовской Метрики. Оп. 1. – Д. 16. – Ч. 1. Книга справ судебных бояр, мещан и волостных людей Витебского и Полоцкого повету.
23. Русская историческая библиотека, издаваемая археографическою комиссиею. – Т. 27. Литовская Метрика. – Отдел 1. – Ч. 1.1. – СПб, 1910. – 943 с.
24. Лаппо, И.И. Великое княжество Литовское во второй половине XVI столетия. Литовско-русский повет и его сеймик / И.И. Лаппо. – Юрьев, Тип. К. Маттисена, 1911. – 624 с.
25. НИАБ. – Фонд 694. – Оп. 1. – Д. 1016. Книга записей грамот и привилегий начала XVI в.
26. Русская историческая библиотека, издаваемая археографическою комиссиею. – Т. 20. – Литовская метрика. – Отдел 1. – Ч. 2. – СПб, 1903. – 1599 с.
27. Любавский, М.К. Областное деление и местное управление Литовско-русского государства ко времени издания первого Литовского статута / М.К. Любавский. – М., 1892. – 884 с.
28. Довпар-Запольский, М. Западнорусская сельская община в XVI в. / М. Довпар-Запольский. – СПб., Тип. Балашова, 1897. – 56 с.
29. Юхо, И.А. Правовое положение населения Белоруссии в XVI в. / И.А. Юхо. – Минск., Изд-во БГУ, 1978. – 143 с.

Uvarov I.Y. The Estate Isolation of the Military-Serving Gentry of the Grand Duchy of Lithuania in XIV to the Beginning of the XVI Centuries

The present article describes the actual questions linked with the development of the military-serving estate of the boyard-gentry in the period of the feudal society in the Grand Duchy of Lithuania in XIV century up to the beginning of the XVI century. The urge to the isolation of privileged estate servicemen representatives was stipulated by that reason that this group of citizens defending the state interests wished for itself special freedoms and privileges. Exercise of military service for the benefit of the sovereign's power, favored the socially and legislative evolution of the boards and gentry estate.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 04.08.2011

УДК 323:2

В.В. Сушко

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НЕОПРОТЕСТАНТСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ В БЕЛАРУСИ В УСЛОВИЯХ ЛИБЕРАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННО- КОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА 1980-х – НАЧАЛО 2000-х гг.)

Статья представляет собой анализ государственно-конфессиональной политики в Республике Беларусь второй половины 1980-х – начала 2000-х годов на примере деятельности неопротестантских общин и групп. Посредством развития законодательной базы, регулирующей религиозную жизнь, представлены основные приоритетные направления в работе объединений пятидесятников, баптистов и адвентистов: миссионерская деятельность, организация досуга верующих, просветительская и благотворительная работа, проведение международных и республиканских форумов, создание и руководство молодежными и детскими организациями. Проведенный анализ деятельности позволяет определить динамику роста общин по мере демократизации религиозного законодательства, социальный состав общин неопротестантов, уровень образованности и возрастные параметры адептов. Учитывая, что разнообразные формы работы с молодежью являются одними из ведущих в данной религиозной среде, рассматриваются такие направления, как образовательное, воспитательное, эстетическое. Характеризуя взаимоотношения между государством и неопротестантами, следует отметить, что первоочередное значение принадлежит развитию нормативно-правовой базы в Республике Беларусь и влиянию её эволюции на деятельность данных деноминаций, а также на корректировку проводимой ими работы.

Введение

Советское государство на протяжении всего времени своего существования строило взаимоотношения с религиозными объединениями на стратегии противостояния и конфронтации. В отличие от Православной церкви и католического Костела за неопротестантами закрепился ярлык «ярких антикоммунистов» и «проводников буржуазной идеологии», так как их религиозные установки шли вразрез с представлениями властей (активная работа с молодежью, хорошо организованная взаимопомощь и досуг верующих, частые молитвенные собрания, отказ от официальной регистрации общин, сотрудничество с зарубежными единоверцами).

Наследие советской эпохи поставило перед бывшими союзными республиками ряд важных вопросов: определение значения и места религии в обществе, ее правового статуса, разработка критериев будущих законодательных проектов по упорядочению взаимоотношений между государством и религиозными конфессиями. Достаточно быстро духовный вакуум постсоветского общества был заполнен различными религиозными организациями как традиционного, так и деструктивного характера. В возникшем многообразии религиозных течений необходимо было определить критерии их деятельности и существования, которые позволяли бы не нарушать основные права и свободы верующих и одновременно искореняли бы антиобщественные религиозные организации.

В условиях либерализации советского государства в конце 1980-х годов несмотря на существование достаточно ограничивающего законодательства утвердилась четкая тенденция к снятию ряда запретов на деятельность религиозных групп. Однако несмотря на эти изменения «настороженность» властей к неопротестантским объединениям

Научный руководитель – В.А. Теплова, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Беларуси нового и новейшего времени Белорусского государственного университета

сохранялась. С одной стороны, это объяснялось их непримиримостью с властными структурами, а с другой – особенностями организационно-структурной и практико-вероучительной сфер. Таким образом, определился круг проблем, подлежащих решению: категориальный аппарат, степень контроля за деятельностью религиозных групп государством, порядок осуществления работы конфессиональными объединениями. В Беларуси данные вопросы предстояло рассматривать с особой тщательностью, так как государство благодаря своему геополитическому положению является поликонфессиональным. Специфика неопротестантских религиозных организаций определяла особый подход государства к установлению сотрудничества с ними. Процесс перехода от жёсткого противостояния к диалогу осуществлялся поэтапно и равномерно, учитывая специфику данной конфессии.

Началом формирования партнерских отношений между государством и неопротестантскими объединениями стало принятие Закона «О свободе вероисповеданий и религиозных организациях» от 17 декабря 1992 г., который значительно расширил возможности деятельности верующих всех конфессий.

Возникшие разногласия по поводу принятия и легитимности «Закона о свободе совести и вероисповеданий» от 27 июня 2002 г. между государственными структурами и неопротестантами представляют собой одну из актуальнейших проблем в области конфессиональной политики Беларуси. Таким образом, возникает необходимость создания партнерских, взаимовыгодных отношений между государством и неопротестантами по следующим направлениям: строгое соблюдение религиозного законодательства верующими, развитие сотрудничества в сфере образования, воспитания, при решении экологических, нравственных проблем современного общества.

Целью работы является раскрытие взаимоотношений между государством и неопротестантскими объединениями через призму эволюции религиозного законодательства, учитывая организационную и вероучительную специфику христиан веры евангельской (ХВЕ), евангельских христиан-баптистов (ЕХБ), адвентистов седьмого дня (АСД).

Деятельность общин и групп христиан веры евангельской, евангельских христиан-баптистов и адвентистов седьмого дня во второй половине 1980-х – 1990-х гг.

Советские властные структуры, руководствуясь «Положением о религиозных объединениях» от 27 февраля 1977 г. Указа Президиума Верховного совета БССР, накладывали на религиозные общины внушительный перечень ограничений деятельности, детально излагали принципы функционирования религиозных организаций и их компетенции в работе с верующими. Так, Статья 10 исключала возможность осуществления издательской деятельности. Родители лишались права на обучение основам вероисповедания своих детей. Был разработан целый перечень статей (13, 15, 17), которые контролировали и устанавливали порядок приступления к деятельности священнослужителей и круг их компетенций [1, с.101].

Инициатива верующих часто пресекалась не только административной, но и уголовной ответственностью. Основными статьями, наиболее востребованными контролирующими органами, были Статья 139 «Нарушение законов об отделении церкви от государства и школы от церкви» и Статья 222 «Посягательство на личность и права граждан под видом исполнения религиозных обрядов».

Основополагающие установки, догматика, культовая практика, организационная структура общин и тщательная работа с молодежью в среде неопротестантов трактовались властями как искажающие существующую реальность и поэтому представляющие угрозу для советского общества. Особую настороженность вызывала иерархическая структура групп пятидесятников, баптистов и адвентистов, где была строгая дисциплина, ответственность и взаимопомощь между верующими.

По данным статистического отчета уполномоченного по делам религиозных культов Брестской области М.Ф. Жука, в области на 1 января 1986 г. насчитывалось 143 объединения РПЦ, 13 групп католиков и 110 неопротестантских общин (81 – ЕХБ, 23 – ХВЕ, 6 – АСД). Общая численность неопротестантов – 7 721 человек. При этом особую обеспокоенность у представителя власти вызвал факт численности молодых верующих в группах: до 25–30 % от 18 до 30 лет (по материалам статистических отчетов управления по делам религий и национальностей Брестской области). Отмечалась хорошая организованность общин, тщательность их работы с детьми и молодежью, усовершенствование «методов вовлечения в секты». Для искоренения такого положения определились следующие векторы работы: улучшить атеистическую пропаганду сотрудниками школ, училищ, партийных, комсомольских организаций; активно привлекать верующих к общественной работе; обратить внимание на небольшие трудовые группы, где «неразвито общественное мнение», поощрять и развивать социалистические гражданские обряды; ликвидировать незарегистрированные и «нежизнеспособные» общины неопротестантов. Актуальным для официальных органов власти оставался факт отказа от регистрации общин неопротестантами, особенно пятидесятниками. Для «исправления» положения, власти прибегали к различным методам воздействия: от проведения семинаров с пресвитерами по проблеме соблюдения ими законодательства о культах до создания Комиссий содействия и внедрения в группы верующих «своих агентов» (что сразу протестантами выявлялось из общей среды верующих).

После утверждения в марте 1985 г. М.С. Горбачева на пост Генерального секретаря ЦК КПСС представители конфессий предвосхищали возможное улучшение и либерализацию в области религиозной политики [2, с. 315–316].

В конце 1980-х гг. все чаще и чаще в обществе стали возникать мнения о возможности сотрудничества государства и религиозных организаций, об общем проблемном поле (опасность ядерного оружия, экологические проблемы, нравственное воспитание детей и молодежи и т.д.), и вопросы эти нужно было решить не в условиях противопоставления конфессий и общества, а их партнерства. Данный подход послужил фундаментом для создания принципиально новых, толерантных взаимоотношений между государством и конфессиями.

В начале 1990-х годов наблюдается стремительный рост числа религиозных конфессий, верующих, изменяется отношение к религии в целом: если в 1989 г. в Беларуси протестантские церкви составляли 224 организации, то в 1993 г. – 367, в 1995 г. – 524, в 2001 г. – 417 [3, с. 192]. В таких условиях государство должно было искать компромиссные решения во взаимоотношениях с религиозными организациями. Начало этого процесса было положено 1 октября 1990 г. в соответствии с принятием Закона СССР «О свободе совести и религиозных организациях». В отличие от предыдущих законодательных документов данный Закон рассматривал религиозную сферу не как «чуждую и враждебную», а как неотъемлемое право человека исповедовать религию или быть атеистом, учитывая также общепринятые нормативные акты мирового сообщества. Особое значение для неопротестантов имела Статья 9, которая позволяла религиозным группам, имеющим руководящие центры за рубежом, использовать их уставы, программы; Статья 19, где обосновывалась возможность религиозных общин учреждать издательские, полиграфические, производственные, строительные и другие предприятия [4, с. 14]. В соответствии с общегосударственными требованиями в БССР 16 августа 1991 г. принимается Постановление Совета Министров БССР «О создании в республике государственных органов по делам религии», а позже, 4 октября 1991 г., Постановление Совета Министров Республики Беларусь «Об установлении временного порядка регистрации статуты религиозных организаций».

Знаковым событием в области становления толерантных отношений между государством и религиозными общинами неопротестантов после распада СССР стало принятие Закона «О свободе вероисповеданий и религиозных организациях» от 17 декабря 1992 г. Несмотря на то, что закон был принят без серьезной теоретической подготовки, без учета долгих лет научного и законодательного забвения по отношению к религиозным организациям, он представлял собой демократическую основу государственно-конфессиональных отношений [5, с. 162].

Определяя принципиально иные условия деятельности религиозных объединений в независимой Беларуси, Закон предоставлял гарантии гражданам на определение отношения к религии, на возможность беспрепятственно осуществлять религиозные обряды, быть верующими или атеистами. В целом данный документ был разработан в соответствии с демократическими свободами начала 1990-х гг. Согласно проведенным исследованиям, все религиозные организации предельно положительно отнеслись к новому Закону. Также высокую оценку данный документ получил в среде специалистов-религиоведов, как полностью отвечающий нормам международного права и являющийся «революционным» для своего времени: он учитывал конфессиональные особенности Беларуси, религиозную практику верований, определял партнерские отношения государства и верующих [6, с. 94].

Неопротестантские общины и группы получили возможность беспрепятственно сотрудничать с зарубежными единоверцами, согласно Статье 11, где закреплялось право религиозных организаций Беларуси, имеющих управляющие центры за границей, действовать в соответствии с их статутами и приглашать в республику иностранных священнослужителей [7, с. 23]. Особое значение в среде протестантских организаций получила Статья 16, гарантировавшая статус юридического лица религиозной общине, состоящей из не менее чем 10 человек старше восемнадцатилетнего возраста, проживающих в одном или смежных населенных пунктах [7, с. 25]. Этот факт позволил легализовать деятельность большого числа групп и общин АСД, ХВЕ и ЕХБ «Совета церквей», которые советским законодательством объявлялись деструктивными. Только на Брестчине, согласно данным Комитета по делам религий и национальностей Брестской области, более 75 % вышеперечисленных религиозных групп получили официальный статус.

Содержание Статьи 3 позволило родителям полноправно воспитывать детей в соответствии со своими религиозными убеждениями (нужно учитывать глубокую религиозность протестантских семей) [7, с. 21]. Благодаря Статье 8 стало возможным решение еще одного важного противоречия: сотрудничество религиозных организаций и учреждений системы образования. Таким образом, верующими пятидесятниками, баптистами и адвентистами повсеместно организовывались учебные группы по изучению догматики, обрядности и традиционной культуры соответствующих деноминаций; стало возможным в учебно-познавательных целях по желанию родителей и органов образования приглашение в школы представителей религиозных общин [7, с. 23].

Так, Союз ХВЕ в 1992 г. открыл 84 воскресные школы, в 1999 г. их насчитывалось 232, а в начале 2002 г. – 330; официально работают два богословских высших учреждения в Минске: Библейский колледж «Христос для народов» и Теологический институт Союза ХВЕ Беларуси. Союз ЕХБ Беларуси в 1995 г. основал Библейский институт, в 1997 г. – Минскую богословскую семинарию. Согласно Статьям 24 и 25, протестантские организации активно проводили культурно-просветительскую деятельность, стали издавать религиозную литературу, а также осуществлять ее экспорт и импорт (журналы «Крыніца жыцця», «Благодать», «Братский вестник» и др.). Закон «О свободе вероисповеданий и религиозных организациях» 1992 г. открыл широкие возможности

по осуществлению религиозной деятельности неопротестантами, и что было ими воспринято как незамедлительное руководство к действию.

Деятельность религиозных общин неопротестантов в начале 2000-х гг.

Количество новых религиозных организаций заметно увеличивалось с каждым годом, появлялись ранее неизвестные объединения. В этих условиях возникла потребность переосмысления критериев существовавшего Закона «О свободе вероисповеданий и религиозных организациях», так как стали со временем проявляться противоречивые тенденции, требовавшие своего разрешения. Новая редакция Закона Республики Беларусь была принята Платой представителей 27 июня 2002 г. и сразу же внесла резонанс в религиозную среду страны. Причиной разногласий стало признание определяющей роли Православной церкви в историческом становлении и развитии духовных, культурных и государственных традиций белорусского народа. Противники законодательных изменений утверждают, что, обращаясь к вопросу идеологического влияния церкви, депутаты пытаются заменить одну тоталитарную идеологию другой, не менее тоталитарной; что та религиозная концепция, которую стране навязывают в Парламенте, не менее подавляет людей, чем предыдущая [8, с. 17]. Большинство неопротестантских общин восприняли проект нового закона как ущемление их прав и свобод. Тем не менее продолжали, как и ранее, функционировать миссионерские общества, где ведущее место принадлежит организации «Слово жизни». В законопроекте культурная и историческая роль Католической церкви, Евангельско-лютеранской церкви, иудаизма и ислама также признавалась неотделимой от истории Беларуси. По-прежнему утверждалось равенство всех религий перед законом, отсутствие предпочтения одной из конфессий над другой и т.д. Государство ограничило поток религиозных направлений, определив критерии «традиционных и нетрадиционных» религий.

Однако достаточно многочисленные объединения неопротестантских деноминаций выразили свой протест против принятия этого Закона. Ими была создана организация «Гражданская инициатива», которая взяла на себя функции защиты прав «угнетенных верующих». Действительно, возникшие в период с середины XIX в. – начала XX в. общины баптистов, пятидесятников и адвентистов не могли претендовать на позиции, занимаемые Православной, Католической и т.д. церквями (в Беларуси неопротестантизм начал распространяться в начале XX в.). Однако, согласно Закону в редакции 2002 г., никаких дискриминационных методов по отношению к ним не было заявлено. Новый документ учитывал специфику конфессиональных особенностей Беларуси, сохранял усовершенствованные юридические нормы. Неопротестантские группы опасались ограничительных мер на проводимую деятельность, однако никаких дискриминационных действий по отношению к ним со стороны государства не предпринималось.

Тем не менее в Администрацию Президента Республики Беларусь и в Палату представителей Национального собрания Республики Беларусь направлялись проекты изменений и дополнений к будущему законопроекту, особенно со стороны Союза ХВЕ Республики Беларусь. Таким образом баптисты, пятидесятники и адвентисты требовали исключения понятий «традиционная» и «нетрадиционная» конфессия; предлагалось к Статьям 9, 13, 16 добавить «оздоровительные лагеря и христианские общеобразовательные школы» [9, с. 40–41], которые являются неотъемлемой частью образовательной деятельности. Однако необходимо учитывать, что Закон предусматривает общие, основополагающие критерии и тенденции регулирования конфессиональной сферой без учета конкретных особенностей отдельных религиозных направлений, которые должны проводить работу согласно принятым изменениям. Таким образом, закон «О свободе совести и религиозных организациях» от 27 июня

2002 г. стал основой религиозной политики Беларуси с учетом норм и требований международных стандартов, предъявляемых к нему.

Заключение

Конфессиональная ситуация в Беларуси представляет собой многовариантное и сложное явление: геополитическое положение республики обуславливает наличие большого количества религиозных организаций и направлений. Безусловно, что эпоха «воинствующего атеизма», сменившаяся идеологическим плюрализмом, породила большой интерес к ранее запретной теме – религиозной. Устанавливая качественно новые взаимоотношения с конфессиями, государство должно оставаться нейтральным с точки зрения предпочтения той или иной религии и учитывать основные нормы международного права.

Учитывая активность последователей неопротестантизма и их численность от общего количества верующих, необходимо вносить коррективы в проведение конфессиональной политики. Проводимая данной религиозной структурой работа (миссионерская и благотворительная) играет важную роль в оказании помощи нуждающимся и нравственном воспитании своих последователей.

Активность неопротестантских общин в традиционных регионах распространения Беларуси, в первую очередь на Брестчине, получила возможность развиваться повсеместно. При этом многие группы верующих неопротестантов включают в свой состав около сотни верующих и находятся не только в столице и областных городах, но и в сельской местности.

Наметился процесс автономизации белорусских неопротестантов от зарубежных единоверцев, что обуславливает характерные черты данной деноминации в регионе. Выявленные спорные вопросы ввиду принятия нового законопроекта должны стать предметом особого внимания государства в вопросах конфессиональной политики, чтобы предотвратить возможные общественные противоречия.

Таким образом, неопротестантизм в Беларуси является активно развивающейся конфессией, претендующей на свою историческую значимость и влияние в обществе. Несмотря на выявленные спорные вопросы государственно-конфессиональные отношения должны основываться на принципе партнерства, чтобы устранить возможные противоречия в будущем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. О религии и церкви : сб. высказываний классиков марксизма-ленинизма, документов КПСС и Советского государства / сост.: А.М. Залесский, Т.Г. Купченя. – Минск : Беларусь, 1983. – 128 с.
2. Канфесіі на Беларусі (кан. XVIII – XX стст.) / В.В. Грыгор’ева [і інш.]; пад рэд. У.І. Навіцкага. – Мінск : ВП «Экаперспектыва», 1998. – 340 с.
3. Земляков, Л.Е. Религиозные процессы в Беларуси. Проблемы государственно-правового регулирования / Л.Е. Земляков. – Минск : РИВШ БГУ, 2001. – 250 с.
4. О свободе совести и религиозных организациях : Закон СССР, 1 окт. 1990 г., № 1689-1 // Ведомости съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета. – 1990. – № 41. – С. 813.
5. Котляров, И.В. Беларусь в конфессиональном измерении / И.В. Котляров, Л.Е. Земляков. – Минск : Изд. МИУ, 2004. – 231 с.
6. Землякоў, Л.Я. Беларусь на шляху да свабоды сумлення / Л.Я. Землякоў / Камісія Вярхоўнага Савета Рэспублікі Беларусь па правах чалавека, нацыянальных

пытаннях, сродках масавай інфармацыі, сузях з грамадскімі і рэлігійнымі аб'яднаннямі. – Мінск, 1996. – 122 с.

7. Аб свабодзе веравызнанняў і рэлігійных арганізацыях : Закон Рэсп. Беларусь, 17 снежня 1992 г., № 2030-XXI // Ведамасці Вярхоўнага Савета Рэсп. Беларусь. – 1993. – № 2. – С. 18.

8. Котляров, И.В. Политико-конфессиональные процессы в современной Беларуси / Ин-т информации и прогноза при Администрации Президента Респ. Беларусь. – Минск, 1996. – 21 с.

9. Белая книга. Материалы по проекту Закона « О свободе совести и религиозных организациях» / Гражданская инициатива «За свободное вероисповедание». – Минск, 2002. – 243 с.

Sushko V.V. The Activity of Neoprotestant Organizations in Belarus in Terms of Liberalization of Governmental and Confessional Relationship (the 2nd Half of 1980 – the Beginning of 2000)

The article outlines confessional politics in the Republic of Belarus in the second part of 1980th to the beginning of 21st century by way of example of New Protestant communities and groups. By way of the development of the legislative basis, that is regulating religious live, there are principal areas of activities of the communities of Pentecostals, Baptists, Adventists presented: their missionary activities, arrangement of the believer's leisure-time, spiritual educational and charitable work, holding of international and republican conferences, establishing and governing of youth and child organizations. The performed analysis of activity helps us to identify the increase of communities by democratization of religious Law, the social structure of New Protestant communities, the educational level and age-specific characteristic of adherents. Considering the fact, that various methods of working with young people are the leading ones in the contemporary religious environment, there are such concepts reviewed like educational, upbringing and aesthetic ones. Describing relations between the State and New Protestants the first-priority significance belongs to development of regulatory legal basis in the Republic of Belarus and to influence of its evolution on the activity of these denominations, as well as on the correction of their work.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 19.04.2011

УДК 331.21

Н.И. Зайцева, И.И. Богута

ИННОВАЦИОННЫЕ ПОДХОДЫ К РАЗВИТИЮ МАЛОГО БИЗНЕСА

Инновационным подходом, обеспечивающим эффективное и быстрое развитие малого бизнеса, является факторинг. Данный банковский продукт предполагает финансирование банком осуществленных поставок предприятия. В статье рассматривается факторинг с полным правом регресса на заемщика, что обеспечивает банку уверенность в возврате заемных средств, т.е. банк имеет право вернуть кредитору денежные требования, не оплаченные должником в течение определенного срока. Использование факторинга позволяет в долгосрочной перспективе получить дополнительную прибыль, что подтверждается исследованием на конкретном предприятии. При факторинге специалисты банка могут оказывать услуги предприятию по управлению и мониторингу дебиторской задолженности. Проблему финансирования текущей деятельности предприятия может решить также кредит и овердрафт. Выбор руководителем банковского продукта должен базироваться на интересующей сумме кредита, стоимости услуги и возможности получения в перспективе дополнительной прибыли.

Введение

В настоящее время большинство предприятий испытывают дефицит оборотных средств, не позволяющий им быстро и эффективно развиваться. Довольно часто возникает ситуация, когда по условиям заключенного договора одна сторона получает платеж за поставленные товары или оказанные услуги не одновременно с исполнением своего обязательства, а через некоторое время. Поэтому руководство предприятия часто оказывается перед дилеммой: продавать свою продукцию только по предоплате (но при этом существует большая вероятность потерять многих потенциальных клиентов) или же на условиях отсрочки платежа, лишаясь при этом значительного объема оборотных средств, необходимых для финансирования текущей деятельности, т.е. решать проблему в процессе долгосрочного планирования оборотных средств предприятия. Решить эту проблему призвана помочь одна из банковских операций – факторинг. Данная услуга пользуется большой популярностью в зарубежной практике. Рассмотрим, насколько эффективно применение факторинга белорусскими предприятиями.

Факторинг представляет собой финансово-посредническую операцию, состоящую в уступке поставщиком финансовому посреднику своих прав по требованию от покупателей оплаты поставленной им продукции [1, с. 24]. В его основе лежит покупка финансовым посредником счетов-фактур клиента (поставщика) на условиях полной или частичной оплаты стоимости отфактурованных поставок. Факторинговое обслуживание наиболее полезно для малых и средних предприятий, потому что в отличие от крупных организаций они испытывают особые трудности, связанные со сбытом продукции. Однако в Республики Беларусь в настоящее время клиентами факторинговых компаний (банков) в основном являются крупные предприятия.

Основная задача факторинга – организовать взаимоотношения поставщика с покупателями таким образом, чтобы поставщик смог предоставлять весомые отсрочки платежа, не испытывая дефицита оборотных средств.

Использование услуг факторинга

Среди экономических предпосылок роста факторинговых услуг в Республике Беларусь можно выделить следующие:

- 1) недостаточная капиталовооруженность предприятий;
- 2) высокая дебиторская задолженность поставщиков продукции;
- 3) растущие риски кредитования;
- 4) рост неплатежей [1, с. 44].

Однако не все малые и средние предприятия могут воспользоваться услугами факторинговой компании. Так, могут возникнуть сложности при получении данных услуг у предприятий с повышенной степенью риска. К таким предприятиям относят:

- 1) предприятия с большим количеством дебиторов, задолженность каждого из которых выражается небольшой суммой;
- 2) предприятия, занимающиеся производством нестандартной или узкоспециализированной продукции;
- 3) строительные или другие фирмы, работающие с субподрядчиками;
- 4) предприятия, реализующие свою продукцию на условиях послепродажного обслуживания, практикующие компенсационные сделки;
- 5) предприятия, заключившие со своими клиентами долгосрочные контракты и выставяющие счета по завершении определенных этапов работ или до осуществления поставок (авансовые платежи) [2, с. 33].

В рамках факторинга банк оказывает клиенту дополнительные услуги: покупка дебиторской задолженности (финансирование) поставщика в форме предварительной оплаты; ведение бухгалтерского учета поставщика; оценка покупателей; управление и мониторинг дебиторской задолженности поставщика; сбор просроченной задолженности; защита поставщика от риска неплатежа его покупателей (кредитного риска) [1, с. 56].

На практике это выглядит следующим образом: клиент поставил товар покупателю на сумму 1 000 рублей, после чего он приносит банку документы, подтверждающие поставку (счет-фактура, товарная накладная и т.п.), и банк выплачивает финансирование в размере 900 рублей (процент финансирования может меняться). По истечении срока отсрочки, допустим, через 30 дней, покупатель оплачивает поставку на счет банка в сумме 1 000 рублей. Банк вычитает сумму выплаченного финансирования (900 рублей), свое комиссионное вознаграждение, к примеру, 100 рублей (минимальный процент).

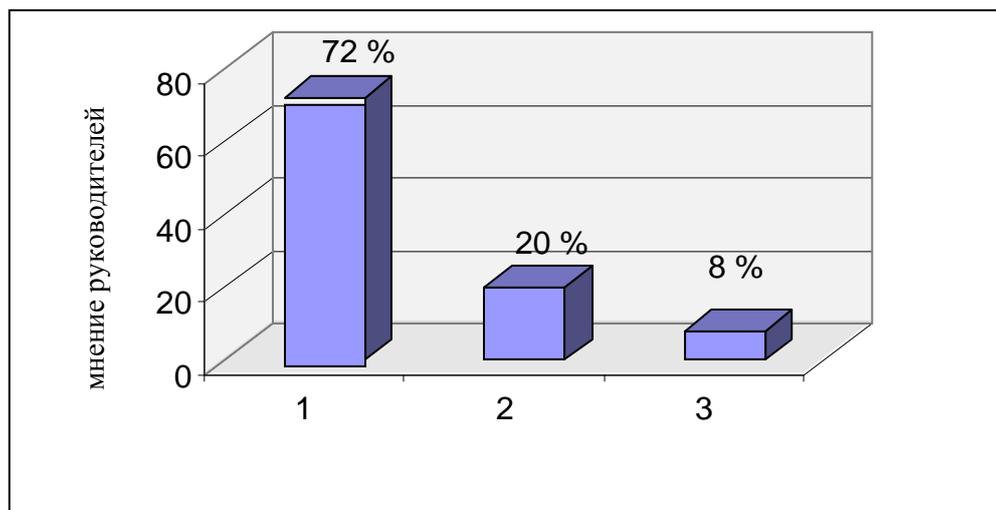
Факторинг имеет ряд преимуществ:

- 1) минимизация риска неисполнения обязательств покупателями по оплате товаров (работ, услуг);
- 2) увеличение числа покупателей и объемов продаж за счет предоставления отсрочки платежа;
- 3) факторинг не отражается на балансе предприятия в форме долгового обязательства и позволяет увеличивать выручку;
- 4) при факторинге лимит финансирования увеличивается с ростом объемов продаж, что дает возможность предприятию закупать и продавать в больших количествах продукцию, обновлять и расширять производственные мощности, выходить на новые рынки сбыта.

Таким образом, поставщик получает часть необходимых ему средств, покупатель – отсрочку платежа, а банк размещает деньги под залог денежного обязательства.

Основной недостаток факторинга – его высокая стоимость. Факторинговая операция более рискованная, чем обычный кредит, поэтому вознаграждение банка превышает проценты по обычным банковским кредитам [4].

Основные причины выбора услуг факторинга руководителями предприятий в Республики Беларусь и значимость каждой из них представлены на рисунке 1.

- 1 – получение дополнительного дохода;
 2 – минимизация коммерческих рисков;
 3 – повышение конкурентоспособности.

Рисунок 1 – Основные причины выбора услуг факторинга

До недавнего времени факторинг был популярен, но не в связи со свойственными ему функциями, а из-за возможности получения на расчетный счет денежных средств, которые можно было использовать на текущие нужды. Учитывая большую стоимость этой услуги, можно утверждать, что спрос на факторинг в Беларуси упал, т.к. менеджмент малого бизнеса не всегда в состоянии просчитать положительный эффект от использования услуг факторинга на долгосрочную перспективу. У банков данная операция сопровождается взысканием задолженности по четвертой группе очередности, а для кредитов – по второй.

Это значит, что при ликвидации предприятия банк в первую очередь погасит обычные банковские обязательства, а уже затем по специальному кредиту. Для этого необходимы знания клиента о факторинговой услуге. Они предоставляются практически всеми банками Республики Беларусь, среди которых ОАО «АСБ Беларусбанк», ОАО «Приорбанк», ОАО «Белвнешэкономбанк» и др. Кроме того сам факторинг предполагает консалтинговые услуги по данному вопросу. Факторинг может быть интересен представителям малого бизнеса, работающего со своими покупателями на условиях отсрочки платежа.

Определение выгоды использования услуг факторинга малыми предприятиями

Выгодность использования услуг факторинга будем рассматривать на примере ЧТУП «Богута» г. Бреста. Оно является малым предприятием, осуществляющим международные и межрегиональные автомобильные грузоперевозки.

Для анализа эффективности услуги факторинга рассчитаем получение дополнительной прибыли за счет возможности увеличения объема транспортных услуг, получив от банка необходимые для этого оборотные средства. Для расчета дополнительного дохода воспользуемся конкретными данными. Среднемесячный оборот предприятия составляет 50 млн. руб., рентабельность осуществления одной грузоперевозки составляет 20 %, в среднем стоимость одной грузоперевозки равна 5 млн. руб. (К – отгрузка продукции одному покупателю, млн. руб., отсрочка платежа на предприятии составляет

30 дней, стоимость услуг факторинга – 2,1 % (или 25 % годовых) и стоимость других дополнительных услуг банка составляет 0,3 % (управление дебиторской задолженностью, оценка риска предоставления отсрочки платежа и др.), лимит финансирования составляет 80 % от стоимости грузоперевозок).

$$\Phi = \frac{K * 80\%}{100\%}, (1)$$

где Φ – финансирование предприятие, млн. руб.;

K – отгрузка продукции одному покупателю, млн. руб.;

$$\Phi = \frac{5 * 80\%}{100\%} = 4 \text{ млн. руб.} (1)$$

Т.е. финансирование со стороны банка составляет 4 млн. руб.

$$\Psi = \frac{K * 2,1\%}{100\%}, (2)$$

где Ψ – стоимость услуг факторинга, млн. руб.;

K – отгрузка продукции одному покупателю, млн. руб.

$$\Psi = \frac{5 * 2,1\%}{100\%} = 0,105 \text{ млн. руб.} (2)$$

Т.е. стоимость факторинга составляет 0,105 млн. руб.

$$\Psi_d = \frac{K * 0,03\%}{100\%}, (3)$$

где Ψ_d – стоимость дополнительных услуг, млн. руб.;

K – отгрузка продукции одному покупателю, млн. руб.;

$$\Psi_d = \frac{5 * 0,3\%}{100\%} = 0,015 \text{ млн. руб.} (3)$$

Т.е. стоимость дополнительных услуг банка – 0,015 млн. руб.

$$PP = \frac{K * P}{100\%}, (4)$$

где PP – прибыль без использования факторинга, млн. руб.;

P – рентабельность одной грузоперевозки, млн. руб.;

K – отгрузка продукции одному покупателю, млн. руб.

$$PP = \frac{5 * 20}{100\%} = 1 \text{ млн. руб.} (4)$$

Прибыль без использования факторинга составляет 1 млн. руб. в месяц.

Получая финансирование со стороны банка, предприятие может осуществить в два раза больше грузоперевозок в месяц, тем самым увеличивая свою прибыль.

$$PP\phi = 2 * (PP - \Psi - \Psi_d), (5)$$

где $PP\phi$ – прибыль от использования факторинга, млн. руб.

$$PP\phi = 2 * (1 - 0,105 - 0,015) = 1,76 \text{ млн. руб.} (5)$$

Т.е. прибыль от использования факторинга составляет 1,76 млн. руб. в месяц. Следовательно, чистая прибыль от использования услуг факторинга для ЧТУП

«Богута» составляет 0,76 млн. руб., что является значительной суммой для деятельности данного предприятия. Стоимость факторинга составляет 1,2 млн. руб. в месяц. Выгода рассмотрена при работе одного грузового автомобиля. Т.к. у предприятия 5 грузовых автомобилей, то, следовательно, дополнительная прибыль будет равна 3,8 млн. руб.

Сравнение преимуществ и недостатков кредита, факторинга и овердрафта

Для оценки выгоды услуг факторинга необходимо сравнить факторинг с овердрафтом и кредитом. Эти банковские продукты являются инструментом для принятия решений на любых малых и средних предприятиях, в том числе на ЧТУП «Богута». Стоимость овердрафта в месяц для предприятия составляет 0,9 млн. руб. (30 % финансирования среднемесячного оборота по расчетному счету составляет 15 млн. руб.). Стоимость краткосрочного кредита составляет 0,46 млн. руб. (используя процент по кредиту, равный 22 % годовых). Стоимость факторинга составляет 1,2 млн. руб. Сравнительный анализ производится по различным учетным ставкам процентов, которые отражают условия кредитования на данный конкретный период.

Руководители малых предприятий зачастую не могут четко выделить те преимущества, которые дают услуги факторинга, а только смотрят на стоимость услуги. Можно провести и сравнительный анализ основных преимуществ и недостатков овердрафта, кредита и факторинга. Сравнительные преимущества приведены в таблице.

Таблица – Преимущества и недостатки кредита, овердрафта и факторинга

Факторинг	Кредит	Овердрафт
1	2	3
Факторинговое финансирование погашается из денег, поступающих от дебитора-клиента	Возвращается банку заемщиком	Возвращается банку заемщиком
Долгосрочное финансирование предприятия	Нет гарантий получения нового кредита или вообще кредитной линии	Нет гарантий получения нового кредита
Финансирование предоставляется при предоставлении накладной и счет-фактуры	Необходимо оформить большое количество документов	Необходимо оформить большое количество документов
Предоставление ряда дополнительных услуг	Дополнительные услуги не оказываются	Дополнительные услуги не оказываются
Финансирование выплачивается в день поставки товара	Выплачивается в обусловленный кредитным договором день	Срок действия договора по возобновляемой кредитной линии не может превышать 3–6 мес.
Возврат денежных средств банку происходит в день фактической оплаты дебиторам поставленного товара	Кредит погашается в день, который указан в договоре	Все кредитные поступления автоматически списываются с расчетного счета в погашение овердрафта и процентов по нему

Продолжение таблицы.

1	2	3
Залог не требуется (однако на данный момент некоторые банки требуют залог)	Необходим залог	Предусматривает поддержание достаточных оборотных средств на расчетном счете заемщика

Овердрафт – это одна из форм краткосрочного кредитования, когда предприятие имеет возможность в течение месяца пользоваться денежными средствами банка (в среднем доступно до 30 % среднемесячных кредитовых оборотов по расчетному счету). Если возникает ситуация, что клиенты еще не произвели оплату, а поставщики ее уже требуют, то у предприятия появляется возможность «взять в долг» у банка дополнительные средства на короткий период времени, чтобы рассчитаться с кредиторами. Ежемесячно, к определенной дате, предприятие должно возвращать банку всю сумму заемных средств. Банк анализирует финансовое состояние предприятия и определяет оптимальный размер овердрафта. Обязательным условием в большинстве банков является использование расчетного счета для ведения оборота не менее трех месяцев. Заемщик может рассчитывать максимум на 30 % от своего среднемесячного оборота, что является одним из недостатков овердрафта, т.к. это недостаточная сумма, а максимальная кредитная линия не превышает 6 месяцев. Для предприятий с небольшим среднемесячным оборотом 30 % финансирования от размера расчетного счета может не хватить для его текущей деятельности. Самым важным преимуществом этой услуги является то, что данный кредит не требует залога [6].

К краткосрочным кредитам, как правило, относятся кредиты, предоставляемые на цели, связанные с созданием и движением текущих активов сроком до одного года. Использование их в текущей деятельности предприятия стимулирует организацию своей работы с максимальной отдачей, т.е. ускорение производственного процесса и денежного оборота. Источником возврата краткосрочных кредитов является выручка, полученная предприятием за счет завершения тех операций, для которых они были выданы. Лимит выдачи денежных средств рассчитывается индивидуально для каждого заемщика исходя из его потребности в кредитных ресурсах на указанную цель и определяется финансовым состоянием юридического лица, оборотами по текущему (расчетному) счету и суммой предлагаемого обеспечения по кредиту. Погашение кредита производится в сроки, предусмотренные кредитным договором, в безналичном порядке путем перечисления денежных средств с текущего счета банка на основании его платежной инструкции.

Самым дорогим банковским кредитным продуктам является факторинг: его стоимость составляет примерно 25 % годовых. Стоимость кредита – 22 % годовых, а стоимость овердрафта – 23 % годовых плюс единовременная комиссия за выдачу кредита (от 0 до 3–4 %) [4]. Несмотря на различия банковских процентных ставок, услуга факторинга является более предпочтительной при стабильной работе предприятия и при расчетах на долгосрочную перспективу [5].

Таким образом, выбор должен базироваться на понимании того, какая именно сумма интересует руководство, сколько предприятие готово платить за данную услугу, есть ли возможность получить кредит и на какой срок рассчитано временное использование заемных средств. Руководство предприятия должно понимать, что факторинг выгоден только при долгосрочном его использовании, доступности денежных средств на более продолжительное время.

На рисунке 2 представлены возможные альтернативы при выборе источника финансирования, основанные на сопоставлении трудоемкости получения финансирования и его стоимости [5].

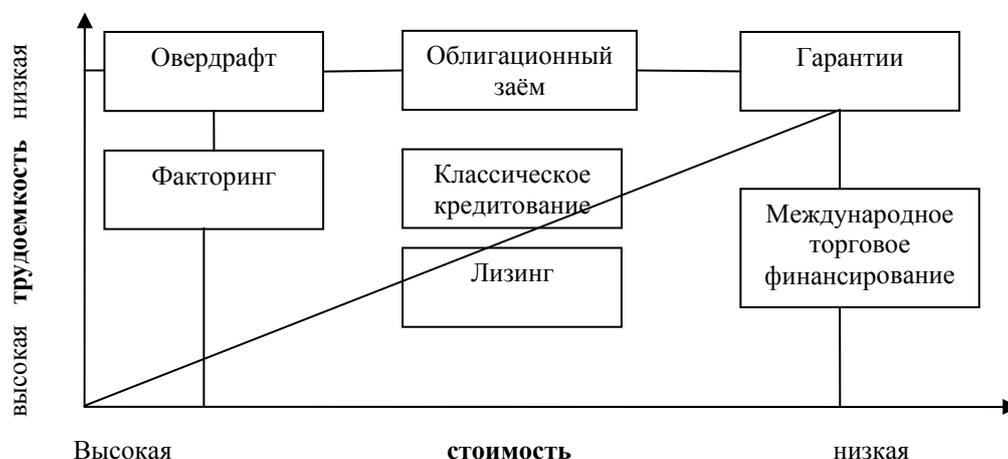

Рисунок 2 – Альтернативные источники финансирования

Заклучение

Применение услуг факторинга очень популярно за рубежом. В Республики Беларусь спрос на факторинг растет с ростом осведомленности руководства предприятий о тех преимуществах, которые он дает. Наиболее выгодным факторинг является для средних и малых предприятий, которые периодически испытывают дефицит оборотных средств и при этом желают развиваться и получать прибыль. Именно факторинг служит тем банковским инструментом, который позволит любому малому и среднему предприятию получить значительную дополнительную прибыль при долгосрочном его использовании. Он устранил рост неплатежей, даст возможность стабильности и перспектив работы предприятия. Основными конкурентами факторинга являются кредит и овердрафт, которые могут быть так же использованы в хозяйственной деятельности предприятия. Все будет зависеть от грамотности расчетов этих финансовых инструментов, сроков кредитования и экономической ситуации в стране.

Для эффективного использования всех банковских услуг финансовым институтам необходимо усовершенствовать подачу информации о рассматриваемых кредитах. Рекламу, а лучше пропаганду (так как она более подробна и информативна) необходимо проводить целевым образом, адресуя ее конкретным предприятиям путем рассылки информации на их электронную почту. Возможна работа агентов банков с предоставлением консалтинговых услуг с каждой конкретной фирмой, и тогда фраза «Куплю ваш долг» будет понятна и грамотно реализована.

Самым важным каналом продвижения услуг факторинга и овердрафта является личная продажа информации банка. Данный канал продвижения представляет собой один из наиболее действенных инструментов работы на корпоративном рынке банковских услуг. Поскольку работа на рынке с юридическими лицами носит персональный характер, то ключевое внимание должно уделяться личному контакту с каждым сотрудником фирмы. Представителем банка при работе с предприятиями должен выступать работник, имеющий высокий статус (не ниже начальника подразделения). Он должен четко и грамотно, а главное, понятно объяснить все преимущества и недостатки этих специфических видов кредита, подтвердить информацию расчетами

и анализом, пояснить, в каких случаях возможно применение того или иного банковского продукта.

В настоящее время наиболее динамично банковская реклама развивается в сети Интернет. Все без исключения банки имеют и поддерживают на высоком профессиональном уровне свои сайты, значительное внимание уделяют взаимодействию с поисковыми системами и тематическими порталами. Информация, представленная на сайте банка об оказываемых услугах, должна быть доступна для руководителей предприятия, что в значительной степени влияет на осведомленность об услугах факторинга, овердрафта и кредита.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гвоздев, Б.З. Факторинг / Б.З. Гвоздев. – М. : Изд-во ЭКМОС, 2000. – 160 с.
2. Левкоич, А.П. Факторинг / А.П. Левкоич. – Минск : БГЭУ, 2005. – 66 с.
3. Факторинг / Сайт ОАО «Приорбанк» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.priorbank.by/ru/corporate/factoring>. – Дата доступа: 30.05.2011.
4. Тарифы на проведение операции по организации финансирования под уступку денежного требования (факторинга) / Сайт ОАО Белвнешэкономбанк [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.bveb.by/corporate/credit-operations/factoring>. – Дата доступа: 03.06.2011.
5. Овердрафт / Сайт ЗАО «МТБанк» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mtb.by/ru/content/business/corporate/22/overdraft1/>. – Дата доступа: 11.06.2011.
6. Овердрафт / Сайт ОАО «Белинвестбанк» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.belinvestbank.by/private-clients/cards/overdraft>. – Дата доступа: 11.06.2011.

Zaitsava N.I., Bahuta I.I. Innovative Approach to the Development of Small-Scale Business

Innovative approach that provides effective and rapid development of small-scale business is factoring. This banking product presupposes a bank financing for executed delivery of a company. The article discusses factoring with full recourse of the regress to the borrower which provides the bank with the confidence in the return of the borrowed current assets, i.e. the bank has the right to return to the creditor the case assets not paid by the debtor within a certain period. The use of factoring allows in the long-term outlook to gain extra profit that is confirmed by the research on a specific enterprise. Using factoring bank specialists may render to the enterprise managerial and monitoring accounts receivable services. The problem of financing day-to-day operating of the enterprise may be solved by bank loan and overdraft. The choice of the bank product by a manager should be based on the amount of credit you are interested in, the cost of service and opportunities for extra profit in the future.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 30.06.2011

УДК 336

Е.В. Грузинская

ПОЛИТИКА ЭФФЕКТИВНОЙ РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПРОГРАММ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ КРЕДИТНЫХ РЕСУРСОВ

Предлагается политика кредитования в рамках реализации государственных программ, позволяющая привести в систему (к единой методологической базе) вопросы необходимости, целесообразности и доступности кредитов.

Введение

Большое число низкорентабельных предприятий требует формирования политики эффективной реализации государственных программ с использованием кредитных ресурсов. Формирование эффективной кредитной политики в условиях Республики Беларусь возможно при совмещении государственных решений со стратегией банка.

Наличие доходности по кредитным проектам, реализуемым в рамках государственных программ, не вызывает сомнения и предсказуемо вследствие дешевого или вообще бесплатного ресурса, предоставляемого государством для реализации государственных программ. Однако данный ресурс является бесплатным с точки зрения отсутствия прямых расходов банков и кредитополучателей по его формированию. А с точки зрения воздействия на происходящие в экономике процессы при перераспределении или изменении денежной массы данный ресурс является дорогим из-за эффекта денежного мультипликатора, последствия которого берет на себя государство, перераспределяя свои расходы по предоставлению льгот с помощью инструментов налоговой, денежно-кредитной, бюджетной политики на субъектов различных сфер деятельности.

Поэтому эффект, полученный в поддерживаемой государством сфере, должен компенсировать отставание роста остальных отраслей. Полученный кредитополучателем эффект возмещает государству вложенные деньги, а при недостаточности эффекта для возмещения долга кредитополучатель передает свою собственность в распоряжение государству посредством реструктуризации долга через передачу акций или долей собственности. То есть для кредитополучателя ресурсы, предоставленные в рамках реализации государственных программ, не являются безвозмездными.

В настоящее время низкорентабельные предприятия рассматриваются как объект поглощения через механизм реструктуризации задолженности и средство получения активов (или дохода), а не база для вложений и перспективного планирования. Это связано с тем, что для наращивания капитала в нерентабельных предприятиях и вывода их на рентабельную работу потребуются годы, а безвозмездно ресурсы не предоставит даже государство. Но и при условии предоставления безвозмездных ресурсов и доведения производственного потенциала предприятий до уровня лидирующих необходимы еще дополнительные ресурсы и льготный период адаптации предприятий, когда они смогут самостоятельно конкурировать при наличии новых производственных мощностей среди аналогичных по масштабам деятельности предприятий.

С этой точки зрения кредитный источник государственной поддержки является наиболее прозрачным по сравнению с механизмом государственных дотаций, налоговым и бюджетным механизмом. Прозрачность выражается в конкретизации стоимости и объема ресурса, порядка его направления. Единственным затратным звеном для государства в этой цепочке является банк, требующий комиссионные за посреднические услуги. В этой связи государство, выплачивая их, возлагает на банки обязанность

по предоставлению части собственных кредитных ресурсов банков для кредитования государственных программ.

Следовательно, проблема низкорентабельных предприятий используется владельцами денежных средств (коммерческими или государственными инвесторами) как возможность получения активов (или дохода) через механизм реструктуризации задолженности. В агропромышленном комплексе это приводит к сокращению убыточных предприятий с одновременным сокращением числа предприятий отрасли.

В экономической литературе и практической деятельности механизм, позволяющий получить эффект от кредитования государственных программ, предусмотренных рядом мероприятий, пока не разработан [1–7]. Для его формирования необходимо сделать государственные программы доходными, для чего представляется необходимым прежде всего обеспечить достаточность предоставляемых государством кредитных ресурсов согласно предложенным методикам.

С целью достижения эффективности государственной поддержки предприятий предлагается политика организации механизма кредитования государственных программ, которая основана на следующих положениях:

1) накопление преференций предприятием через аккумуляирование им денежного ресурса в отрасли;

2) концентрация ресурса и распределении выгод от его использования между участниками экономического процесса;

3) распределение кредитных ресурсов по различным направлениям в пределах одной сферы деятельности, которые окупаются совместными прибылями этих направлений.

Предложенная политика включает:

1) новые направления оказания государственной поддержки предприятиям с участием кредитных ресурсов;

2) методику удешевления кредитных ресурсов при концентрации предприятием средств на текущем счете;

3) определение критерия эффективности государственной поддержки;

4) баланс социальных интересов государства и коммерческих интересов банка;

5) методику расчета эффекта от реализации государственных программ с использованием кредитных ресурсов;

6) предложения по организации и стимулированию механизма кредитования государственных программ.

Предложенная политика позволяет оценить эффективность реализации государственных программ.

Новые направления оказания государственной поддержки предприятиям с участием кредитных ресурсов

Предложенный механизм организации кредитования государственных программ сформирован на двух новых направлениях оказания государственной поддержки предприятиям с участием кредитных ресурсов: концентрации и распределении капитала.

В качестве первого направления оказания государственной поддержки предприятиям с участием кредитных ресурсов предлагается концентрация капитала предприятия в организации (банке), льготизирующей кредитование этого предприятия. Такой механизм предполагает наличие партнерских отношений предприятия и банка с учетом интересов государства. Данное направление оказания государственной поддержки предприятий включает следующие этапы (рисунок 1):

1) концентрация капитала;

2) стабилизация экономики;

3) улучшение условий кредитования;

4) возможность предоставления льгот предприятиям, обеспечивающим концентрацию капитала на расчетных счетах.

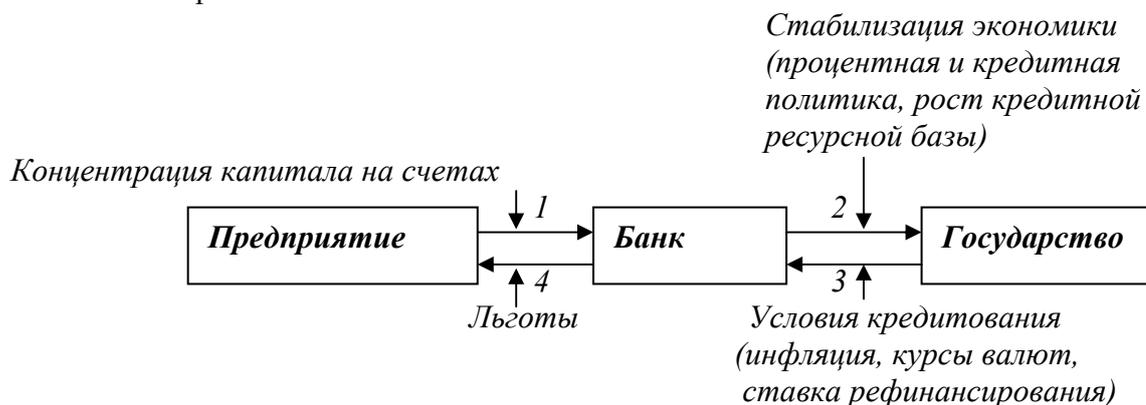

Рисунок 1 – Этапы государственной поддержки, основанной на концентрации капитала

Примечание – Источник: собственная разработка

Предложенное направление оказания государственной поддержки в виде концентрации капитала предприятия в организации (банке), льготирующей кредитование этого предприятия, состоит в регламентации предоставления преференций на новые проекты предприятиям, аккумулирующим денежные ресурсы за счет деятельности предыдущих периодов. Данное направление предполагает, что должно быть узаконено накопление предприятием преференций, предоставленных ему по результатам его деятельности, поскольку ресурс обязан оставаться в отрасли, а не распространяться банками в другие сферы.

В результате реализации предложенного направления достигается баланс интересов (государственного и коммерческого), который заключается в концентрации ресурсов и распределении выгод от их использования между участниками экономического процесса. Каждый из этапов системы государственной поддержки, показанных на рисунке 1, приносит свои экономические выгоды в цепочке деятельности участников процесса кредитования:

1. Предприятие концентрирует (размещает) выручку на счетах в коммерческом банке, вследствие чего возрастает ресурсная база банка и его отчисления в фонд обязательных резервов в Национальный банк Республики Беларусь.

2. Пополнение фонда обязательных резервов увеличивает денежную базу (пассив Национального банка), а следовательно, расширяет активные операции Национального банка по кредитованию коммерческих банков и Правительства. Кроме того, рост денежной базы за счет увеличения фонда обязательных резервов, т.е. за счет неэмиссионного источника, предотвращает рост инфляции и способствует стабилизации экономики.

3. Улучшение экономических условий дает возможность сократить ставку рефинансирования и ставки по кредитам, а также создает условия для минимизации кредитных рисков коммерческих банков.

4. В условиях низкого кредитного риска и наличия сконцентрированной на счетах в банке выручки предприятий, банк может изыскать возможность кредитовать предприятие по пониженной (индивидуальной) ставке.

Непосредственным участием государства в предложенном направлении государственной поддержки следует утвердить его действия по распоряжению фондом обязательных резервов коммерческих банков, зарезервированным в обязательном порядке

в пассиве Национального банка Республики Беларусь (без получения коммерческими банками платы за его там нахождение).

В этой связи для обеспечения государственных программ кредитными ресурсами предлагается фонд обязательных резервов коммерческих банков (пассив Национального банка) направить в качестве кредитов Национального банка не коммерческим банкам, как практикуется, а Правительству (актив Национального банка) для реализации Правительством государственных программ под 0,1–0,5 % годовых (маржа Национальному банку для возмещения операционных затрат) с правом возможного перераспределения Правительством данных кредитных ресурсов.

Если обязательства по кредитованию государственных программ берут на себя банки, то кредитные ресурсы, направляемые на эти цели, следует освободить от обязательного резервирования, чтобы удешевить их для кредитополучателя. То есть средства фонда обязательных резервов следует направить не на закупку золотовалютных резервов для поддержания курса белорусского рубля, а в производство через кредиты Правительству для поддержания роста ВВП и экспорта. Это позволит стабилизировать и финансовое положение предприятий, и национальную валюту за счет обеспеченности белорусского рубля конкурентоспособной товарной массой и притоком валютной выручки от экспорта. При этом предприятиям предоставится возможность пользования кредитными ресурсами по приемлемым ставкам.

В качестве второго направления оказания государственной поддержки предприятиям с участием кредитных ресурсов предлагается распределение капитала для его высвобождения и направления в другие сферы, поскольку следствием концентрации кредитных ресурсов (доведения доли кредита в фондах предприятия до максимального уровня) должно стать их перераспределение по направлениям деятельности.

Распределение капитала состоит в увеличении числа денежных потоков путем открытия предприятиями нескольких текущих счетов, а также кредитования отдельных стадий производственного цикла (закупка семян, внесение удобрений, покупка горюче-смазочных материалов на проведение отдельных видов работ по обработке почв и т.д.), погашение которых должно производиться за счет продажи фьючерсов (производных ценных бумаг) с целью сокращения срока кредитования.

Предложенное направление сформирует новые условия банковского бизнеса – межбанковскую конкуренцию как следствие децентрализации кредитных ресурсов. Децентрализация кредитных ресурсов заключается в том, что они сосредоточены не на банковских счетах, а находятся в расчетах и размещены у предприятий, что позволит предприятиям ставить условия банку по удешевлению кредитных ресурсов при проведении своих расчетов через данный банк.

Механизм экономии кредитных ресурсов

Для достижения полной обеспеченности государственных программ кредитными ресурсами предлагается механизм экономии кредитных ресурсов, предполагающий организацию замкнутой схемы процесса кредитования, где кредит находится в производственных процессах различных предприятий, участвующих в создании одного продукта. Согласно предлагаемому механизму, необходимо определить группу предприятий, задействованных в предоставлении рынку конкретного конечного продукта, например, хлеба, и выдать им вексельный кредит за счет государственных ресурсов.

Предприятие-продавец выкупает конечный продукт в обмен на вексель, предоставляемый производителю продукта, а производитель передает этот вексель поставщику сырья, который в итоге учитывает вексель в банке. Погашение вексельного кредита будет осуществляться предприятием-продавцом после реализации продукта. Если продавец не успеет реализовать продукт и погасить вексель на момент его предоставления

поставщиком сырья в банк к расчету, то ставка по кредиту продавцу продукта должна быть увеличена при учете векселя на величину дисконтного процента (рисунок 2).

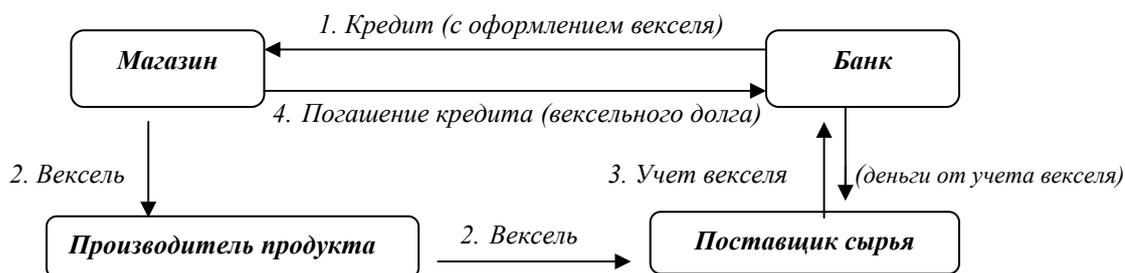

Рисунок 2 – Движение векселя при вексельном кредитовании

Примечание – Источник: собственная разработка

Предложенный механизм обеспечит ряд предприятий одними и теми же кредитными ресурсами, которые окупятся их совместными прибылями, поскольку прибыли отдельных предприятий может не хватить для окупаемости кредитных ресурсов, предоставленных государством. В бизнес-план для расчета окупаемости кредита следует закладывать совместные прибыли предприятий. Кредитные ресурсы будут разделены по различным направлениям деятельности, однако будут обращаться в одной сфере, не выходя за ее пределы.

Предлагаемый механизм позволяет сэкономить кредитные ресурсы за счет обращения кредита в замкнутой сфере, то есть обеспечения одними и теми же кредитами ряда предприятий, разнородная деятельность которых направлена на производство единого продукта и окупает кредит их совместными прибылями.

Методика удешевления кредитных ресурсов при концентрации предприятием средств на текущем счете

Для обоснования порядка предоставления преференций предприятию-кредитополучателю предлагается методика удешевления кредитных ресурсов при концентрации предприятием средств на текущем счете.

В основе методики предложен коэффициент корректировки ставки кредита в зависимости от величины остатка средств на текущем счете предприятия; разработана шкала снижения стоимости кредита при увеличении уровня неснижаемого остатка средств на текущем счете предприятия (таблица 1).

Таблица 1 – Зависимость коэффициента снижения ставки по кредиту от неснижаемого остатка средств на текущем счете предприятия

Неснижаемый остаток средств на текущем счете предприятия, руб.	Коэффициент снижения ставки по кредиту
X	1
X+1	1-(1/ оборот по снятию средств со счета)
X+2	1-(2/ оборот по снятию средств со счета)
X+p	1-(p/ оборот по снятию средств со счета)

Согласно методике, чем выше на текущем счете остаток, обеспечивающий наличие кредитных ресурсов, тем меньше должна быть ставка кредита. Следовательно, коэффициент снижения ставки кредита при увеличении средств на текущем счете

предприятия целесообразно рассчитывать следующим образом:

$$K_T = 1 - (p/\text{Снят}); \tag{1}$$

условие: $1 > K_T > 0,$ (2)

где K_T – коэффициент снижения ставки кредита при увеличении средств на текущем счете предприятия;

p – пополнение (сумма прироста) средств на текущем счете предприятия за период, руб.;

Снят – оборот по снятию средств с текущего счета за период, руб.

Тогда ставка кредита с учетом прироста неснижаемого остатка средств на текущем счете предприятия должна составить:

$$i_k = i_k' * K_T, \tag{3}$$

где i_k – ставка кредита при увеличении неснижаемого остатка средств на текущем счете предприятия, %;

i_k' – рыночная ставка кредита, %;

K_T – коэффициент снижения ставки кредита при увеличении средств на текущем счете предприятия.

Предложенная методика позволяет обосновать возможность удешевления кредитных ресурсов для кредитополучателя при концентрации им средств на текущем счете.

Критерий эффективности государственной поддержки

Поскольку сущность экономической эффективности заключается в получении наибольшего полезного результата от использования ресурсов, то полезный результат следует определить как положительные изменения в процессе производства (рост рентабельности производства) и сбалансированность факторов производства (максимизация выпуска продукции при минимизации затрат). Поэтому критерием получения эффекта от предложенных направлений государственной поддержки целесообразно считать рост производства и сокращение инфляции (рисунок 3).

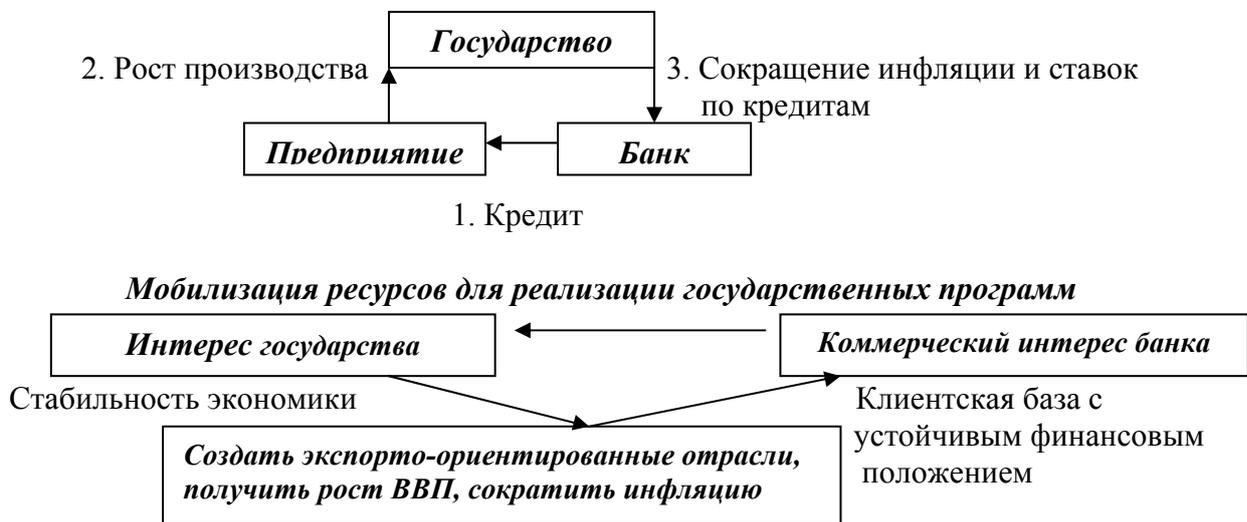

Рисунок 3 – Связь государственных и коммерческих интересов при реализации государственных программ с использованием кредитных ресурсов

Примечание – Источник: собственная разработка

Предложенный критерий позволяет оценить целесообразность уже оказанной государственной поддержки и акцентировать внимание на выборе новых направлений оказания государственной поддержки.

Баланс социальных интересов государства и коммерческих интересов банка

Достижение эффективности государственной поддержки требует взаимовыгодного удовлетворения интересов государства и коммерческих структур. Для обеспечения сопоставимости уровня доходности банка и уровня обеспеченности кредитными ресурсами государственных программ предлагается механизм балансирования частных и государственных интересов и рисков. Баланс социальных интересов государства и коммерческих интересов банка. Балансирование интересов основано на сопоставимости роста социальной составляющей с ростом прибыли банков (рисунок 4). Это будет способствовать развитию инфраструктуры, достижению производством международных стандартов, а также повышению странового рейтинга Республики Беларусь, что позволит получить внешние кредитные ресурсы для расширения банковской и производственной деятельности.

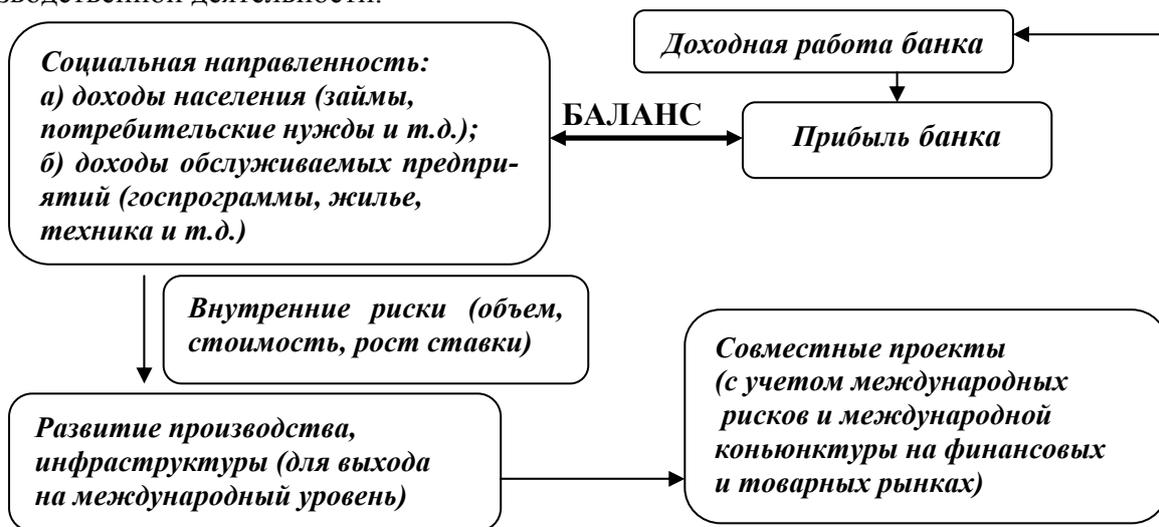

Рисунок 4 – Баланс частных (прибыль банка) и государственных (обеспечение предприятий ресурсами) интересов и рисков

Примечание – Источник: собственная разработка

Баланс достигается установлением государством границы деятельности кредитных учреждений посредством участия государства в капитале ряда банков республики и введением нормативов пруденциальной банковской отчетности, минимизирующих внутренние банковские риски. Предложенный баланс интересов, направленный на содействие развитию социальной составляющей экономики республики, позволит создать инфраструктуру и условия достижения мировых стандартов, а также обеспечить реализацию совместных международных проектов и укрепление позиций банков на внутреннем и внешних финансовых рынках.

Методика расчета эффекта от реализации государственных программ с использованием кредитных ресурсов

Следует отметить, что расчет эффекта от реализации государственных программ имеет свои особенности. Обязательства банка перед государством по выдаче кредитов, связанные с выполнением государственных программ, директивны и в отличие от собственно кредитных отношений имеют не доверительные, а согласующие отношения между сторонами, что сказывается на эффективности кредитных отношений.

Передавая кредитные ресурсы кредитополучателю на основании директивных распоряжений, а не коммерческих отношений, банк приобретает риски по потере кон-

троля над собственностью в отношении этих кредитных ресурсов (банк рискует потерять свою собственность, переданную в пользование), поскольку отношения перестают быть перераспределительными, а становятся только распределительными. В этом случае кредитные ресурсы могут перестать быть своим или чужим, стираются границы собственности и деньги просто проходят различные стадии движения, приобретая свойства не кредитных, а бюджетных денег.

Для оценки последствий от дополнительных вложений при реализации государственных программ предлагается методика расчета эффекта от реализации государственных программ с использованием кредитных ресурсов. Она основана на сравнении цены ресурсов для каждой из сторон: кредитор, кредитополучатель, государство (рисунок 5). Согласно методике, ставка по кредиту увеличивает цену товара и инфляцию, т.е. предприятие, пользуясь кредитом, создает инфляцию, а также номинальный рост ВВП.

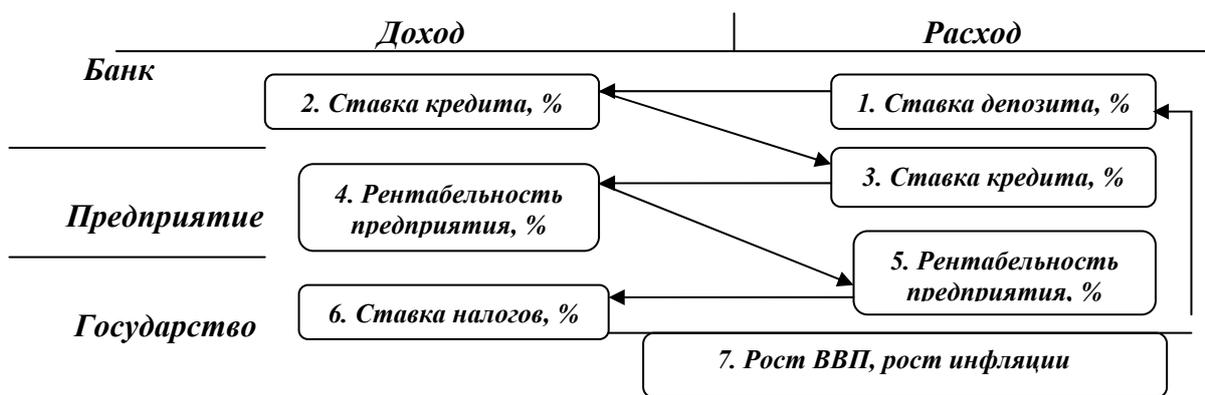

Рисунок 5 – Цена кредитных ресурсов, входящая (доход) и исходящая (расход), для участников государственной программы

Примечание – Источник: собственная разработка

Методика предполагает, что эффект от реализации государственных программ с использованием кредитных ресурсов достигается, если рост ВВП от дополнительных кредитных вложений больше роста инфляции от использования кредита. Предложенная методика позволяет установить эффект от реализации государственных программ в виде прироста реального ВВП от дополнительных кредитных вложений.

Предложения по организации и стимулированию механизма кредитования государственных программ

Необходимость стимулирования механизма кредитования государственных программ требует реализации следующих предложений по корректировке организации и формирования этого механизма:

1. В целях усиления ответственности кредитополучателей и их вышестоящих организаций за обеспечение полного и своевременного возврата кредитов предлагается обязать предприятия, получающие кредиты под гарантии Правительства, создавать резервы по страхованию от невозврата кредитов. Процент отчислений в резерв, создаваемый на предприятии, предлагается определять исходя из необеспеченной гарантией Правительства части (доли) кредитной задолженности. Создание резервов позволит предприятиям изыскать возможности сокращения налогооблагаемой базы, вызванного ростом расходов предприятия по созданию резерва. Одновременно наличие резерва будет стимулировать предприятия к своевременному погашению кредитов. Необходимо предусмотреть выдачу кредитов банками только при наличии на балансе предприятия

на момент образования кредитной задолженности достаточных средств для создания предприятием указанного резерва. Одновременно при каждом платеже следует обеспечить списание части суммы резерва и гарантии Правительства при погашении соответствующей части кредитного долга.

2. Рекомендуется не создавать банками резерв по некредитоспособным кредитополучателям, входящим в перечень кредитуемых по государственным программам и проектам, поскольку их кредитование вызвано не перспективой получения доходов, а необходимостью соблюдения государственных интересов. Даже в случае ухудшения финансового состояния кредитополучателя, кредитуемого в рамках реализации государственных программ, государственные органы, отслеживающие его деятельность, предотвратят риск банка по невозврату кредитной задолженности. Указанная мера позволит банкам улучшить качество кредитного портфеля, международный рейтинг и прирост ресурса для кредитования государственных программ.

3. Предлагается не взимать с банков плату в Фонд обязательных резервов Национального банка (ФОР) по привлеченным коммерческими банками ресурсам, направляемым на кредитование, связанное с реализацией Указов Президента и Постановлений Правительства и осуществляемое под гарантии Правительства, поскольку размещенные таким образом деньги вкладчику гарантированы Правительством, а банк получит от Правительства компенсацию в случае неплатежеспособности кредитополучателей. Такое решение позволит увеличить объем ресурсов, направляемых на кредитование государственных программ.

4. Неустойчивость финансового сектора в настоящее время связана с тем, что банки диктуют условия, в которых необходимо развиваться производству, являющемуся основой экономики, поскольку только в нем создаются новые стоимости. Банки, выступающие лишь перераспределителями этих стоимостей, как посредники, как придаточное звено кругооборота капитала, не должны занимать главенствующую роль в экономических отношениях, а призваны лишь ориентировать производителя в отдельных направлениях, поскольку не являются собственниками ресурса, который аккумулируют. Современная экономика, в которой успешно ориентируются лишь посредники, свидетельствует о ее неустойчивости.

В этой связи предлагается осуществлять кредитование государственных программ в рамках крупных производств, для которых банк должен выступать структурным подразделением по аккумуляции средств и их перемещению. В рамках таких крупных производств (промышленно-финансовых групп) ценовые условия внутреннего перемещения (привлечения и использования) финансовых источников должны устанавливаться производителем согласно его производственным мощностям и потребностям в них, а также с учетом динамики финансовых рынков. Это позволит обеспечить более интенсивный (динамичный) рост производства, которое является институтом создания стоимости, по сравнению с ростом финансовой сферы, являющейся институтом перераспределения стоимости, что усилит позиции субъектов хозяйствования.

Заключение

Таким образом, в ходе исследования установлено, что эффективная политика реализации государственных программ должна включать новые направления оказания государственной поддержки предприятиям с участием кредитных ресурсов.

1. Для концентрации капитала предприятия в организации (банке), льготизирующей кредитование этого предприятия, целесообразна регламентация предоставления преференций на новые проекты предприятиям, аккумулирующим денежные ресурсы за счет деятельности предыдущих периодов, что позволяет узаконить накопление предприятием преференций, предоставленных ему по результатам его деятельности и нахождение ресурса в отрасли.

2. Необходимо производить перераспределение капитала по направлениям в пределах одной сферы деятельности, которое предполагает организацию замкнутой схемы процесса кредитования, где кредит участвует в производственных процессах различных предприятий, задействованных в производстве одного продукта, и окупаются их совместными прибылями. Это позволяет сэкономить кредитные ресурсы за счет обращения кредита в замкнутой сфере, то есть обеспечения одним и тем же кредитом ряда предприятий, что сформирует межбанковскую конкуренцию и позволит предприятиям ставить условия банку по удешевлению кредитных ресурсов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Об утверждении государственной инвестиционной программы на 2011 год: Указ Президента Респ. Беларусь, 20 декабря 2010 г., № 660 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2011.

2. О республиканской программе строительства новых и модернизации действующих зерноочистительно-сушильных комплексов на 2011–2015 гг. : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 30 декабря 2010 г., № 1909 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2011.

3. О мерах по реализации республиканской программы развития молочной отрасли в 2010–2015 гг. : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 12 ноября 2010 г., № 1678 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2011.

4. О государственной комплексной программе развития картофелеводства, овощеводства и плодоводства в 2011–2015 гг. : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 31 декабря 2010 г., № 1926 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2011.

5. О республиканской программе по племенному делу в животноводстве на 2011–2015 гг. : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 31 декабря 2010 г., № 1917 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2011.

6. О мерах по подготовке сельскохозяйственных организаций к полевым работам, созданию прочной кормовой базы и уборке урожая в 2011 г. : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 30 декабря 2010 г., № 1912 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2011.

7. О программе развития птицеводства в Республике Беларусь в 2011–2015 гг. : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 28 сентября 2010 г., № 1395 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2011.

Gruzinskaya Y.V. Politics of Effective Realization of the State Programs with the Use of Credit Resources

The politics of crediting is offered within the framework of realization of the state programs, allowing to result in system (in uniform methodological base) questions of necessity, expediency and availability of credits.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 09.09.2011

УДК 658.5

М.В. Варакуліна

ИННОВАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ УПРАВЛЕНИЯ ПЕРСОНАЛОМ И НЕОБХОДИМОСТЬ ИХ ПРИМЕНЕНИЯ В ОРГАНИЗАЦИЯХ ЖИЛИЩНО-КОММУНАЛЬНОГО ХОЗЯЙСТВА

В статье обоснована необходимость совершенствования управленческих технологий в сфере управления персоналом на предприятиях ЖКХ. Выделены специфические особенности жилищно-коммунальных услуг. Определены основные требования, которым должна соответствовать управляемые подсистемы в организациях жилищно-коммунального хозяйства. Рассматриваются инновационные технологии, применение которых было бы наиболее целесообразно исходя из поставленных перед отраслью целей и задач. Автор указывает на преимущества и недостатки предлагаемых инструментов, а также те трудности, которые не позволяют на современном этапе полностью реализовывать предложенные инструменты.

Введение

Развитие системы управления производственно-хозяйственной деятельностью в соответствии с принципами комплексности и системности должно охватывать абсолютно все направления, включая подсистему управления человеческими ресурсами.

В период реорганизации в стране системы жилищно-коммунального хозяйства возникает необходимость организации устойчивого развития механизма управления, обеспечивающего реализацию всех специальных функций управления в новых экономических условиях. Одно из наиболее значимых направлений – развитие подсистемы управления человеческими ресурсами, поскольку она предопределяет состояние всех остальных подсистем.

Традиционно главной целью системы управления персоналом на предприятии рассматривается обеспечение предприятия кадрами, организация их эффективного использования, профессионального и социального развития [5]. Однако с учетом концепции «Управление через качество» целесообразно дополнить классическое рассмотрение и сформулировать основную цель управления персоналом как обеспечение предприятия человеческими ресурсами и организация их использования для достижения качества продукции (работ, услуг), удовлетворяющего запросы потребителей.

Система жилищно-коммунального хозяйства представляет собой сложный многоотраслевой комплекс с особой экономической и социальной значимостью для всего народного хозяйства страны. От эффективности функционирования подсистем управления предприятиями данной отрасли (в том числе и подсистемой управления персоналом) зависит состояние отраслей промышленного производства страны, сельскохозяйственных отраслей, строительного комплекса, инфраструктуры, а главное, социальной сферы [8; 13]. Качество предоставляемых населению и организациям жилищно-коммунальных услуг в силу специфики сферы услуг как таковой прежде всего зависит от качества выполнения порученной работы каждым конкретным работником жилищно-коммунального предприятия, а значит, от эффективности формирования и функционирования системы управления персоналом.

Требования к управляемой подсистеме

Любая система управления организационно состоит из двух подсистем: управляющей подсистемы и управляемой. Теоретически функционирование этих подсистем должно быть направлено на обеспечение достижения целей деятельности организации.

Каждая из перечисленных подсистем должна, таким образом, соответствовать по своим характеристикам общей целевой установке организации.

Предприятия системы ЖКХ относятся к организациям сферы услуг и в этой связи обладают всеми особенностями, присущими данной сфере. К таким особенностям можно отнести неосязаемость, неотделимость от источника, непостоянство качества и несохраняемость [7]. Все эти особенности присущи и жилищно-коммунальным услугам. Однако последние обладают некоторыми характеристиками, существенно определяющими как систему управления предприятиями жилищно-коммунального хозяйства, так и систему взаимоотношений «потребитель – предприятие ЖКХ».

Особенностями жилищных услуг (ЖУ) являются:

- 1) отсутствие у потребителя выбора исполнителей услуг и практическое отсутствие возможности отказа от приобретения услуг;
- 2) отсутствие, как правило, количественной оценки качества услуг;
- 3) аморфность состава и отсутствие понятных для населения ориентиров для оценки качества большинства ЖУ, что (при всей их необходимости и важности) переводит ЖУ, с точки зрения защиты интересов потребителей, в услуги «второго эшелона».

К общим особенностям коммунальных услуг относятся:

- 1) использование в ходе технологического процесса сложной инженерной инфраструктуры, относящейся к конкретной территории (сетей водопровода, канализации, теплосетей, устройств по передаче электроэнергии и т.д.);
- 2) неразрывность или строгая последовательность процессов производства, передачи и потребления материальных носителей услуги;
- 3) невозможность для потребителя услуг отказаться от получения этих видов услуг на длительный срок;
- 4) невозможность компенсации предоставляемых не в полном объеме услуг в один период за счет более интенсивного их предоставления в другой период;
- 5) необходимость четкой взаимосвязи на всех стадиях производственного процесса;
- 6) тесная зависимость организации производственного процесса, потребности в мощностях и конкретных инженерных решений от местных условий;
- 7) качество предоставляемых услуг зависит от каждого конкретного исполнителя не в меньшей степени, чем от инженерного оборудования, следовательно, теоретически существует возможность непостоянства качества предоставляемых услуг (в зависимости от состояния работника) [10].

Таким образом, необходимо определить те характеристики, которыми должна обладать управляемая подсистема, для обеспечения реализации возлагаемых на нее функций. В соответствии с требованиями концепции «Управление через качество» эти характеристики может определить только потребитель работ (услуг).

Основные обобщенные требования потребителей включают безопасность, функциональность, удобство, эстетичность и экономичность [9]. Следовательно, можно определить следующие основные требования к управляемой подсистеме с позиций концепции «Управления через качество»:

- 1) подсистема должна выполнять работы безопасно и гарантировать безопасность в период потребления услуги потребителем;
- 2) подсистема должна оказывать услуги (выполнять работы) в удобное для потребителя время и в удобной для потребителя форме;
- 3) подсистема должна обеспечивать экономичность как при выполнении работ (например, ремонтных), так и при оказании основных коммунальных услуг;
- 4) подсистема должна обеспечивать эстетичность выполнения работ и не допускать нарушения данного требования в процессе потребления услуги;

5) подсистема должна обеспечивать потребителя услугами таким образом, чтобы соответствующие объекты (например, жилье) полностью выполняли свои функции (место комфортного проживания).

Таким образом, на основании вышеизложенного можно определить основные компетенции, которыми должен обладать персонал предприятия системы ЖКХ, как объект управления:

- 1) соответствие уровня образования, квалификации и опыта сложности выполняемых работ;
- 2) знание и использование принципов безопасности ведения работ, оказания услуг;
- 3) владение навыками культуры обслуживания потребителя;
- 4) владение навыками как командной, так и индивидуальной работы;
- 5) владение навыками самоконтроля и корректировки выполнения работы по его результатам;
- 6) владение навыками саморазвития (индивидуального развития);
- 7) владение навыками установления целей, подразумевающих улучшение качества, и определения средств их достижения;
- 8) ответственность, как системное качество исполнителя;
- 9) ориентация на постоянное совершенствование процесса выполнения работы (оказания услуги) и на информирование о возникновении брака.

Соответствие управляемой подсистемы системы управления персоналом в организациях ЖКХ вышеозначенным характеристикам позволит обеспечить повышение качества выполняемых услуг и предоставит конкурентные преимущества организации.

Потенциал организаций системы ЖКХ

В настоящее время большинство организаций системы ЖКХ представляют собой предприятия, оказывающие широкий перечень услуг, начиная с традиционных коммунальных услуг по водоснабжению и водоотведению, теплоснабжению, газоснабжению, электроснабжению и заканчивая ритуальными услугами, услугами бань и т.д. Также на балансе предприятий системы ЖКХ зачастую находятся гостиницы и другие объекты. Такое разнообразие предоставляемых услуг приводит к необходимости содержания развернутого штата сотрудников, выстраивания сложных организационных структур и существенно утяжеляет структуру затрат организации. В связи с этим возникает ряд объективных факторов, препятствующих эффективному функционированию предприятий системы ЖКХ.

К первому проблемному аспекту можно отнести неспособность существующих в организациях ЖКХ систем управления выстраивать и реализовывать адекватную кадровую политику. Высшее руководство в силу определенной диверсификации производства вынуждено больше внимания уделять производственным и коммерческим вопросам, а существующий потенциал кадровых служб не способен выполнять данную функцию. В большинстве организаций кадровая служба представлена инспектором по кадрам со средним либо средним специальным образованием, не владеющим технологиями управления персоналом. Отсутствие же продуманной кадровой политики в организациях приводит к неспособности предприятия управлять своим кадровым потенциалом, развивать его.

Вторым проблемным аспектом является чрезмерная «раздутость» штата. Большинство организаций вынуждено содержать в штате работников практически всех требуемых специальностей вне зависимости от фактически выполняемых ими работ. Таким образом, очень часто организация имеет в штате сотрудников, навыки и опыт которых она не использует в течение всего рабочего времени. Она вынуждена их содержать, поскольку периодически возникает потребность в их работе. Если учитывать при этом тре-

бования, предъявляемые к качественным характеристикам персонала, то это должны быть работники высокой квалификации. Таким образом, имеет место либо неэффективное использование персонала, когда организация задействует сотрудников на несвойственных работах либо на работах, не требующих столь высокой квалификации, либо организация оплачивает сам факт существования в штате сотрудника, который при этом не задействован в производственном процессе, либо организация отказывается от работника высокой квалификации, что отражается на качестве выполняемых работ.

Третий проблемный аспект является следствием двух предыдущих и представляет собой утяжеление затрат организации за счет неэффективного использования персонала. Расходы только на оплату труда и отчисления на социальные нужды с начислениями на ФОТ составляют по разным видам коммунальных услуг от 12,5 до 40 % и более. Если учесть необходимость обеспечения работника средствами защиты, рабочей одеждой, оплату повышения квалификации и другие расходы, то удельный вес совокупных затрат на персонал может достигать до 50 % и более. Естественно, это приводит к росту цен на предлагаемые услуги. И если по тем услугам, по которым организация имеет монопольное положение, у потребителя выбора практически нет, то по категории так называемых дополнительных платных услуг населению предприятия ЖКХ существенно проигрывают своим конкурентам.

Проведенные нами исследования состояния систем управления персоналом в организациях ЖКХ Брестской области свидетельствуют о достаточно низком уровне развития данной подсистемы [3]. В сложившейся ситуации в организациях ЖКХ назрела необходимость поиска современных инновационных технологий управления персоналом. Технологий, которые будут способствовать устранению или снижению негативных аспектов и предоставят конкурентные преимущества организации.

Инновационные управленческие технологии в управлении персоналом

Проект Государственной программы «Качество» на 2011–2015 гг. нацелен на выпуск более качественной, конкурентоспособной и энергоэффективной продукции, повышение экспортного потенциала, применение в организациях современных технологий и инструментов менеджмента [6]. В полной мере это относится и к организациям ЖКХ. Министр жилищно-коммунального хозяйства Республики Беларусь в своей статье «Наша основная цель – повышение эффективности и надежности функционирования жилищно-коммунального хозяйства» пишет: «Большое значение придается реорганизации системы жилищно-эксплуатационных служб, предусматривающей разграничение функций собственника жилищного фонда и функций профессионального управления, обслуживания и формирования полноценных договорных отношений в системе» [1].

Вся государственная политика в системе ЖКХ направлена на поиск возможностей снижения затрат в данной сфере и переход ее в состояние безубыточного функционирования. Дотационность отрасли не только повышает расходы государства, но и мешает реализации рыночного механизма, в том числе в ценообразовании, как единственно справедливого. В этих условиях выходом для организаций системы ЖКХ должны стать не только модернизация, энергосберегающие технологии, но и развитие инфраструктуры, в том числе в виде создания специализированных консалтинговых и рекрутинговых агентств.

В современной зарубежной практике, в том числе и в странах СНГ, уже давно и активно используются такие управленческие технологии, как лизинг персонала и аутсорсинг. Лизинг персонала – это своеобразная кратко- или среднесрочная аренда персонала другой фирмы [2]. При возникновении необходимости выполнения определенных работ организация обращается в рекрутинговую компанию, которая предоставляет

персонал и несет ответственность за качество выполняемой работы. Организация заказчик получает временный персонал, с которым он юридически не связан.

Применение лизинга персонала позволило бы организациям системы ЖКХ существенно сократить штат сотрудников, снизить затраты на персонал, избежать недоиспользования или неэффективного использования сотрудников. Одновременно из организации, обеспечивающей и отвечающей за качество, она превращается в заказчика, который требует качества и контролирует его. Договор о лизинге персонала составляется, как правило, на срок не более 9 месяцев, что позволит более полно использовать кадровый потенциал. Применение лизинга позволяет решать проблему сезонности в предоставлении услуг ЖКХ. В свою очередь рекрутинговое агентство решает проблему полного использования персонала за счет более широкого охвата рынка. В отличие от жилищно-эксплуатационной службы оно не ограничено территорией обслуживаемого района населенного пункта.

Важным направлением в моделировании системы управления персоналом на предприятиях системы ЖКХ выступает обоснованное применение современных управленческих технологий, в частности, системы аутсорсинга. Аутсорсинг (от англ. *outsourcing (outer-source-using)* – использование внешнего источника/ресурса) – передача организацией на основании договора определенных бизнес-процессов или производственных функций на обслуживание другой компании, специализирующейся в соответствующей области [14]. Аутсорсинг предполагает передачу функций на основе длительного контракта (не менее 1 года). Наличие бизнес-процесса является отличительной чертой аутсорсинга, что позволяет вписывать данную технологию в систему управления персоналом, основанную на методологии ИСО. Повышение эффективности выполнения функций по управлению персоналом выступает основным источником экономии затрат.

Применительно к организациям ЖКХ на аутсорсинг могут передаваться функции в сфере управления персоналом, маркетинге, обслуживании оборудования, тестировании систем и т.д. В сфере управления персоналом на начальном этапе на аутсорсинг можно передавать оценку системы управления персоналом, развитие персонала, подбор персонала. В дальнейшем перечень функций может быть расширен в зависимости от потребностей предприятия. Передача функций позволит экономить затраты на их реализацию, повысит качество выполнения работ, услуг, снизит риски, связанные с реализацией соответствующих бизнес-процессов.

В организационном аспекте сама система управления персоналом будет более простой. Предприятие сможет сконцентрироваться на выполнении основных функций управления персоналом: контроль, мотивация, учет, анализ и т.д., – выполнение которых может быть автоматизировано с помощью современных информационных технологий. Это приведет к снижению трудоемкости выполнения кадровых функций и к возможному сокращению штатных единиц.

Одновременно следует учитывать, что технология аутсорсинга не лишена некоторых недостатков. Прежде всего, это вопросы, связанные с профессиональной подготовкой сотрудников аутсорсинговой компании. Также обращает на себя внимание увеличение времени, необходимое для принятия решений. Однако если учитывать тот факт, что на современном этапе практически во всех областных центрах и в г. Минске существуют научные и научно-исследовательские организации (например, при высших учебных заведениях), которые могут оказывать услуги на условиях аутсорсинга, то можно предположить, что вопросы профессиональной подготовки сотрудников аутсорсинговой компании будут разрешены. Так, на базе областных унитарных предприятий ЖКХ могут создаваться научно-исследовательские структуры, оказывающие по-

добного рода услуги всем КУМПП ЖКХ данной области. Взаимодействие таких организаций может быть таким, как представлено на рисунке 1.

Например, в Брестской области в качестве такой структуры может выступать ООО «Брестский институт технологий регионального управления», одним из учредителей которого выступает Брестское областное унитарное предприятие ЖКХ. Данная структура располагает апробированными технологиями и специалистами, работает в тесном контакте с КУМПП ЖКХ Брестской области.

Использование подобных технологий позволит на уровне административно-управленческого персонала сократить вероятность ошибок при формировании коллектива работников. Подобранные таким образом руководители и специалисты предприятий ЖКХ смогут проводить более квалифицированный подбор работников в структурные подразделения, которыми они руководят.

На базе данной организации были разработаны комплексы обучающих семинаров для различных категорий работников предприятий ЖКХ Брестской области: высшее звено управления, специалисты маркетинга, специалисты планово-экономических структур, специалисты по качеству. Данные обучающие программы были согласованы с руководством Брестского областного унитарного предприятия ЖКХ. В результате не менее одного раза в месяц каждый работник административно-управленческого персонала предприятий ЖКХ Брестской области проходил обучение в соответствии с профилем его деятельности.

Рисунок 1 – Организационная структура взаимодействия

И, наконец, еще одной технологией, возможности и опыт реализации которой активно обсуждаются сегодня не только у нас в стране, но и в Российской Федерации, выступает «разграничение функций организационных структур и формирование на этой основе реальных договорных отношений» [11].

Речь идет о том, что происходит выделение службы заказчика, которая выполняет контролирующие функции, а также функции распределения денежных средств. В данной ситуации должна будет произойти реорганизация существующих предприятий системы ЖКХ в сторону концентрации на оказании определенных коммунальных услуг, при этом исчезнет необходимость содержать широкий штат сотрудников. Предприятия жилищно-коммунального хозяйства будут вынуждены конкурировать с дру-

гими игроками рынка, в том числе и между собой, что не только повысит качество обслуживания населения, но и приведет к необходимости снижения затрат.

Специализация на выполнении ограниченного вида функций позволит содержать в штате высококвалифицированный персонал, а передача на аутсорсинг части функций, в том числе и управленческих, позволит снизить постоянные затраты и повысить ценовую гибкость организаций. Система лизинга персонала при этом позволит выровнять сезонные колебания в потребности в персонале.

Проблемы применения современных управленческих технологий в Республике Беларусь

Основным потребителем услуг ЖКХ являются граждане страны. Следовательно, данной сфере экономики присуща ярко выраженная социальная значимость. Одновременно сама жилищно-коммунальная сфера находится в системе достаточно жестких ограничений. С одной стороны, это ограничения, накладываемые рынком ресурсов, которому присуща неограниченная свобода ценообразования. С другой стороны – это ограничения со стороны платежеспособности населения, что предполагает невозможность полной оплаты населением предоставленных услуг, хотя в соответствии с нормативно-правовой базой каждой конкретной страны эти услуги должны быть оплачены. И, наконец, существует определенная степень монополизации со стороны основных участников данной сферы, что лишает потребителя права выбора [4].

Одновременно государством четко определен курс на дальнейшее усиление самостоятельности предприятий жилищно-коммунальной сферы, на переход к полной самоокупаемости и выход на рентабельную работу. Применяемый механизм дотирования искажает рыночное ценообразование, и определенный государством курс представляется на современном этапе как единственно верный. В этих условиях предприятиям ЖКХ предстоит провести реорганизацию в части применяемых не только производственных, но и, главное, управленческих технологий. Предстоит освоить современные подходы к формированию управленческих систем и организации их работы.

В течение последних двух десятилетий качество определялось как один из важнейших приоритетов развития национальной экономики. Однако, если вопросам качества технологий, производственных процессов, услуг, товаров уделяется пристальное внимание на всех уровнях управления и в научных дискуссиях [6; 10; 12], то вопросы реформирования обеспечивающих подсистем остаются недостаточно исследованными. В полной мере это относится и к выработке подходов реформирования систем управления персоналом на предприятиях жилищно-коммунальной сферы в условиях перехода к системе «всеобщего управления качеством». Программой социально-экономического развития Республики Беларусь на 2011–2015 годы в качестве основной цели в сфере ЖКХ определено улучшение качества жилищно-коммунальных услуг. Приоритетными направлениями также определяются оказание услуг жилищно-коммунального хозяйства в соответствии с государственными социальными стандартами обслуживания населения и снижение затрат на оказание жилищно-коммунальных услуг населению.

Трудности в реализации рассматриваемых в данной статье управленческих технологий можно в обобщенном виде представить следующим образом:

1. Привести в соответствие нормативно-правовую базу не только по уже разработанным документам, но и, что немаловажно, по тем направлениям, по которым нормативная база просто отсутствует (например, это касается лизинга персонала, регулирования отношений по аутсорсингу). Без формирования правового поля использование данных технологий просто невозможно.

2. Освободить ЖЭС от несвойственных им функций (паспортные услуги, ответственность за сбор платежей за воду, электроэнергию и т.д.) [11].

3. Разделить функции собственника, заказчика и исполнителя.
4. Расширить договорные отношения в системе ЖКХ.
5. Создать инфраструктуру поддержки инновационных управленческих технологий (создание научно-исследовательских организаций, аутсорсинговых компаний, рекрутинговых агентств, консалтинговых организаций и т.д.).

Преодоление вышеозначенных сложностей опирается на соответствующее финансирование, которое в данном случае может быть переложено с государства на частный сектор, который будет вовлечен в процесс оказания услуг жилищно-коммунальным организациям на рыночных условиях.

Заключение

На основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы:

1. На современном этапе развитие системы жилищно-коммунального хозяйства должно идти по пути повышения качества предоставляемых услуг при безусловном снижении затрат и дотационности.
2. Одной из важнейших обеспечивающих подсистем, призванных решить стоящие перед отраслью проблемы, выступает подсистема управления персоналом.
3. Специфика услуг, предоставляемых организациями ЖКХ, предъявляет определенные требования к управляемой подсистеме системы управления персоналом (безопасность, своевременность, экономичность и т.д.).
4. В настоящее время организации ЖКХ либо не обладают необходимым кадровым потенциалом, либо вынуждены не полностью и неэффективно его использовать, а это утяжеляет затраты организаций системы жилищно-коммунального хозяйства.
5. В качестве одного из направлений решения существующих проблем в отрасли можно рассматривать возможность применения инновационных управленческих технологий, таких как лизинг персонала, аутсорсинг и разделение управленческих функций.
6. В настоящее время существуют ряд объективных ограничений, не позволяющих применять новые технологии. Например, требуется совершенствование нормативно-правовой базы, соответствующей инфраструктуры.
7. Преодоление вышеозначенных ограничений позволило бы организациям системы ЖКХ использовать преимущества, которые предлагаются современными управленческими технологиями, существенно сократить затраты и повысить свою конкурентоспособность.

Наблюдаемая в последние десятилетия тенденция повышения требований, предъявляемых населением к комфортности проживания и качеству жизни, свойственна не только городам, но и сельским населенным пунктам [1]. Обращает на себя внимание также основная цель социальной политики белорусского государства – «формирование социально стабильного и высокоразвитого общества, в котором нет нищеты и резких социальных контрастов, достигнут социально приемлемый жизненный уровень и качество жизни, обеспечены условия для развития человеческого потенциала, имеется достаточная степень общественного согласия и общественной солидарности, а социальные противоречия разрешаются без особых конфликтов» [8]. Реформирование жилищно-коммунальной сферы выступает одной из наиболее важных государственных программ, на реализацию которой оказывает влияние ряд факторов, в том числе эффективность управления первичным звеном системы – предприятием жилищно-коммунального хозяйства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белохвостов, В.М. Наша основная цель – повышение эффективности и надежности функционирования жилищно-коммунального хозяйства // Проблемы управления. – 2008. – № 3(28). – С. 58–59.
2. Беляцкий, Н.П. Управление персоналом : учеб. пособие / Н.П. Беляцкий, С.Е. Велесько, П. Ройш. – Минск : Экоперспектива, 2000. – 320 с.
3. Варакулина, М.В. Показатели оценки эффективности системы управления персоналом на предприятиях жилищно-коммунального хозяйства Республики Беларусь / М.В. Варакулина // Веснік Брэсцкага ўн-та. Серыя 2. Гісторыя. Эканоміка. Права. – 2010. – № 2. – С. 121–129.
4. Драган, И.А. Особенности реформирования жилищно-коммунального хозяйства как объекта государственного управления / И.А. Драган // Проблемы управления. – 2010. – № 4(37). – С. 91–95.
5. Кибанов, А.Я. Управление персоналом организации : учебник / А.Я. Кибанов, И.Б. Дуракова. – М. : Экзамен, 2005. – 414 с.
6. Корешков, В.Н. Качество как фактор конкурентоспособности национальной экономики / В.Н. Корешков // Проблемы управления. – 2010. – № 3(36). – С. 21 – 32.
7. Котлер, Ф. Основы маркетинга : учеб. пособие / Ф. Котлер. – М. : Вильямс, 2008. – 656 с.
8. Морова, А.П. Переход к новой модели социальной политики в Республике Беларусь: итоги и перспективы / А.П. Морова // Проблемы управления. – 2010. – № 4(37). – С. 35–42.
9. Розова, Н.К. Управление качеством : учеб. пособие / Н.К. Розова. – СПб. : Питер, 2002. – 224 с.
10. Савина И.А. Моделирование системы управления качеством в ЖКХ : монография / И.А. Савина ; под научн. ред. Б.И. Герасимова. – Тамбов : ТГТУ, 2006. – 86 с.
11. Цветкова, Е.Н. Развитие системы управления жилищно-коммунального хозяйства города Минска / Е.Н. Цветкова // Проблемы управления. – 2009. – № 2(31). – С. 191–198.
12. Черняк, В.З. Жилищно-коммунальное хозяйство: развитие, управление, экономика : учеб пособие / В.З. Черняк. – М. : КноРус, 2010. – 392 с.
13. Щёткина М.А. Качество жизни – в центре внимания / М.А. Щёткина // Проблемы управления. – 2010. – № 1(34). – С. 4–8.
14. <http://ru.wikipedia.org> [Электронный ресурс]. – Дата доступа: 13.04.2011.

Varaculina M.V. Innovative Technologies of Personnel Management and the Need for Their Application in the Organization of Housing and Municipal Services

In this article the necessity of improving of managerial technologies in the sphere of management at the enterprises of housing and municipal services is substantiated. The specific features of housing and municipal services are marked. The basic requirements are defined for controlled subsystem in the organizations of housing and municipal services. The innovative technologies are examined, the application of which would be the most appropriate on the basis of goals and objectives setting before the sector. The author points out the advantages and disadvantages of the proposed instruments, as well as the difficulties, that do not allow realization of the proposed instruments fully at the present stage.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 27.04.2011

УДК 338.2

Л.П. Матюшков, М.Н. Григорович

МЕТОДИКА КОМПЛЕКСНОЙ ОЦЕНКИ ОБЪЕКТОВ ПРИ МОДЕРНИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ

В работе предложена методика проведения комплексной оценки для выбора путей модернизации сложных объектов и процессов на основе радарных диаграмм. Методика позволяет рассмотреть во взаимосвязи все вопросы информационного обеспечения построения радарной диаграммы. Оценка, полученная при сравнении изучаемого объекта с базовым, облегчает решение задач управления эффективным выделением средств на модернизацию.

Введение

Выделение ассигнований из различных источников на модернизацию производств и средств управления с целью повышения качества продукции и жизни людей должно опираться на научно обоснованные рекомендации, базирующиеся на комплексной оценке перспектив развития объектов и процессов. Каждая отрасль и отдельное предприятие имеет свои особенности, и потому не может быть единой комплексной оценки для различных видов процессов и объектов. Предлагаемая методика использования радарных диаграмм для комплексной оценки разнообразных объектов и процессов позволяет учитывать их особенности, а также вычленять наиболее весомые для них факторы, прежде всего с позиции экономической эффективности. Суть применения модели – выбор наиболее значимых, по мнению экспертов, показателей, которые должны использоваться в качестве базовых при комплексной оценке и которые на основе сравнения с однородными объектами могут помочь принять управленческое решение (о выделении средств и т.п.).

Некоторые модели для расчёта ряда таких факторов уже разработаны, в частности, П.Г. Никитенко (экономико-математические методы оценки эффективности инновационной деятельности) [11; 12]. А.П. Смольский выделил перечни ряда важных для инноваций факторов, привел систему основных показателей анализа и оценки финансово-хозяйственной деятельности предприятия [13]. В.Г. Медынским разработаны критерии оценки инновационных проектов [9]. В ряде работ [1; 2; 14–18] также приводится метод расчёта степени согласованности мнений экспертов для отбора факторов и назначений рейтинговых оценок. Кроме того, система подготовки данных для комплексной оценки по возможности должна ориентироваться на использование важнейших количественных и качественных показателей, характеризующих объект или процесс и фигурирующих в традиционной отчётной внутренней и внешней документации об объекте.

Основные подходы к построению методики

В ходе оценки обычно используется как количественный, так и качественный подходы. Для управления качеством необходимо оценить его уровень и перспективы положительных тенденций роста. Оценка уровня качества процесса или объекта является основой для выработки необходимых управляющих воздействий. Однако формализованная количественная оценка качества процесса или объекта сталкивается с большими трудностями, которые носят объективный характер, определяемый особенностями сферы реализации. Для установления стандартов при сравнении достижений разных предприятий рекомендуется использовать внутренний и внешний бенчмаркинг как последовательный и непрерывный процесс оценки их деятельности [18]. При проведении оценки устанавливается, какие показатели качества следует выби-

рать для рассмотрения, какими методами и с какой точностью определять их значения, какие средства для этого потребуются, как обработать и в какой форме представить результаты оценки.

Метод оценки уровня качества объекта или процесса может быть дифференциальным, комплексным или смешанным. Дифференциальный метод оценки заключается в сопоставлении единичных показателей качества оцениваемого вида с соответствующими показателями базового образца. При этом определяют, достигает ли оцениваемый объект или процесс качества базового в целом, какие его единичные показатели превосходят или не соответствуют базовому образцу, а также насколько отличаются друг от друга аналогичные единичные показатели свойств. Являясь квалификационным, данный метод позволяет оценивать объект по таким категориям качества, как «превосходит», «соответствует» или «не соответствует» определенным требованиям. В то же время при дифференциальном методе оценки количественно оцениваются отдельные свойства объекта или процесса, что позволяет принимать конкретные решения по управлению качеством данного объекта или процесса.

Комплексный метод оценки уровня качества предусматривает использование обобщенного показателя качества. Этот метод применяется в случаях, когда оказывается целесообразным уровень качества выразить только одним числом. Необходимость объединения совокупности единичных показателей с целью получения одного комплексного определяется чисто практическими задачами. Уровень качества по комплексному методу определяется отношением обобщенного показателя качества оцениваемого объекта или процесса к аналогичному показателю базового образца.

Смешанный метод оценки сводится к следующей последовательности действий:

1. Все или часть единичных показателей качества объединяют в группы, для которых определяют групповой (комплексный) показатель. Объединение единичных показателей в группы производится в зависимости от цели оценки качества. Наиболее значимые и характерные единичные показатели можно в группы не включать, а рассматривать их наряду с групповыми.

2. Численные значения полученных групповых (комплексных) показателей и самостоятельно учитываемых единичных сопоставляют с соответствующими базовыми, т.е. применяют принцип дифференциального метода оценки уровня качества объекта или процесса.

Методика получения комплексных оценок методом радарных диаграмм

Предлагаемая методика состоит из ряда процедур, выполняемых в описанной ниже последовательности.

1. Обеспечение уровня качества и достоверности комплексных оценок. Уровень качества объекта или процесса – мера соответствия качества оцениваемого объекта или процесса качеству объекта или процесса, принятого за базовый (эталонный). Это относительная мера, результат оценивания, система значений мер качества объекта, определенная на основе соотношения с базовыми (эталонными) значениями мер. Оценка уровня качества объекта или процесса представляет собой совокупность операций, связанных с определением численного значения уровня качества объекта или процесса.

Рассмотрим последовательность реализации промежуточных операций для комплексной оценки уровня качества объекта или процесса. Эти операции выполняются на основе мнений экспертов, исследующих объект, и/или с учётом ранее накопленного опыта, требований нормативных документов, мировой практики.

Для установления степени доверия к экспертным оценкам желателен вычислить коэффициент конкордации W по методу Кендалла о согласованности действий экспертов [18]. Чтобы повысить доверие к конечному результату выше уровня стати-

стических погрешностей, этот коэффициент заведомо должен превышать уровень 0,6 (пункт 1 может выполняться для всех последующих позиций, где привлекаются эксперты), хотя в литературе [18] для удовлетворительного уровня указываются границы 0,4–0,7, где, начиная с величины $W \geq 0,7$, качество оценки считается высоким.

2. Выбор номенклатуры единичных показателей качества производится из технической документации на продукцию (Техническое задание, проект, техническое усовершенствование, ГОСТ или другой нормативно-технический документ) или целевых установок из программных документов для реализации решения.

3. Выбор базовых показателей качества. Он рекомендуется на основе выбора базового образца (образцов) объекта или процесса. (Для изделий задача часто облегчается наличием сложившегося набора показателей, рекомендаций международных организаций по стандартизации, а для управленческих процессов на основе рекомендаций ООН и сравнительных оценок для данного вопроса из года в год повторяющихся в официальных отчётах). Базовые образцы должны относиться к продукции, аналогичной по назначению и условиям эксплуатации оцениваемого объекта или процесса.

4. Определение значений единичных базовых показателей качества. За базовые показатели качества образцов-эталонов (их значения) могут быть приняты:

а) прогнозируемые показатели качества объекта или процесса (перспективный национальный или мировой уровень качества);

б) показатели качества объекта или процесса, рекомендуемые международными организациями по качеству;

в) показатели качества существующей мировой и национальной техники (при аттестации – лучшее или среднее);

г) прогрессивные показатели качества в стандартах, ГОСТах и т.д.

При недостатке информации строится «идеальный» базовый объект на основе всех известных лучших показателей исследуемых объектов.

5. Оценка веса p_i каждого показателя i так, чтобы $\sum_{i=1}^n p_i = 1$.

6. Приведение всех показателей к безразмерным величинам путём нормирования.

7. Построение радарной диаграммы и получение комплексной оценки.

8. Интерпретация результатов.

Обеспечение процесса построения радарной диаграммы, как и выбор базового образца, имеет свои специфические особенности, на которых остановимся отдельно.

Выбор базового образца

В основе оценки уровня качества объекта или процесса лежит сравнение совокупности их единичных показателей с соответствующей аналогичной совокупностью для базового образца (совокупностью базовых значений показателей). Базовым образцовым набором называется реально достижимая совокупность значений показателей качества продукции, принятых для сравнения. Совокупность базовых значений показателей должна характеризовать оптимальный уровень качества продукции на некоторый заданный период времени. Методы оценки уровня качества объекта основаны на использовании информации о значениях показателей качества продукции, выпускаемой в стране и за рубежом. От выбора базового образца в значительной степени зависит результат оценки качества выпускаемой продукции и принимаемое решение по её улучшению в будущем. Необходимо обеспечить тщательный, всесторонний и продуманный подход к выбору базовых образцов. Пользование устаревшими и технически несовершенными образцами приводит к искаженной, необоснованно завышенной оценке уровня качества объекта или процесса.

Базовыми образцами могут служить:

1) на стадии разработки – объект или процесс, отвечающий реально достижимым перспективным требованиям (перспективный образец), планируемая к освоению продукция, показатели качества которой заложены в техническом задании, техническом или рабочем проекте;

2) на стадии изготовления – объект или процесс, показатели качества которого в момент оценки отвечают самым высоким требованиям и который наиболее эффективен в эксплуатации или потреблении (государственные и отраслевые стандарты Республики Беларусь, технические условия, прогрессивные международные стандарты, регламентирующие оптимальные значения показателей качества продукции).

Базовый образец следует выбирать из группы продукции, аналогичной по назначению, условиям изготовления и эксплуатации или потребления. Установленная номенклатура показателей качества базового образца должна соответствовать номенклатуре показателей качества оцениваемого объекта или процесса.

Методы определения значений показателей качества и единицы их измерения для базового образца и оцениваемой продукции должны быть идентичными, чтобы обеспечить их сопоставимость. Базовый образец должен быть перспективным в случаях, когда на освоение новых видов, типов и моделей объектов и процессов может затрачиваться значительное время (порядка трех лет и более). При анализе управленческих процессов в качестве базовых выбираются образцовые предприятия, отрасли, регионы, государства и т.д. (внешний бенчмаркинг).

Процедура комплексной оценки с помощью радарных диаграмм

Опишем общий механизм использования радарных диаграмм для оценки объектов и динамики экономических процессов. Основой диаграммы является некоторая группа избранных исследователем существенных показателей x_i ($i = \overline{1, n}$). Через показатель x_{ij} ($j = \overline{1, n}$) выражается значение для j -го объекта или процесса по показателю x_i . Все показатели x_{ij} нормируются так, чтобы их безразмерное нормальное значение y_{ij} лежало в полуинтервале $(0, 1]$. Для этой цели необходимо обладать характеристиками лучшего из известных исследователю объекта или процесса. Ввиду того, что все объекты и процессы непрерывно совершенствуются и их характеристики не всегда доступны, на практике можно ограничиться характеристиками текущего «идеального» объекта или процесса. «Идеальная» модель характеристик тогда включает все лучшие из известных параметров или, в крайнем случае, формируется из лучших параметров рассматриваемых или известных исследователю объектов и процессов. Тогда нормированный показатель определяется как $y_{ij} = \frac{x_{ij}}{\max_j x_{ij}}$ или $y_{ij} = \frac{\min_j x_{ij}}{x_{ij}}$. Конкретная формула

для y_{ij} выбирается из характера параметра x_{ij} . Если нарастание x_{ij} соответствует положительному эффекту (увеличение ВВП, рост доходов на душу населения и т.д.), то выбирается первая формула, а если нарастание x_{ij} соответствует отрицательному эффекту (затраты энергии и/или материалов на изделие и т.п.), то используется вторая.

После этого в круге единичного радиуса (масштаб единицы выбирается исследователем) из центра проводится n лучей. Если все показатели в весовом плане равноценны, то угол φ между всеми лучами одинаков и $\varphi = \frac{360^\circ}{n}$. Если же всем показателям x_i

присвоены веса Θ_i , ($0 \leq \Theta_i \leq 1, \sum \Theta_i = 1$) проранжированные экспертами по их важности,

то $\varphi_i = 360^\circ \cdot \mathcal{E}_i$, и лучи проводятся по порядку следования с углами φ_i между соседними лучами. Далее на лучах j от центра откладываются показатели y_{ij} для каждого объекта по отдельности. Все верхние соседние точки соединяются прямыми линиями (отрезками), и площадь полученного многоугольника является комплексной характеристикой изучаемого процесса или объекта. Если сравнивается несколько объектов (1, 2, ..., k), то каждый объект отображается аналогично с использованием условных знаков в виде верхнего индекса y_{ij}^k и подбором цветов и/или типов линий (их толщина, штриховые, пунктирные и т.п.) многоугольника и др.

При затруднениях построения графической диаграммы в виде многоугольников, дающей хорошую наглядную картинку, можно ограничиться столбиковой или ленточной диаграммой, где площадь S каждого из многоугольников для процесса j может отображаться в избранном масштабе в виде прямоугольника. В этом случае можно воспользоваться математической формулой для вычисления площади каждого из многоугольников по формуле

$$S = \frac{1}{2} (r_1 r_2 \cdot \sin \varphi_1 + r_2 r_3 \cdot \sin \varphi_2 + \dots + r_{n-1} r_n \cdot \sin \varphi_{n-1} + r_n r_1 \cdot \sin \varphi_n)$$

или её упрощённым вариантом при равных $\varphi = \left(\frac{360^\circ}{n} \right)$, ко-

гда $S = \frac{1}{2} \sin \varphi (r_1 r_2 + \dots + r_n r_1)$, где $r_j = y_{ij}$, а φ_j – угол между r_j и r_{j+1} (за исключением φ_n (угол между r_n и r_1)). Для выделения процесса или объекта k пишут r_i^k , где i изменяется от 1 до n , k – номер изучаемого процесса (изменяется от 1 до k при сравнении k объектов или процессов).

Примеры использования методики для объекта на микроуровне и процесса на макроуровне

Отдельно для сравнения конкретного объекта с базовым полезно подсчитать площадь, соответствующую базовому объекту, что позволяет в процентах получить степень приближения к идеальному случаю. Описанный здесь инструментарий получения комплексной оценки находит всё более широкое применение и в настоящее время вышел за границы первоначального использования для комплексной оценки качества. Его начали применять и для оценки инновационной деятельности, социальных процессов и других.

Из анализа приведённых источников и результатов исследования можно сделать вывод о перспективности использования метода радарных диаграмм в самых различных областях. Метод вычисления комплексной оценки на основе геометрических средних показывает, что в простейшей модели рейтинги объектов могут совпадать или при достаточно близких значениях площадей незначительно отличаться. Гораздо большие расхождения могут дать вычисления экспертных оценок \mathcal{E}_i , когда они имеют значительный разброс. При проектировании новых объектов данный метод эффективен для рассмотрения различных вариантов с целью выявления лучшего. Кроме того в отличие от других методов оценок описанным способом легче сопоставить затраты на реализацию различных вариантов, так как улучшение избранной характеристики x_i и её влияние на изменение площади для варианта k имеет свою цену.

Метод может использоваться и для предварительных оценок при выборе нового оборудования, приобретаемого у разных фирм с целью модернизации производства. В управленческой деятельности с помощью этого метода можно оценивать динамику комплексной оценки развития объекта или процесса за заданный период. В этом случае

радарная дыяграма можа строїцца для абраннага працэса ў кожны момэнт часу ў адрэднясці, і тады лёгка адслэжываць характэр яго развіцця (улучшэнне або пагоршэнне). Пакажам рэалізацыю гэтых падходаў на двух прымерах.

Для эканоміі месца абмежуемся толькі абмеркаваннем рэзультатаў, атрыманне якіх дэталёва апісана ў артыкулах [4–8]. На аснове артыкула [5] прыведзем ітогавую тэблїцу сраўняльнага аналізу рэды халадільнікаў і іх рэйтынгавыя ацэнкі.

Тэблїца – Плошадзі і рэйтынгі халадільнікаў

Мадэль	Аб'ём халадільнай камеры, л	Аб'ём морозільнай камеры, л	Мощность заморажывання, кг	Цэна, бел. руб.	Плошадзь	Рэйтынг
Атлант ХМ-6026	278	115	15,00	1 585 250	1,515	2
Indesit BEAA 35 P GF	283	140	16,00	1 199 250	2,000	1
Bosh KGN 39A63	221	94	14,00	3 464 500	0,843	4
Ariston MBT 1911 FI/HA	280	118	14,00	1 865 500	1,385	3

Прыпузім, прымаецца рэшыенне павысіць комплексную ацэнку і рэйтынг халадільніка «Атлант» на рынку пры яго мадэрнізацыі з улікам разумных затрат са староны прадпрыемства, улучшэння тэхналогіі прадукцыі і сістэмы кіравання. Для гэтага можна праграмаваць мадэль расчэту плошадзі з дынамікай змяненняў абраных паказатэляў, каб выйсці на першае месца. Выявіў чутлівасць да змяненняў паказатэляў па асям для ўсёй плошадзі, характэрнага аб'екта, знайдзем некалькі варыянтаў, прыемлемых для прадпрыемства з пазіцыяў мадэрнізацыі аб'екта і тэхналогіі яго прадукцыі, затрат на рэалізацыю варыянта. Гэта дазволіць павысіць абаснаванасць прымаемага рэшыення.

Макроўрэвень больш характэрны для аналізу якасця улучшэння працэса з пазіцыяў яго тэндэнцыяў. Напрыклад, у артыкуле [6] разглядаецца на макроўрэвнне прадвольствэнная бэзопаснасць краў бывшага СССР [7], сярод якіх Беларусь займае першае месца. Аднак калі ў спіс дадаць Данію, то імяна яна і займэе першае месца. Тады, існаваў дынаміку працэса толькі для гэтых двух краў, можна выявіць, сакарацца лї дыстанцыя паміж імі ў перспектыве.

Заклученне

Прапанаваная мэтадыка правядзення комплекснай ацэнкі пры мадэрнізацыі складаных аб'ектаў і працэсаў на аснове радарных дыяграмм дазваляе разгледзець ў взаімосвязі ўсе пытанні інфармацыйнага абеспячэння будавання радарнай дыяграмы, а таксама аблягчае рэшыенне задач, накіраваных на эфектыўнае рэгуляванне распаўсюлення фінансавых сродкаў. Для большага дакладнасці ацэнкі следуе разгледзець развіццё аб'екта ў дынаміцы за вызначаны перыяд.

Мэтады можа існаваць і для прадварытных ацэнак пры выбары новага аборування, прыбранаемага ў розных фірмаў з мэтай мадэрнізацыі сабствэннага прадукцыі. У кіравальнай дзейнасці з дапамогай мэтады можна ацэньваць

динамику комплексной оценки развития объекта или процесса за какой-либо период. В этом случае радарная диаграмма может строиться для избранного процесса в каждый момент времени в отдельности, и тогда легко отслеживать характер его развития (улучшение или ухудшение), т.е. динамику. Техничко-экономический эффект внедрения результатов выражается в снижении риска вложения средств в объекты, которые имеют низкую готовность к модернизации (подготовка кадров, выделение собственных средств, наличие опыта в применении новейших технологий, степень изученности будущего рынка, история возврата кредитов и т.п.). Если судить по материалам периодической печати, то только в одном регионе страны по разным причинам (отсутствие кадров, опыта, плохое изучение рынков, некомпетентность при закупке оборудования, некачественное управление процессом и т.д.) ежегодно не получают отдачу примерно от 20 миллиардов денежных средств, вложенных в модернизацию предприятий.

Предлагаемая методика систематизирует ранее описанные результаты [4–8], что позволяет пошагово обеспечить информационное наполнение модели расчёта для конкретной ситуации, а также сделать некоторые оценки поведения объекта или процесса в динамике с целью выявления тенденций их развития и примерной стоимости затрат в случае корректировки или изменения отдельных факторов. Полезность такого подхода подтверждается всё более широким применением радарных диаграмм для анализа самых различных процессов и объектов в экономике, социологии, для индикативных прогнозных оценок уровня ноосферного развития, улучшения качества продукции и услуг, продовольственной безопасности, оценки рыночной среды и т.д. [4–12].

Предлагаемая методика прошла апробацию на объектах различного назначения, и, по отзывам предприятий и организаций, имеет практическую значимость. Она показала значительную эффективность при решении производственных задач, обеспечивает научную обоснованность управленческих решений и позволяет сократить затраты времени на их принятие. Также начато использование предлагаемой методики в учебном процессе при подготовке специалистов в области государственного управления и бизнес-администрирования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Басовская, Е.Н., Комплексный экономический анализ хозяйственной деятельности : учеб. пособие / Е.Н. Басовская, Л.Е. Басовский. – М. : Инфра-М, 2004. – 336 с.
2. Басовский, Л.Е. Управление качеством : учебник / Л.Е. Басовский, В.Б. Протасьев. – М. : ИНФРА-М, 2006. – 652 с.
3. Григорович, М.Н. Оценка инновационного потенциала предприятий // Проблемы экономики и управления в условиях инновационного развития Республики Беларусь : мат. респ. научн.-практ. конф., Брест, 28–29 мая 2009 г. / Брест. гос. ун-т имени А.С. Пушкина. – Брест : БрГУ, 2009. – 320 с.
4. Григорович, М.Н. Оценка экономической эффективности инновационных проектов // Научный потенциал молодёжи – будущему Беларуси : мат. III междунар. молодёж. науч.-практ. конф. / УО «Полес. гос. ун-т», г. Пинск, 27 марта 2009 г. – Пинск : ПолесГУ, 2009. – 258 с.
5. Матюшков, Л.П. Диаграммный метод оценки сложных однородных объектов / Л.П. Матюшков, М.Н. Григорович // Веснік Брэсцкага ўніверсітэта. Серыя гуманітарных і грамадскіх навук. – 2009. – № 1(36). – С. 136–142.
6. Матюшков, Л.П. Оценка продовольственной безопасности страны / Л.П. Матюшков, М.Н. Григорович, В.В. Мацукевич // Актуальные проблемы инновационного развития агропромышленного комплекса Беларуси : мат. Междунар. науч.-

практ. конф., г. Горки, 11–12 сентября 2008 г. : в 3 ч. – Минск : Институт системных исследований в АПК НАН Беларуси, 2009. – Ч. 1. – 380 с.

7. Матюшков, Л.П. Радарные диаграммы в интегрированной оценке потенциала АПК / Л.П. Матюшков, М.Н. Григорович, В.В. Мацукевич // Организационно-экономические и правовые аспекты инновационного развития АПК : сб. науч. трудов ; вып. 6 / Гл. ред. В.С. Обухович. – Горки : Белорус. гос. сельхоз. академия, 2009. – 328 с.

8. Матюшков, Л.П. Измерения в системе государственного регулирования экономики / Л.П. Матюшков, Н.И. Зайцева // Институциональная экономика – теоретическая основа современных прикладных исследований : мат. Междунар. научн.-практ. конф. «Развитие прикладных экономических исследований на основе институциональной теории и методологии», Брест, 29–30 апр. 2008. – Брест : БрГУ. – С. 200–209.

9. Медынский, В.Г. Инновационный менеджмент : учеб. для вузов по спец. «Менеджмент организации». – М. : ИНФРА-М, 2002. – 293 с.

10. Национальная экономика Беларуси: Потенциалы. Хозяйственные комплексы. Направления развития. Механизмы управления : учеб. пособие [для вузов] / В.Н. Шимов [и др.] ; ред. В.Н. Шимов. – Минск. : БГЭУ, 2005. – 844 с.

11. Никитенко, П.Г. Ноосферная экономика и социальная политика: стратегия инновационного развития / П.Г. Никитенко. – Минск : Белорус. наука, 2006. – 479 с.

12. Никитенко, П.Г. Политико-экономические и организационные преобразования в экономике Беларуси – императив нового качества экономического роста / П.Г. Никитенко // Проблемы управления. – 2008. – № 2(27). – С. 25–31.

13. Смольский, А.П. Антикризисное управление : учеб. пособие / А.П. Смольский. – Минск : Современ. школа, 2008. – 224 с.

14. Стратегия устойчивости развития АПК – продовольственная безопасность / В.Г. Гусаков [и др.]; под ред. В.Г. Гусакова / Ин-т экономики НАН Беларуси – Центр аграрной экономики. – Минск : Белорус. наука, 2008. – 514 с.

15. Управление качеством и сертификация : учеб. пособие / В.А. Васильев [и др.]; под ред. В.А. Васильева. – М. : Интернет-инжиниринг, 2002. – 416 с.

16. Морозевич, А.Н. Управленческое образование: новое качество, инновации, компетентность / А.Н. Морозевич, А.Г. Шрубенко // Проблемы управления. – 2009. – № 3. – С. 7–23.

17. Скорняков, Э.П. Управление качеством и конкурентоспособностью промышленной продукции на основе патентных исследований : метод. пособие / Э.П. Скорняков – М.: Патент, 2006. – 150 с.

18. Просветов, Г.И. Управление инновациями: задачи и решения : учеб.-практ. пособие. – М. : Альфа-Пресс, 2010. – 208 с.

Matushkov L.P., Grigorovich M.N. Methods of Integrated Assessment of Objects while Modernizing Economy

The article deals with approaches to representation of integrated assessment's result and graphic representation for a group of homogeneous objects (products, processes) according to a specified criterion. The method of assessment that incorporates current information available for a researcher is suggested. Assessment parameters are chosen according to researcher's objectives and expert data. «Radar» diagram, which formal rules of plotting are supplemented with necessary mechanisms, is used as a means of results representation. Given approach can be used to represent the character of economic development, to compare homogeneous products on the market with the projected analogues etc.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 08.06.2011

УДК 330.4:656.02

О.В. Дмитрачкова

ОПТИМИЗАЦИЯ МАРШРУТОВ ТРАНСПОРТА В ЦЕПЯХ ПОСТАВОК

В работе дана постановка задачи маршрутизации транспорта (Vehicle Routing Problem, VRP), рассмотрены различные виды задач VRP, проведен обзор и анализ методов их решения. Задачи VRP весьма актуальны, так как они возникают в планировании логистических цепей поставок. В зависимости от ограничений существуют следующие виды VRP-задач: VRP с временными окнами – VRPTW; VRP с ограничением по грузоподъемности – CVRP; VRP с несколькими депо – MDVRP; VRP с возвратом, где клиенты могут возвращать некоторые товары в депо, – VRPPD; VRP с возвратом – VRPB; VRP, где каждый клиент может обслуживаться одновременно несколькими машинами, – SDVRP; VRP, где доставка может осуществляться в течение нескольких дней, – PVRP; VRP, где некоторые компоненты имеют случайный характер, – SVRP; VRP, где существует возможность дозагрузки автомобиля на маршруте, – VRPSF. Для каждого вида задач существуют свои подходы к решению: точные методы, эвристические методы и метаэвристики.

Введение

Сегодня логистика является одним из значительных и растущих сегментов экономики. Более половины общей стоимости логистики приходится на транспортные расходы. Вследствие этого усовершенствование перевозок может существенно снизить логистические затраты. С VRP сталкивается практически каждое предприятие при доставке продукции потребителю. Поэтому актуальность VRP вызвана практической значимостью. Оптимизация транспортировки как аспект логистической деятельности заключается в активном внедрении информационных технологий для маршрутизации транспорта, организации погрузки и выгрузки. При решении задач маршрутизации на предприятии диспетчером появляется человеческий фактор, который значительно влияет на точность результата. Преодолеть человеческий фактор поможет программное обеспечение, основанное на более точных методах решения VRP.

Задача маршрутизации транспорта (VRP) относится к оптимизационным. Суть ее состоит в нахождении оптимального набора маршрутов для транспортных средств от нескольких депо к нескольким клиентам. Поэтому VRP имеет комбинаторную природу. Решение данной задачи заключается в поиске экстремума некоторой функции в заданной допустимой области. Целевая функция отображает критерий оптимальности задачи. Это может быть минимизация расстояния, стоимости, времени. Допустимая область задается различными ограничениями в зависимости от специфики поставленной задачи. В качестве ограничений могут выступать верхние границы на время доставки продукции определенному клиенту, грузоподъемность транспортного средства и т.д.

Задачи VRP лежат на пересечении задач о ранце и коммивояжера, относятся к классу NP-трудных задач, поэтому сложность точного решения задачи в худшем случае зависит от размера входных данных экспоненциально. Для решения задач этого класса обычно применяют эвристические методы, которые находят приближенные решения.

Научный руководитель – М.Я. Ковалев, доктор физико-математических наук, профессор, заместитель генерального директора Объединенного института проблем информатики НАН Беларуси

Сегодня многие предприятия для оптимизации маршрутов применяют метод разделения на районы, где одно транспортное средство закреплено за одним районом. Данный метод достаточно прост, однако дает приближенное и неустойчивое решение, на качество которого влияют колебания в объемах заказов и количестве потребителей.

В зависимости от ограничений и условий задачи маршрутизации транспорта выделяется несколько классов VRP, для каждого из которых существуют свои методы решения. Для решения VRP используются:

1) простейшие методы (полный перебор, случайный перебор, жадные алгоритмы и т.д.);

2) эвристические методы (метод Кларка–Райта, алгоритм Моля–Джеймсона и др.), которые дают приближенное решение задачи за приемлемое время;

3) методы метаэвристики (поиск с запретами, моделируемый отжиг, детерминированный отжиг, генетический алгоритм, алгоритм на основе муравьиных колоний, нейронные сети); они не указывают точного описания порядка действий для решения задачи, и каждый из них должен быть дополнительно конкретизирован путём подбора значений управляющих параметров.

В следующих разделах будут рассмотрены основные классы задач маршрутизации транспорта и существующие подходы к их решению.

Постановка задач маршрутизации транспорта

Классическая задача маршрутизации транспорта (VRP) была сформулирована Г.Б. Данцигом и Р.Х. Рамсером в 1959 г. в работе [1]. VRP состоит в следующем. Есть одно депо (производитель) с парком транспортных средств и несколько клиентов. Каждому клиенту необходимо доставить определенный объем товаров. Задача маршрутизации состоит в нахождении такого набора маршрутов с минимальной общей стоимостью, чтобы каждый клиент был посещен только одним автомобилем только один раз. Кроме того, все маршруты должны начинаться и заканчиваться в депо. В данном случае критерием оптимальности является общая стоимость доставки товаров.

Так как задача маршрутизации относится к классу комбинаторных задач оптимизации, ее можно представить в виде графа $G(V, E)$ (Лапорт, 1992):

$V = \{v_0, v_1, \dots, v_n\}$ – множество вершин (v_0 – депо, $v_{1..n}$ – потребители);

E – множество ребер $\{(v_i, v_j) \mid i \neq j\}$;

C – матрица неотрицательных расстояний (стоимости пути) c_{ij} между потребителями;

m – количество машин;

d_i – объем груза, поставляемый i -му потребителю;

q^k – грузоподъемность k -ой машины;

X_{ij}^k принимают значения $\{0, 1\}$, 1 означает, что k -ый автомобиль движется от вершины i к вершине j , 0 автомобиль не движется от вершины i к вершине j .

С каждой вершиной V_i связано некоторое количество товаров (q_i), которые должны быть доставлены соответствующему потребителю.

Целевой функцией является стоимость решения задачи: $F_{VRP} = \sum C(R_i)$, $i = 1..m$,

где $C(R_i)$ – сумма длин ребер маршрута R_i .

Из приведенных выше обозначений математическая формулировка VRP следующая (нужно минимизировать целевую функцию (1), при ограничениях (2)–(7)):

$$\sum_{k=1}^m \sum_{(i,j) \in E} c_{ij} X_{ij}^k \rightarrow \min \quad (1)$$

$$\sum_{k=1}^m \sum_{j \in V} X_{ij}^k = 1, \forall i = 1..n \quad (2)$$

$$\sum_{i=1}^n d_i \sum_{j \in V} X_{ij}^k \leq q^k, \forall k = 1..m \quad (3)$$

$$\sum_{j \in V} X_{0j}^k = 1, \forall k = 1..m \quad (4)$$

$$\sum_{j \in V} X_{ih}^k \sum_{j \in V} X_{hj}^k = 0, \forall h = 1..n, \forall k = 1..m \quad (5)$$

$$\sum_{j \in V} X_{i,0}^k = 1, \forall k = 1..m \quad (6)$$

$$X_{ij}^k \in \{0,1\}, \forall (i,j) \in E, \forall k = 1..m \quad (7)$$

Целевая функция (1) определяет стоимость всех маршрутов всех транспортных средств. Ограничение (2) показывает, что каждый клиент обслуживается только одним транспортным средством и только один раз. Ограничение (3) – это ограничение на грузоподъемность транспорта. Ограничение (4) означает, что каждый автомобиль выезжает из депо один раз. Ограничение (5) означает, что автомобиль может покинуть какую-либо вершину, кроме депо, только если он прибыл в эту вершину. Ограничение (6) – транспортные средства возвращаются в депо и только один раз.

Фактически решение классической задачи маршрутизации сводится к построению непересекающихся гамильтоновых циклов [2] для связного взвешенного графа, в вершинах которого находятся клиенты, а ребра показывают стоимость (время, расстояние) маршрута. На рисунке 1 представлен пример решения классической задачи маршрутизации автотранспорта.

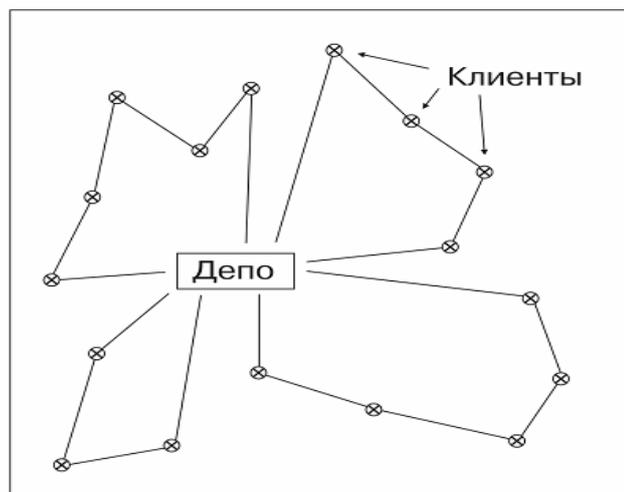

Рисунок 1 – Решение классической задачи маршрутизации

Задача маршрутизации транспорта с временными окнами (VRPTW)

VRPTW основана на классической VRP, но здесь присутствует ограничение по времени обслуживания клиентов. Есть одно депо с парком автотранспортных средств и несколько клиентов. Каждому клиенту необходимо доставить определенный объем товаров. Задача маршрутизации состоит в нахождении набора маршрутов с минимальной общей стоимостью. При этом маршруты должны отвечать следующим требованиям:

- 1) каждый клиент должен быть посещен только одним автомобилем только один раз;
- 2) все маршруты должны начинаться и заканчиваться в депо;

- 3) общее количество товаров на маршруте не должно превышать грузоподъемность транспортного средства;
- 4) каждый клиент должен быть обслужен в определенный промежуток времени (решение неприемлемо, если клиент обслуживается после верхней временной границы);
- 5) машина, прибывшая ранее нижней временной границы, ожидает ее наступления;
- 6) опоздание не влияет на пригодность решения, но добавляет некоторое штрафное значение к целевой функции.

Временные ограничения делятся на «мягкие», нарушать которые разрешается (нарушение таких ограничений наказывается штрафом, выраженным в количественной форме и добавляемом к целевой функции), и «жесткие», нарушение которых не допускается ни при каких обстоятельствах [3]. Как правило, алгоритмы для «жестких» и «мягких» ограничений различаются.

В постановке задачи маршрутизации транспорта с временными окнами вводятся дополнительные обозначения: $[a_i, b_i]$, $i = 1..n$ – промежуток времени, в который должен быть обслужен i -тый клиент; S_i^k , $i \in V$, $k = 1..m$ – время прибытия k -ого автомобиля к i -ому клиенту; t_{ij} – время перемещения от клиента i , $i=1..n$, к клиенту j , $j=1..n$.

Из приведенных обозначений математическая формулировка VRPTW следующая (нужно минимизировать целевую функцию (1), при ограничениях (2)–(9)).

$$\sum_{k=1}^m \sum_{(i,j) \in E} c_{ij} X_{ij}^k \rightarrow \min \quad (1)$$

$$\sum_{k=1}^m \sum_{j \in V} X_{ij}^k = 1, \forall i = 1..n \quad (2)$$

$$\sum_{i=1}^n d_i \sum_{j \in V} X_{ij}^k \leq q^k, \forall k = 1..m \quad (3)$$

$$\sum_{j \in V} X_{0j}^k = 1, \forall k = 1..m \quad (4)$$

$$\sum_{j \in V} X_{ih}^k \sum_{j \in V} X_{hj}^k = 0, \forall h = 1..n, \forall k = 1..m \quad (5)$$

$$\sum_{j \in V} X_{i,0}^k = 1, \forall k = 1..m \quad (6)$$

$$\sum_{j \in V} X_{ij}^k (S_i^k + t_{ij} - S_j^k) \leq 0, \forall (i, j) \in E, \forall k = 1..m \quad (7)$$

$$a_i \leq S_i^k \leq b_i, \forall i \in V, \forall k = 1..m \quad (8)$$

$$X_{ij}^k \in \{0,1\}, \forall (i, j) \in E, \forall k = 1..m \quad (9)$$

Ограничение (7) означает, если автомобиль движется из вершины i в j , то время прибытия автомобиля в j не может быть меньше суммы времени прибытия автомобиля в пункт i и времени движения автомобиля из пункта i в пункт j . Ограничение (8) – это ограничение по времени, прибытие автомобиля к клиенту должно быть в пределах временного окна.

В свою очередь, задачи маршрутизации транспорта с ограничением по времени имеют несколько разновидностей по количеству используемого автотранспорта. Данная задача также может расширяться, если учесть тот факт, что клиенты могут не только получать, но и возвращать товар – задача маршрутизации с возвратом и доставкой товара с ограничением по времени (PDPTW – Pickup and Delivery Problem with Time Windows) [4]. На рисунке 2 представлен типичный вариант решения задачи с ограничением по времени.

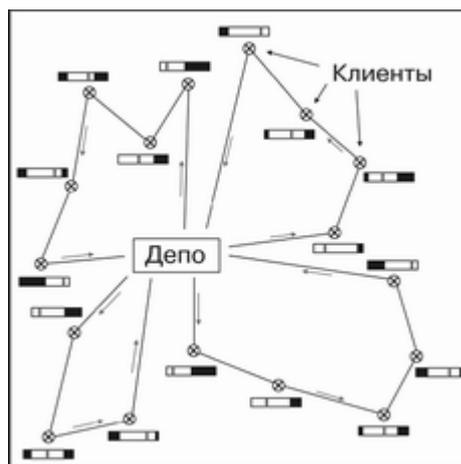

Рисунок 2 – Типичное решение VRPTW

Для выполнения заказа каждого клиента существует допустимый интервал времени (показан белым цветом), реальный момент выполнения заказа в соответствии с полученным решением отмечен чертой.

Другие виды задач маршрутизации транспорта

Задача маршрутизации транспорта с ограничением по грузоподъемности (CVRP) была экстенсивно изучена в начале 1960-х гг., когда было представлено много новых эвристических и точных подходов. В задачах маршрутизации с ограничением по грузоподъемности вводится дополнительное ограничение: объем грузов на каждом маршруте не должен превышать заданной величины Q (одинаковая величина для всех машин). Задача маршрутизации с ограничением по грузоподъемности состоит в нахождении набора маршрутов с минимальным количеством транспорта и суммарной минимальной стоимостью. При этом маршруты должны отвечать следующим требованиям: каждый клиент должен быть посещен только одним автомобилем только один раз; все маршруты должны начинаться и заканчиваться в депо; суммарный заказ всех клиентов, посещенных одним автомобилем, не превышает Q .

Задача маршрутизации с несколькими депо (MDVRP). В MDVRP есть больше чем один склад, чтобы обслужить клиентов, и это является главной особенностью данной задачи. В задаче маршрутизации с несколькими депо необходимо определять, каких клиентов назначать на определенный склад. Таким образом, маршрут начинается в любом из имеющихся складов и заканчивается на этом же складе.

Задача маршрутизации с возможностью возврата товаров (VRPPD) расширяет классическую задачу маршрутизации тем, что требуется доставка товаров назад от потребителей в депо. Исходя из условия возможности возврата товаров, необходима проверка того, что товары, которые вернет потребитель, не превысят вместимость машины. Это ограничение делает планирование задачи более сложным и может привести к непроизводительному использованию вместимости транспорта, увеличению общего пути и количества единиц транспорта в депо.

Маршрутизация со случайными данными (SVRP). В данной разновидности VRP один или несколько компонентов задачи могут иметь случайное поведение, например, клиенты, запросы клиентов, время поездки. Задача маршрутизации со случайными данными состоит в нахождении маршрута с минимальной общей стоимостью (временем) и минимальным количеством транспорта при определенных ограничениях: когда некоторые данные неизвестны, становится невозможным выполнение всех ограниче-

ний для всех случайных переменных. Таким образом, возможно выполнение некоторых условий с заданной вероятностью либо построение корректирующей модели, выполняющейся при нарушении каких-либо ограничений.

Методы решения задач маршрутизации транспорта

Точные методы. К точным методам решения VRP относятся метод ветвей и границ, метод Гомори последовательных отсечений.

Метод ветвей и границ был впервые предложен Э. Лэнд и А. Дойг в 1960 г. для решения задач целочисленного программирования. Метод ветвей и границ – общий алгоритмический метод для нахождения оптимальных решений задач оптимизации. Он является вариацией полного перебора с отсеком подмножеств допустимых решений, заведомо не содержащих оптимальных решений, с возвращением. Отсев производится при сравнении стоимостей частичных решений [5; 6].

Основной принцип метода может быть рассмотрен на примере нахождения минимума и максимума функции $f(x)$ на множестве допустимых значений x . Функции f и x могут быть произвольной природы. Содержание *метода ветвей и границ* представляет собой две процедуры: ветвление и нахождение оценок (границ).

Ветвление заключается в разбиении на подобласти меньших размеров области допустимых решений. Процедуру можно рекурсивно применять к подобластям. Образованные подобласти образуют дерево, называемое деревом поиска или деревом ветвления. Узлами этого дерева являются построенные подобласти.

Процедура нахождения оценок заключается в поиске верхних и нижних границ для оптимального значения на подобласти допустимых решений. Для задачи минимизации: если нижняя граница для подобласти A дерева поиска больше, чем верхняя граница какой-либо ранее просмотренной подобласти B , то A может быть исключена из дальнейшего рассмотрения (правило отсева). Если нижняя граница для узла дерева совпадает с верхней границей, то это значение является минимумом функции и достигается на соответствующей подобласти.

Метод отсечений был разработан в конце 1950-х годов Гомори для решения целочисленных линейных программ с помощью симплекс-метода. Метод отсечений Гомори позволяет получать целочисленные решения задач линейного программирования.

Точными методами для транспортной задачи с временными рамками занимались Голдэн и Ассад (1986), Десрочерс (1988), Соломон (1996), Кордуа (2001), Ларсен (1999), Кук и Рич (1999). Болдэччи и др. (2004) был описан метод ветвей с отсечением для CVRP. Один из лучших алгоритмов метода ветвей и границ для CVRP был разработан Лисгардом (2004) [8].

Для решения различных видов VRP разработано много точных алгоритмов, таких как генерация областей, программирование целого числа, отсечение, описанное Чжином и др. (2008), Руссо и др. (2007) и Ральфсом (2003).

Самые крупные задачи, которые могут последовательно решаться точными методами большинством эффективных точных методов, предлагаемых до сих пор, содержат до 135 клиентов, тогда как задачи с большей размерностью могут быть решены только в специфических случаях. Поэтому практические задачи с более чем сотня клиентов решаются эвристическими и метаэвристическими алгоритмами.

Эвристические методы

1. Эвристические методы построения маршрута (route construction heuristics). Использование этих методов подразумевает получение маршрута низкого качества, который может быть использован в качестве начального, опорного решения. Конструирование маршрута происходит пошагово с помощью добавления новых клиентов в теку-

щий маршрут. Для выбора следующего клиента выбирается определенный критерий (критерием может быть расстояние) [4]. При добавлении в маршрут новых клиентов проверяются ограничения задачи и, если больше нет подходящих клиентов для добавления в маршрут, начинается новый маршрут. Алгоритм завершается, если все клиенты включены в маршруты.

К эвристическим методам построения маршрута относятся метод сбережений Кларка–Райта (Savings, 1964), метод, основанный на совпадениях (Matching Based), метод эвристики улучшения многих маршрутов (Multi-route Improvement Heuristics), метод Соломона (1987), метод параллельного построения маршрута (1993) [4]. Данные об эвристических методах построения маршрута представлены в работах Ната и Хофера (1968), Мэдсена (1976), Соломона (1986–1987), Потвина и Руссо (1993), Брамеля и Симчи-Леви (1996), Далэрта и Брэйзи (2003).

Алгоритм Кларка–Райта (Clarke and Wright) – это один из самых известных алгоритмов для решения задач маршрутизации транспорта, который был разработан британскими учеными Г. Кларком и Дж.В. Райтом (1964) [8]. Его идея основана на процессе слияния мелких маршрутов в более крупные, проводимого до тех пор, пока есть возможность уменьшить суммарную стоимость объезда. Этот алгоритм использует понятие «сбережения» (saving), чтобы оценить операции слияния между маршрутами. Сбережение – это снижение общей стоимости решения, получаемое при объединении двух маршрутов.

Алгоритм Моля–Джеймсона (Mole and Jameson) может применяться для задач с неопределённым заранее количеством транспортных средств. Он использует при расширении маршрута два параметра λ и μ при вычислении стоимости возможной вставки.

Кристофидес, Мингоззи и Токс (Christofides, Mingozzi and Toth) разработали более глубокий последовательный алгоритм вставки [9]. Он также применяется для случаев с неопределённым заранее числом транспортных средств. Это двухфазовый эвристический метод, которым также можно управлять при помощи двух параметров λ и μ .

2. Эвристические методы улучшения маршрута (solution improvement methods), основаны на методе локального поиска. Эти методы применяются при наличии какого-либо опорного решения. Суть метода заключается в сравнении опорного решения с модифицированным. Если модифицированное решение лучше опорного, то это решение становится опорным. Для получения модифицированного решения часто используется прием перестановки дуг между маршрутами или внутри маршрутов. Работа алгоритма прекращается при нахождении оптимального решения, которое не может быть улучшено дальнейшими перестановками [3].

К методам получения модифицированного решения относятся М-туристический подход Рассела (1977); метод, ориентированный на ближайшего соседа, и три различных алгоритма вставки (Вэйкер и Шэффер, 1986); эвристика В-критерия, основанная на методе Кларка–Райта, (Ван Лэндегем, 1988); метод перестановки дуг, названный λ -перестановками (λ -interchange) (Осман, 1989); эвристика обмена Потвина и Россуа (1995); метод получения модифицированного решения Проссеры и Шоу (1996), Бэкера (1997), Томпсона и Псарафтиса (1993); параллельный строительный подход (Энтес и Дирайгс, 1995); LNS-метод (Шоу, 1997); детерминированная эвристика Кордоне и Вольфлер-Калво (1998); эвристики для больших направлений (Кажуа и Лабурте, 1999); двухфазовый эвристический алгоритм Гонга и Парка (1999); эвристики локального поиска Брэйзи (2001); эвристики, которые могут эффективно работать с различными типами связей, (Компбел и Сэвельсберг, 2004–2005).

Выделяются двухфазные алгоритмы, когда задача разбивается на две части: группировку вершин для каждого будущего маршрута (алгоритм заметания [10], алгоритм Фишера и алгоритм Джекумара [11], Брамеля–Симчи-Леви [12], алгоритм лепест-

ков [13]) и решение задачи маршрутизации для каждой полученной группы: Fisher and Jaikumar (1981), The Petal Algorithm, The Sweep Algorithm, Taillard (1993).

Метаэвристические методы

В метаэвристических методах упор делается на тщательное изучение наиболее перспективных частей пространства решений. Качество получаемых решений оказывается выше, чем у решений, полученных классическими эвристиками.

К данным методам относятся: метод моделирования отжига (simulated annealing) (Чех и Жарнас, 2002; Ли и Лим, 2003), метод поиска с запретами (tabu search) (Чанг и Рассел, 1997; Го и Голанд, 2004; Потвин, Кервахат, Гарсия и Россуа, 1996; Тэйлорд, Бадуа, Жандро, Жартин и Потвин, 1997), муравьиный алгоритм (antcolony optimization) (Гамбарделла, Тэйлорд и Агацци, 1999; Гонг, Лиу, Жанг и Фу, 2007), генетические и эволюционные алгоритмы (Элварэнжа, Матуа и Томи, 2007; Бергер и Варкою, 2004; Брэйзи и Жандро, 2001; Чен, Ли и Ке, 2001; Сенг и Ванг, 2009; Потвин и Бенджио, 1996; Тэн, Ли и Ою, 2001; Тинг и Гуанг, 2004) [3]. Среди последних подходов выделяют алгоритмы локального поиска (Брэйзи, 2004), двухступенчатого гибридного локального поиска (Бэнт, 2004) [14], гибридного генетического алгоритма (Брэйзи, 2003) [15], реактивного поиска окрестности переменной [16], двухфазный гибридный метаэвристический алгоритм (Гомберг, 2005) [17].

Метаэвристические методы: поиск с запретами, моделируемый отжиг и детерминированный отжиг – начинают работу с некоторого начального решения x_1 , на каждой итерации t выполняют переход от решения x_t к решению x_{t+1} , находящимся в окрестности $N(x_t)$ решения x_t , до тех пор, пока не будет выполнено некоторое условие остановки вычислений. Если $f(x)$ обозначает стоимость решения x , то $f(x_{t+1})$ в метаэвристиках не обязательно меньше $f(x_t)$ [18]. Это является ключевым отличием метаэвристик от классических эвристик, применяемых для решения задач маршрутизации.

Поиск с запретами является алгоритмом, который ведет местный поиск с запретом возврата к предыдущим решениям. Для любой реализации поиска с запретами требуется определить следующее: запрещающую стратегию, которая задаёт, что именно помещается в список исключений; освобождающую стратегию, которая задаёт, что должно удаляться из списка исключений; стратегию, объединяющую поведение двух предыдущих пунктов, включая механизм определения направления поиска и правило выбора следующего решения на основе стратегии «наилучший подходящий» или «первый подходящий»; критерий остановки.

В методе моделирования отжига используется понятие «окрестности решений». В окрестность входят все решения, которые могут быть получены путём выполнения фиксированного количества элементарных преобразований из текущего решения. Набор преобразований в каждом варианте алгоритма различен и описывается отдельно.

В работе Робасте [20] представлены два ранних алгоритма моделируемого отжига для решения задачи маршрутизации. В первом варианте авторы определяли понятие окрестности решений путём сочетания нескольких преобразований: разворот части маршрута, перемещение части маршрута на другое место того же маршрута, обмен вершинами между маршрутами. В другом варианте для построения начального решения используется двухфазовый алгоритм с предшествованием решения перед кластеризацией и использованием улучшающего метода.

Детерминированный отжиг (Deterministic Annealing) работает таким же образом, как и моделируемый, за исключением того, что для принятия решения о следующем шаге используется явно детерминированный механизм. Известны два подхода детерминированного отжига:

1. Пороговое принятие (Threshold accepting) [20].

2. Ход от рекорда к рекорду (Record to record travel) [21].

Генетические алгоритмы решения задач оптимизации впервые были предложены Джоном Холландом (1975). Они основаны на идеях наследственности в биологических популяциях [22]. Генетические алгоритмы для решения задач маршрутизации применяли Потвин и др. (1996), для VRP со многими депо – Салха и др. (1998), для задачи маршрутизации школьного автобуса – Тангай и Нигард (1992). Генетический алгоритм проверяет на каждом шаге популяцию решений. В нём каждая новая популяция наследуется от предшествующей путём комбинирования её наилучших решений и удаления неудачных.

Муравьиные алгоритмы – это вероятностная жадная эвристика, где вероятности устанавливаются исходя из информации о качестве решения, полученной из предыдущих решений [23–26]. Суть муравьиного алгоритма – моделирование поведения муравьёв, основанного на их способности быстро находить кратчайший путь от муравейника к источнику пищи и адаптироваться к изменяющимся условиям, находя новый кратчайший путь.

Нейронные сети (Neural networks) – это вычислительная модель, состоящая из элементов, сильно связанных множеством соединений, которые напоминают нейроны в головном мозге. Для каждого соединения назначается весовой коэффициент. От одного элемента может быть послан сигнал другому, который передаётся через соответствующее соединение с учётом весового коэффициента. Начало применения нейронных сетей для решения комбинаторных задач положила работа Хопфилда (1985) [27]. Применение нейронных сетей для решения задач коммивояжера стало предметом многих исследований, таких как метод эластичных сетей (Elastic Net) [28] и метод самоорганизующейся карты (Self-Organizing Map) [29]. Адаптированные методы достаточно далеки от классических подходов к построению нейронных сетей, но давали результаты лучше, чем попытки применить нейронные сети в их чистом виде. Однако эти методы уступают другим метаэвристическим алгоритмам.

Заключение

Одной из ключевых функций в области транспортной логистики является возможность расчёта и построения оптимальных, с точки зрения стоимости, маршрутов на транспортной сети. Такая проблема наиболее часто встречается среди компаний, выполняющих развозку товара с некоторого склада до точек потребления или розничной торговли. Математическая формулировка этой задачи широко известна как задача маршрутизации транспорта (VRP).

Задачи маршрутизации транспорта имеют несколько классов в зависимости от ограничений: классическая задача маршрутизации транспорта – VRP; VRP с временными окнами (окна могут быть мягкими и жесткими) – VRPTW; VRP с ограничением по грузоподъемности – CVRP; VRP с несколькими депо – MDVRP; VRP, где клиенты могут возвращать некоторые товары в депо, – VRPPD; VRP, аналогично предыдущей задаче, но возврат начинается только после доставки всех товаров из депо, – VRPB; VRP, где каждый клиент может обслуживаться одновременно несколькими машинами, – SDVRP; VRP, где доставка может осуществляться в течение нескольких дней, – PVRP; VRP, где некоторые компоненты имеют случайный характер, – SVRP; VRP, где существует возможность дозагрузки автомобиля на маршруте, – VRPSF.

Для решения этих классов задач существует три вида методов: точные методы, эвристические методы и метаэвристические методы.

Точные методы решения VRP не применяются на практике из-за чрезмерно большого времени вычислений. Эвристические методы – конструктивные алгоритмы, двухфазные алгоритмы, улучшающие алгоритмы. К метаэвристическим относят поиск

с запретом, моделируемый и детерминированный отжиг, генетический алгоритм, муравьиный алгоритм, нейронные сети.

В настоящее время такие алгоритмы, как генетический алгоритм, колонии муравьев и нейронные сети, представляют основные интересы многих исследователей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Dantzig, G.B. The Truck Dispatching Problem. *Management Science* 6 / G.B. Dantzig, R.H. Ramser. – 1959. – P. 80–91.
2. Wolfram Research. Гамильтонов путь. [Электронный ресурс]. – 1993. – Режим доступа: <http://mathworld.wolfram.com/HamiltonianPath>. – Дата доступа: 15.04.2011.
3. The VRP with Time Windows. Chapter 7 / J.-F. Cordeau [et al.]. Paolo Toth and Daniel Vigo (eds), SIAM, Monographs on Discrete Mathematics and Applications. – 2001.
4. Tobias, Babb. Pickup and Delivery Problem with Time Windows, Coordinated Transportation Systems: The State of the Art. Department of Computer Science University of Central Florida Orlando / Tobias Babb. – Florida, 2005.
5. Рейнгольд, Э. Комбинаторные алгоритмы. Теория и практика. / Э. Рейнгольд, Ю. Нивергельт, Н. Део ; пер. с англ. Е.П. Липатова. – М. : Мир, 1980. – 476 с.
6. Blasum, U. Application of the Branch and cut method to the Vehicle Routing Problem [Электронный ресурс]. – 2000. – Режим доступа: <http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.9.9887&rep=rep1&type=pdf>. – Дата доступа: 4.05.2011.
7. Lygaard, J. A new branch-and-cut algorithm for the capacitated vehicle routing problem. *Mathematical Programming, Ser. A* 100:423–445 / Jens Lygaard, Adam N. Letchford, and Richard W. Eglese, 2004.
8. Clarke, G. Scheduling of vehicles from a central depot to a number of delivery points / G. Clarke, J.W. Wright // *Journal of Operations Research Society*. – 1964. – Vol. 12, № 4. – P. 568–581.
9. Christofides, N. The vehicle routing problem / N. Christofides, A. Mingozzi, P. Toth // *Combinatorial Optimization*. – Wiley, Chichester, 1979. – P. 315–338.
10. Laporte. G. Classical heuristics for the capacitated VRP / Gilbert Laporte and Frédéric Semet // *The Vehicle Routing Problem* Paulo Toth and Daniele Vigo (editors). Vol. 9 of SIAM Monographs on Discrete Mathematics and Applications, chapter 5. – SIAM. – Philadelphia, 2002. – P 109–128.
11. Gillett, B.E. A heuristic algorithm for the vehicle dispatch problem / B.E. Gillett, L.R. Miller // *Operations Research*. – 1974. – № 22. – P. 340–349.
12. Fisher, M.L. A generalized assignment heuristic for vehicle routing / M.L. Fisher, R. Jaikumar // *Networks*. – 1981. – № 11. – P. 109–124.
13. Bramel, J.B. A location based heuristic for general routing problems / J.B. Bramel, D. Simchi-Levi // *Operations Research*. – 1995. – № 43. – P. 649–660.
14. Renaud, J. An improved petal heuristic for the vehicle routing problem / J. Renaud, F. F. Bostor, G. Laporte // *Journal of Operational Research Society*. – 1996. – № 47. – P. 329–336.
15. Bent, R. A two-stage hybrid local search for the vehicle routing problem with time windows, *Transportation Sci.* 38 / R. Bent, P. Van Hentenryck. – 2004. – P. 515–530.
16. Berger, J. A route-directed hybrid genetic approach for the vehicle routing problem with time windows / J. Berger, M. Barkaoui, O. Bräysy. – 2003. – P. 179–194.
17. Bräysy, O. A reactive variable neighborhood search for the vehicle routing problem with time windows, *INFORMS J. Comput.* 15 / O. Bräysy. – 2003. – P. 347–368.

18. Homberger, J. A two-phase hybrid metaheuristic for the vehicle routing problem with time windows, *European J. Oper. Res.* 162 / J. Homberger, H. Gehring. – 2005. – P. 220–238.
19. Gendreau, M. Metaheuristics for the vehicle routing problem / M. Gendreau, G. Laporte, J.-Y. Potvin // *Technical Report CRT-963, Centre de Recherche sur les Transports.* – Universit de Montral, jan. 1994.
20. Robuste, F. Implementing vehicle routing models/ F. Robuste, C.F. Daganzo, R. Souleyrette II // *Transportation Research*, 24B. – 1990. – P. 263–286.
21. Dueck, G. Threshold accepting: A general purpose optimization algorithm / G. Dueck, T. Scheurer // *Journal of Computational Physics.* – 1990. – № 90. – P. 161–175.
22. Dueck, G. New optimization heuristics: The great deluge algorithm and the record-to-record travel // *Journal of Computational Physics.* – 1993. – № 104. – P. 86–92.
23. Макконелл, Дж. Основы современных алгоритмов: учеб. пособие / Дж. Макконелл; пер. с англ. С.К. Ландо. – М. : Техносфера, 2004. — 368 с.
24. Kawamura, H. Cooperative search on pheromone communication for vehicle routing problems / H. Kawamura [et al.] // *IEEE Transactions on Fundamentals*, E81-A. – 1998. – P. 1089– 1096.
25. Bullnheimer, B. Applying the ant system to the vehicle routing problem / B. Bullnheimer, R.F. Hartl, C. Strauss // *Meta-Heuristics: Advances and Trends in Local Search Paradigms for Optimization* / S. Vofi, S. Martello, I.H. Osman and C. Roucairol (editors). – Kluwer. – Boston, 1998. – P. 109–120.
26. Bullnheimer, B. An improved ant system for the vehicle routing problem / B. Bullnheimer, R.F. Hartl, C. Strauss // *Annals of Operations Research*, 1998.
27. Hopfield, J.J. Neural computation of decisions in optimization problems / J.J. Hopfield, D.W. Tank // *Biological Cybernetics.* – 1985. – № 52. – P. 141–152.
28. Durbin, R. An analogue approach to the travelling salesman problem using an elastic net method / R. Durbin, D. Willshaw // *Nature.* – 1987. – № 326. – P. 689–691.
29. Kohonen, T. *Self-Organization and Associative Memory* / T. Kohonen. – Berlin : Springer, 1988.

Dmitrakhova O.V. Vehicle Routing Problem in Chains of Deliveries

In the article statement of Vehicle Routing Problem is given, are considered various kinds of VRP, the review and the analysis of methods of their decision is spent. VRP are rather actual as they arise in planning of logistical chains of deliveries. Depending on restrictions there are following types of VRPs: VRP with time windows – VRPTW; Capacitated VRP – CVRP; multi-depot VRP – MDVRP; VRP with Pick-Up and Delivery – VRPPD; VRP with Backhauls – VRPB; Split Delivery VRP – SDVRP; Periodic VRP – PVRP; Stochastic VRP – SVRP; VRP with Satellite Facilities – VRPSF. For each type of VRPs there are approaches to the decision: exact methods; heuristic methods and metaheuristics.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 04.07.2011

УДК 331.101.262: 330.322

О.В. Басова

СОЦИАЛЬНОЕ ИНВЕСТИРОВАНИЕ КАК ВЫСШАЯ ФОРМА СОЦИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ БИЗНЕСА В СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИКЕ

В статье рассмотрено понятие «инвестиции», «социальные инвестиции». Представлена классификация социальных инвестиций. Социальные инвестиции рассматриваются как форма реализации корпоративной социальной ответственности бизнеса.

Введение

Исследование процессов социального инвестирования занимает важное место в экономической науке и социально-экономической практике. Особенно это необходимо для современного белорусского общества, стоящего перед решением двух стратегических задач: построения социально-ориентированной рыночной экономики и перехода от индустриального к постиндустриальному, преимущественно инновационному пути развития. Социальные инвестиции являются одной из действенных форм реализации корпоративной социальной ответственности бизнеса.

Под инвестициями как таковыми однозначно понимаются капитальные вложения с целью получения прибыли, приобретения влияния и т.д. Социальное инвестирование – инвестиционная деятельность, направленная на решение социальных проблем, т.е. непосредственно на человека, рассматриваемого, с одной стороны, в качестве ресурса экономического роста (инвестиции в человеческий капитал), и с другой – в качестве цели экономического развития общественной системы любого уровня.

Приоритетными направлениями социально-экономического развития Республики Беларусь в 2011–2015 годах являются развитие человеческого потенциала, включая повышение уровня благосостояния, рост рождаемости, увеличение продолжительности жизни, укрепление здоровья граждан и повышение качества образования [1, с. 15]. Основа гармоничного развития белорусского государства – баланс между экономической эффективностью и социальной справедливостью. И именно социальные инвестиции выступают в качестве наиболее логичной и естественной формы реализации ответственности власти и бизнеса перед обществом.

Новая парадигма социальной ответственности включает следующие элементы:

1. Корпоративное гражданство, предполагающее взаимную ответственность бизнеса и власти перед обществом, а также учет интересов предпринимателей не только в экономической, но и в социальной сфере. Создание взаимовыгодных механизмов социальных инвестиций бизнеса в общество становится важным элементом переговорной стратегии бизнеса и власти.

2. Социальные инвестиции, расширяющие понятие социальной ответственности бизнеса. Переход от благотворительности к фокусированным социальным инвестициям компаний на национальном и региональном уровнях, направленным на решение самых актуальных для страны проблем в сфере занятости, образования, жилья, безопасности, охраны здоровья и среды обитания.

Научный руководитель – В.Л. Ключня, доктор экономических наук, профессор, проректор Белорусского государственного университета

3. Социальное партнерство – пересмотр сфер ответственности бизнеса, власти и общества в решении общественно-значимых вопросов, искоренение социального иждивенчества.

Одной из основных форм проявления социальной ответственности бизнеса являются социальные инвестиции. Социальные инвестиции проявляются в финансовой форме или форме иной ресурсной помощи, оказываемой организациями в ходе реализации долгосрочных и, как правило, совместных партнерских программ, направленных на снижение социального напряжения в регионах присутствия организации и повышения уровня жизни различных слоев местного сообщества. Кроме того, к социальным инвестициям можно отнести участие компании в профессиональных ассоциациях и бизнес-объединениях, которые содействуют развитию бизнеса. Основными способами и методами финансирования компаниями социальных программ являются гранты, спонсорство, добровольное участие сотрудников, членские взносы и др.

Дело бизнеса не благотворительность как филантропия и альтруизм, а рационально выстроенные, оптимизирующие условия развития самого бизнеса, социальные инвестиции и социальное партнерство [2, с. 38].

Все множество социальных инвестиций по объекту инвестирования можно разделить на четыре основных подтипа: инвестиции в социальную сферу, производственные инвестиции социальной направленности, инвестиции в ноо- и креатосферу, инвестиции в человеческий капитал.

По целям, на которые направлен проект, социальные инвестиции можно классифицировать на подклассы:

1) социальные инвестиции, призванные обеспечить социальную безопасность и стабильность общества;

2) реновационные социальные инвестиции (инвестиции «нулевого уровня»), осуществляемые с целью поддержания существующего и стабильного уровня производства и предоставления социальных товаров и услуг;

3) «автономные» социальные инвестиции, которые осуществляются предприятиями с целью повышения эффективности производства и предоставления социальных товаров и услуг;

4) экстенсивные социальные инвестиции, направленные на распространение существующих социальных технологий и удовлетворение потребностей социального характера;

5) инновационные социальные инвестиции, осуществляемые с целью приобретения и внедрения новых или принципиально новых социальных технологий, продуктов или услуг (этот вид инвестиций приводит к изменению сущности социальной системы и настроен на прорыв в какой-либо сфере).

По конечному ожидаемому эффекту (результату) от реализации социальных инвестиций можно выделить следующие подвиды инвестиций:

1) инвестиции с непосредственным (прямым) социальным эффектом – инвестиции с эффектами, проявляющимися через определенный промежуток времени;

2) инвестиции с рассеянным социальным эффектом – инвестиции, эффект от реализации которых не может быть определен непосредственно по истечении проектного времени, но способен оказать долговременные внешние эффекты в будущем;

3) инвестиции с косвенным социальным эффектом – инвестиции, вызывающие мультипликативные изменения в социальной системе;

4) инвестиции с опосредованным социальным эффектом – инвестиции в одну из сфер социальной системы, которые сначала вызывают изменения в другой сфере и только потом возвращаются в инвестируемую сферу в виде положительных внешних эффектов (инвестиции в человеческий капитал).

Таким образом, эффективность социальных инвестиций состоит в их способности провоцировать внешние эффекты, ценность которых превышает первоначальные затраты. В некотором аспекте, социальные инвестиции бизнес-организаций могут трактоваться как инвестиции в человеческий капитал. В ряде работ, посвященных человеческому капиталу, он определяется в качестве особого вида капиталовложений, совокупности затрат на развитие производственного потенциала человека, повышение качества и улучшение функционирования рабочей силы. В состав объектов человеческого капитала обычно включают знания общеобразовательного и специального характера, навыки, накопленный опыт и т.п.

Социальное инвестирование в постиндустриальной системе мирового хозяйства развивается на принципиально новом уровне производительных сил и не является окончательной формой проявления социальной ответственности бизнеса. Экономическое содержание социального инвестирования определяется как способ и форма функционирования социально ответственного бизнеса при решении совместно с государственными структурами задач сохранения прав собственности всех субъектов хозяйствования и обеспечения устойчивого развития и стабильности дохода общества. Социальные инвестиции – это вложения в сферы общественного воспроизводства, связанные с развитием человеческого капитала и обеспечивающие возможность создания и реализации новой добавленной стоимости. Инвестиции в человеческий капитал являются фактором формирования потенциала устойчивого и динамичного экономического роста и средством достижения поставленных целей в интеллигентализации человеческого капитала. Осуществление социальных инвестиций означает необходимость аккумулировать доход для решения проблем, нацеленных на развитие человеческого интеллектуального капитала. С другой стороны, это означает вкладывать средства в те сферы общественного воспроизводства, которые связаны с наращиванием нематериального потенциала и обеспечивают возможность создания и реализации новой добавленной стоимости.

Социальное инвестирование обеспечивает устойчивое экономическое развитие и рассматривается как способ сохранения жизнеспособности бизнеса с точки зрения его эффективного воздействия на экономическое и социальное развитие общественного воспроизводства. Социальные инвестиции предполагают установление партнерских отношений для совместной разработки и реализации социальных программ на всех уровнях субъектов хозяйствования. Социальное инвестирование несет определенные выходы для всех экономических агентов: государства, бизнес-структур и населения.

Общие представления о сущности и содержании социального инвестирования осуществлялись в рамках теории рыночного хозяйства, общественного богатства, социального капитала, социальной ответственности. Каждая из этих теорий внесла свой вклад в осознание сущности, роли и значения социального инвестирования для развития общества и обеспечения благоприятного социального окружения, а значит, и прибылей в будущем.

А. Смит подчеркивал тот факт, что успех людей зависит от расположения к ним, от степени их поддержки друг другом. Хозяйственный субъект не может полагаться лишь на извлечение выгоды, он должен учитывать отношение к себе других субъектов.

На формирование концепции социального инвестирования большое влияние оказали положения теории социального капитала. Современные подходы, используемые в институциональной теории, подчеркивают важность и значимость для осуществления эффективных взаимосвязей использования признаваемых субъектами хозяйственных взаимодействий норм, правил, обычаев, традиций.

С позиций теории общественного богатства, социальное инвестирование обеспечивает множество возможностей Парето-улучшений, когда полезность, по крайней

мере, для одного индивида увеличится, а для других не уменьшится. Новые ресурсы удовлетворения потребностей людей, возникающие в результате социальных инвестиций, расширяют возможности роста благосостояния всего общества, хотя и не в состоянии повысить степень справедливого распределения богатства. Другими словами, социальные инвестиции как приносят прибыль бизнесу, который осуществляет свою деятельность по критерию максимизации полезности, так и обеспечивают удовлетворение потребностей населения, пользующегося новыми благами: бассейном, парком, развлекательным центром и т.п.

Теория социальной ответственности бизнеса основывается на признании взаимозависимости общества и корпорации. Понимание того обстоятельства, что жизнь корпорации протекает в окружении человеческого и природного мира, обуславливает и поиск путей воздействия на этот мир через реализацию социальных инвестиций. Корпорации принимают на себя широкие социальные обязательства в форме осуществления социальных инвестиций в человеческий капитал, в социальную инфраструктуру, в сохранение окружающей среды и др. Социальное инвестирование предполагает совместную работу коммерческого, некоммерческого и государственного секторов для решения актуальных социально-экономических проблем местных сообществ. Такая работа должна обеспечить приращение социального капитала в бизнес-окружении, понимаемого как повышение качества социальных коммуникаций, степени доверия между людьми, социальной солидарности, стремления к совместной работе на общее благо.

Социальное инвестирование, развивая инфраструктуру, улучшая окружающую среду, создавая возможности для роста и развития, тем самым проявляет свою экономическую природу. Осуществление социальных инвестиций связано с укреплением репутации и имиджа предприятия в рамках делового сообщества и общества в целом, так как социально ответственная практика ведения бизнеса приводит к развитию связей с местным сообществом, укреплению отношений с клиентами, улучшению финансовых показателей и отношений с местными органами власти, получению конкурентных преимуществ в связи с выходом на новые рынки и новые источники рабочей силы, дополнительным возможностям для продвижения товаров, PR и рекламы, привлечению новых партнеров. Внутренние предпочтения осуществления социальных инвестиций включают такие элементы, как развитие персонала, охрана здоровья, безопасные условия труда, социально-ответственная реструктуризация. Реализация внутренних предпочтений осуществляется через институт социального партнерства.

Для осуществления эффективного социального инвестирования необходимо наличие ряда условий: достаточный воспроизводственный потенциал предприятия, существование экономических субъектов, способных обеспечить инвестиционный процесс в необходимых масштабах, механизм трансформации инвестиционных ресурсов в объекты инвестиционной деятельности.

Механизм реализации инвестиций в социальную сферу направляет хозяйственные взаимодействия его субъектов на укрепление взаимозависимости общества и предприятий, принимающих на себя широкие социальные обязательства. Главной целью механизма реализации инвестиций в социальную сферу является согласование интересов и ценностей всех участников инвестиционного процесса, направленное на получение социального эффекта. Особенностью такого механизма является использование в качестве основных инструментов социальных программ и социальных инвестиционных проектов, от оптимальной реализации которых зависит получаемый местным сообществом социальный эффект.

Основными направлениями совершенствования механизма реализации инвестиций в социальную сферу являются:

- 1) совершенствование правовых методов на основе принятия закона по регулированию социально ориентированной инвестиционной деятельности;
- 2) разработка положения о социальном инвестировании в Республике Беларусь, в котором законодательно были бы закреплены основные категории и понятия, формы и методы социального инвестирования [3, с. 23];
- 3) разработка программ социальных мероприятий и методик оценки социальной эффективности предлагаемых инвестиционных проектов;
- 4) развитие институтов социального предпринимательства и социально ответственного бизнеса;
- 5) снижение ставки налога на прибыль для организаций, осуществляющих социальные инвестиции, и для банков, выдающих кредиты на эти цели;
- 6) развитие государственно-частного партнерства в формах совместной реализации социальных инвестиционных проектов, государственных заказов коммерческим организациям в рамках государственных программ социально-экономического развития.

На наш взгляд, все эти меры позволят значительно повысить эффективность управления социальным инвестированием.

Переход к социальным инвестициям означает необходимость координации усилий государства, бизнеса и общества в сферах занятости, сокращения бедности, образования, безопасности, охраны здоровья, с одной стороны, а с другой стороны – это защита собственности, эффективные законы для всех участников экономической деятельности, защита интересов бизнеса. Необходимость создания взаимовыгодных механизмов социальных инвестиций бизнеса в общество является важным элементом переговорной стратегии государства и бизнес-сообщества.

Заклучение

Таким образом, успешная реализация стратегической задачи социально-экономического развития – повышение уровня и качества жизни населения – возможна в результате активизации социальных инвестиций, которые обеспечивают увеличение и повышение степени доступности общественных благ за счет увеличения их производства усилиями государственных, некоммерческих и частных субъектов хозяйствования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Программа социально-экономического развития Республики Беларусь на 2011–2015 гг. / Совет Министров Респ. Беларусь. – Минск : Беларусь, 2011. – 130 с.
2. Тульчинский, Г. PR: культура деловых коммуникаций. Как это делать в России. Корпоративная социальная ответственность «Социальные инвестиции, партнерство и коммуникации» / Г. Тульчинский. – СПб : «Справочники Петербурга», 2006. – 104 с.
3. Ветрова, Н. Социальное инвестирование и его эффективность / Н. Ветрова // Финансы, учет, аудит. – 2010. – № 5. – С. 20–24.

Basova O.V. Social Investment as a Higher Form of Social Responsibility of Business in the Modern Economy

In the article the concept of «investment», «social investments» is considered. The classification of social investments is represented. Social investment as a form of realization of corporate social responsibility is considered.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 12.09.2011

УДК 343.431

Е.А. Коротич

ОБ ОПТИМИЗАЦИИ КОНСТРУКЦИИ НОРМЫ, ПРЕДУСМАТРИВАЮЩЕЙ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РАБСКОГО ТРУДА (СТ. 181-1 УК)

В настоящей статье на основе теоретико-правового исследования проблемы уголовно-правовой охраны личной свободы человека определены основные причины появления в уголовном законе Республики Беларусь ст. 181-1, предусматривающей ответственность за использование рабского труда. Логико-грамматическое толкование нормы ч. 1 ст. 181-1 УК позволило выявить как достоинства принятого законодательного решения в части описания признаков основного состава указанного преступления, так и недостатки законодательного регулирования в данной области. В результате проведенного исследования автором сформулированы рекомендации относительно устранения отмеченных недостатков нормы ч. 1 ст. 181-1 УК и предложены направления оптимизации законодательного определения рассмотренного преступления (как относительно формального обозначения, так и содержательной характеристики признаков его состава).

Введение

На основании Закона Республики Беларусь от 10 ноября 2008 г. № 451–3 «О внесении дополнений и изменений в некоторые законы Республики Беларусь по вопросам противодействия нелегальной миграции, распространению рабского труда, детской порнографии и проституции» гл. 22 Уголовного кодекса (далее – УК) была дополнена ст. 181-1 «Использование рабского труда». Появление в отечественном уголовном законодательстве нормы, предусматривающей ответственность за указанную форму эксплуатации человека, с нашей точки зрения, обусловлено рядом обстоятельств, среди которых следует особо подчеркнуть реализацию на внутригосударственном уровне принятых Республикой Беларусь международных обязательств в области борьбы с торговлей людьми, рабством, эксплуатацией человека.

Следует отметить, что проблема создания надлежащих правовых оснований для противодействия рабству, эксплуатации человека находится в центре внимания международного сообщества достаточно давно: по словам специалистов в сфере международного права, именно рабство стало «первой проблемой в области прав человека, вызвавшей серьезную международную обеспокоенность» [8, с. 27]. Несмотря на предпринимаемые государствами усилия для искоренения указанного явления, в мире, по оценкам экспертов, насчитывается более 200 млн. человек, оказавшихся в состоянии рабства и подвергшихся той или иной форме эксплуатации [10, с. 22]. Безусловно, указанная цифра не является результатом строгого статистического обобщения, что объясняется и высоким уровнем латентности исследуемого явления, и множественностью субъектов такого обобщения, и, наконец, отсутствием в международном праве строгих критериев демаркации рабства и сопряженных с ним явлений. Тем не менее сообщения СМИ, а также результаты специальных исследований, проводимых как учеными, так и неправительственными организациями, определенно указывают на то, что число лиц, обращенных в рабство или подневольное состояние, подвергшихся различным формам эксплуатации, является достаточным для того, чтобы заключить о тенденции «архаизации и деградации трудовых и в целом всех общественных отношений» [12, с. 64].

Научный руководитель – В.В. Марчук, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права Белорусского государственного университета

Внутригосударственная реализация международных обязательств в сфере борьбы с эксплуатацией человека, включая использование рабского труда, является существенной, однако далеко не единственной причиной появления в УК Республики Беларусь нормы об ответственности за использование рабского труда. Подтверждением сказанному является, в частности, то обстоятельство, что Республика Беларусь еще до обретения суверенитета и независимости фактически являлась участницей международного сотрудничества и носителем соответствующих обязательств в исследуемой области, однако норма об ответственности за подобное деяние появилась в отечественном уголовном законе лишь в 2008 г.

С нашей точки зрения, данное обстоятельство не свидетельствует о запоздалом характере законодательного реагирования, а является, скорее, следствием отсутствия на определенном этапе общественно-политического развития нашего государства необходимых социальных оснований для криминализации такого рода посягательства на личную свободу человека.

И, наконец, появление в уголовном законе нормы об ответственности за использование рабского труда и иные формы эксплуатации человека, по нашему мнению, было продиктовано необходимостью придать уголовно-правовой борьбе с торговлей людьми, которая реализуется в рамках Государственной программы противодействия торговле людьми, нелегальной миграции и связанным с ними противоправным деяниям 2008–2010, 2011–2013 гг., характер формально-логической завершенности. Как показывает анализ материалов уголовных дел, обобщение данных СМИ, а также результатов доктринальных исследований, обращение человека в рабство или подневольное состояние с последующим незаконным использованием его труда или физиологических свойств организма, иная форма эксплуатации в большинстве случаев являются следствием и конечной целью совершения действий, связанных с торговлей людьми.

Говоря о качестве нормативного описания признаков состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 181-1 УК, нельзя не отметить определенную рациональность принятого законодательного подхода. Во-первых, структурное обособление нормы об ответственности за использование рабского труда в рамках отдельной статьи уголовного закона указывает на то, что законодатель разграничивает понятия «торговля людьми» (в том числе в целях их эксплуатации) и собственно «эксплуатация человека», смешение которых характерно для норм международного права, а также ряда доктринальных исследований [11, с. 157–158].

Во-вторых, в процессе имплементации норм международного уголовного права, запрещающих использование рабского труда и иные формы эксплуатации человека, белорусский законодатель не воспользовался российским опытом инкорпорации данных норм, а пошел по пути их модификации с учетом имеющихся уголовно-правовых запретов, специфики социальных оснований криминализации и принципов юридической техники национального уголовного закона. Как представляется, именно это обстоятельство позволило избежать тех недостатков, которые характерны для уголовно-правового запрета, предусмотренного нормой ст. 127² УК РФ, и которые стали предметом острой критики на страницах российской юридической печати, а также в рамках специальных диссертационных исследований [1, с. 4; 2, с. 17–18; 12, с. 65]. Не случайно, признавая практическую значимость конвенционного определения рабства и эксплуатации, специалисты в области международного права подчеркивают, что для «уголовного закона, это, мягко говоря, не очень четкая характеристика» [9, с. 107].

В-третьих, в УК Республики Беларусь (ч. 1 ст. 181-1) в отличие от ряда зарубежных государств (например, ст. 127² УК РФ или ст. 167 УК Республики Сан-Марино) уголовно-правовым запретом охватывается не только использование рабского труда, но и иные формы эксплуатации человека, что позволяет говорить о более высокой сте-

пени интегрированности международных стандартов в области охраны личной свободы человека в национальный правовой порядок.

И, в-четвертых, весьма рациональным представляется включение в диспозицию ч.1 ст. 181-1 УК негативного признака – указания на отсутствие в содеянном признаков преступления, предусмотренного ст. 181 УК Республики Беларусь. Учитывая международную составляющую нормы ст.181-1 УК и присущую международному праву значительную нечеткость в части содержательной характеристики таких явлений, как торговля людьми, эксплуатация, рабство, включение названного признака в определение рассматриваемого состава преступления является, по словам белорусского ученого В.В. Марчука, «важным условием применения статьи 181¹ УК» [7, с. 68].

Как было указано выше, норма об ответственности за использование рабского труда появилась в уголовном законе Республики Беларусь относительно недавно, что и объясняет отсутствие научно обоснованных данных о практике применения этой нормы и социальной эффективности предусмотренного ею уголовно-правового запрета. Несмотря на это обстоятельство, а также отмеченные нами достоинства законодательного подхода к криминализации использования рабского труда и иных форм эксплуатации человека, логико-грамматический и системный анализ нормативного определения признаков исследуемого состава преступления дает основание утверждать о наличии ряда недостатков как содержательного, так и технико-юридического характера. К числу таковых мы склонны относить следующие:

1. Формальное обозначение рассматриваемого преступления не в полной мере соответствует содержательной характеристике признаков объективной стороны его состава: несмотря на то, что в названии статьи достаточно четко определено функциональное назначение закрепленной в ней нормы – установление под угрозой уголовной ответственности запрета на использование рабского труда, т.е. одной из форм эксплуатации человека, – в диспозиции ч. 1 ст. 181-1 УК криминализации подвергнуты все формы ее проявления. Иными словами, вопреки законам формальной логики законодателем предпринята попытка определения целого посредством указания на признаки частного. С тем чтобы устранить отмеченное логическое несоответствие, представляется целесообразным сформулировать более широкое обозначение рассматриваемого преступления, учитывающее уголовно-правовой запрет всех форм эксплуатации человека (например, «эксплуатация человека» либо «незаконное принуждение к труду или иная форма эксплуатации» и т.д.), и отразить соответствующее изменение в названии указанной статьи.

2. Диспозиция нормы ч. 1 ст. 181-1 УК по характеру описания признаков объективной стороны состава преступления является ссылочной: устанавливая запрет на все формы эксплуатации человека, т.е. по сути запрещая эксплуатацию как таковую, законодатель адресует правоприменителя к положениям ч. 1 примечаний к ст. 181 УК. Однако, учитывая то обстоятельство, что рабство, формы эксплуатации человека в нормах уголовного закона, как, впрочем, и в иных актах белорусского законодательства, не конкретизируются, для определения признаков данных явлений необходимо обращение к соответствующим нормам международного права. Последнее обстоятельство, в свою очередь, дает основание говорить не только о ссылочном, но и бланкетном характере диспозиции ч. 1 ст. 181-1 УК. Как представляется, такая сложная по технике описания уголовно-правового запрета диспозиция ч. 1 ст. 181-1 УК существенно затрудняет понимание признаков объективной стороны рассматриваемого состава преступления, что чревато серьезными правоприменительными погрешностями. Причем данные погрешности могут стать следствием не только неготовности сотрудников правоохранительных органов работать с международными документами (учитывая то обстоятельство, что нормы международного уголовного пра-

ва не имеют характера самоисполнимых норм, такая работа, в принципе, не обязательна), но и недостатками международно-правового толкования сущности и содержания эксплуатации человека и составляющих ее элементов.

Подтверждением сказанному является, в частности, следующее. Согласно п. «а» ст. 3 Протокола о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее, дополняющего Конвенцию ООН против транснациональной организованной преступности 2000 г., эксплуатация человека включает, как минимум, эксплуатацию проституции других лиц или другие формы сексуальной эксплуатации, принудительный труд или услуги, рабство или обычаи, сходные с рабством, подневольное состояние или извлечение органов. Принятый в конвенционном определении способ перечисления различных составляющих указанного понятия дает основание предположить, что именно эти составляющие и есть искомые формы эксплуатации человека. К иному выводу приходит российский ученый Т. Матвеева: основываясь на анализе и обобщении ряда международных документов, принятых под эгидой ООН, автор, напротив, полагает целесообразным рассматривать эксплуатацию детского труда, сексуальную эксплуатацию, долговую кабалу и некоторые иные формы проявления потребительского отношения к человеку в качестве форм современного рабства [8, с. 29–32]. Совершенно иное видение родовой принадлежности исследуемых понятий представлено в Глобальном докладе МОТ: рабство, похищение человека, кабальный труд, долговая кабала, наряду с принудительным трудом в армии и иными подобными явлениями, названы в качестве основных форм принудительного труда [3, с. 1].

В контексте сказанного представляется целесообразным конкретизировать содержание таких понятий, как «рабство», «институты и обычаи, сходные с рабством», «формы эксплуатации человека», которыми оперирует уголовный закон Республики Беларусь, в специальном акте официального судебного толкования.

3. Дополнение гл. 22 УК Республики Беларусь нормой об ответственности за использование рабского труда и законодательное определение признаков объективной стороны состава данного преступления страдает определенной логической непоследовательностью: для того, чтобы использовать труд человека, находящегося в рабском состоянии, необходимо создать такого рода состояние, т.е. обратить потерпевшего в рабство. Характерно, что опыт криминализации подобного посягательства на свободу человека известен уголовному законодательству ряда зарубежных государств (например, ст. 167 УК Республики Сан-Марино; ст. 140 УК Республики Аргентина; § 225 УК Королевства Норвегия, ч. 2 § 104 УК Австрийской Республики и др.).

Как показывают материалы СМИ, способом завладения человеком в целях его эксплуатации в ряде случаев является совершение действий, связанных с торговлей людьми или похищением человека, которые криминализированы уголовным законом Республики Беларусь в качестве самостоятельных посягательств на личную свободу (ст.ст. 181, 182 УК). Однако связь указанных преступлений с обращением человека в рабство или подневольное состояние, равно как и удержанием потерпевшего в таком состоянии, весьма опосредованная, что, как представляется, не позволяет охватить все возможные способы «порабощения» человека. В контексте сказанного определенный интерес представляет точка зрения российских ученых Л.Л. Кругликова и Е.А. Кисловой, по мнению которых обращение человека в рабство, являющееся «первичным звеном» в «цепочке работорговли» [4, с.121], целесообразно рассматривать в качестве «относительно самостоятельной формы преступления» [4, с. 120].

Поскольку совершение указанного выше деяния, как правило, не является самоцелью поведения виновного лица, оно лишь создает необходимые условия для незаконного использования потерпевшего в целях извлечения выгоды (эксплуатации человека), можно заключить о наличии тесной связи между обращением человека в рабство

или подневольное состояние и его последующей эксплуатацией, в связи с чем представляется целесообразным обе формы противоправного поведения предусмотреть в рамках единого уголовно-правового запрета. Вместе с тем, учитывая то обстоятельство, что в практическом отношении способом обращения человека в рабство (подневольное состояние) в целях последующей эксплуатации в ряде случаев может быть совершение преступлений, предусмотренных ст.ст. 181 и 182 УК, подлежащих самостоятельной уголовно-правовой оценке, полагаем целесообразным распространять действие предлагаемого уголовно-правового запрета в отношении тех деяний, которые не содержат признаков указанных преступлений.

4. Признавая социальную значимость факта криминализации использования рабского труда, иных форм эксплуатации человека, мы в то же время не можем согласиться с законодателем в части пенализации данного преступного посягательства. Как представляется, при формулировании санкций нормы ст. 181-1 УК был нарушен принцип взвешенности соотношения меры уголовной ответственности с характером и степенью общественной опасности рассматриваемого преступления. Сказанное подтверждается, в частности, тем обстоятельством, что, несмотря на высокую степень общественной опасности, преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 181-1 УК, отнесено законодателем к категории менее тяжких преступных посягательств. Между тем в системе преступлений против личной свободы именно данное преступное деяние сопряжено с проявлением наиболее архаичной формы потребительского отношения к человеку, для которой *ipso facto* присуще уравнивание статуса человека с правовым режимом объектов вещных и обязательственных прав. Лицо, оказавшееся в состоянии рабства, не только не имеет возможности распоряжаться результатами своего труда, но и само становится объектом распоряжения. В аксиологическом аспекте использование рабского труда характеризуется тем, что труд перестает быть «для человека», а человек, в свою очередь, превращается в средство «для труда» (услуг), когда труд (услуга) не является предметом его свободного выбора, способом удовлетворения материальных потребностей, основой индивидуального развития и самореализации человека. В связи с этим совершение преступления, предусмотренного ст. 181-1 УК, помимо ограничения личной свободы потерпевшего, закономерно влечет нарушение права на труд, включая право на свободный выбор рода занятий и на безопасные условия труда.

Полагаем, что рассматриваемое преступление ставит под угрозу причинения вреда и иные объекты уголовно-правовой охраны. Поясним наше суждение. По справедливому замечанию белорусского ученого В.В. Марчука, «важным условием для констатации использования рабского труда является зависимое состояние потерпевшего от виновного лица» [7, с. 67]. Исходя из специфики юридической природы рассматриваемого преступления и смысла уголовного закона, состояние зависимости достигается, главным образом, посредством насильственного воздействия на потерпевшего (речь идет о применении так называемого «инструментального насилия»). Данное обстоятельство, а также криминализация в рамках ст. 181-1 УК иных форм эксплуатации человека (к числу которых могут быть отнесены, в частности, незаконное использование потерпевшего для проведения медико-биологических экспериментов, использование физиологических свойств организма человека для применения репродукционных технологий и т.д.), дают основание заключить, что совершение рассматриваемого преступления может быть сопряжено с нарушением права человека на жизнь и здоровье, а также личную неприкосновенность. При этом независимо от формы эксплуатации, которой подвергается потерпевший, и используемого виновным способа удержания последнего в состоянии зависимости совершение преступления, предусмотренного ст. 181-1, всегда сопряжено с нарушением права на уважение человеческого достоинства.

Отмеченная множественность объектов причинения вреда наряду с международным характером исследуемого посягательства, присущим ему сложным объективным содержанием и тяжестью основного преступного последствия – утратой потерпевшим состояния личной свободы, – определенно указывают на высокую степень общественной опасности рассматриваемого преступления и подчеркивают необоснованность позиции законодателя в части наказуемости данного преступного деяния. Подтверждение ошибочности такой позиции усматривается и в том, что торговля людьми в форме купли-продажи или совершения иных сделок в отношении человека, не преследующая цели эксплуатации потерпевшего (ч. 1 ст. 181 УК), в отличие от собственно эксплуатации признана уголовным законом тяжким преступлением (причем, вполне обоснованно), а действия, связанные с похищением человека в целях эксплуатации (п. 4 ч. 2 ст. 182 УК), оцениваются законодателем в качестве особо тяжкого преступления.

В контексте сказанного представляется целесообразным изменить законодательный подход к категоризации преступления, предусмотренного ст.181-1 УК, признав рассматриваемое посягательство в части основного и квалифицированного состава тяжким преступлением против личной свободы человека, а при наличии особо квалифицирующих признаков, закрепленных ч. 3 ст. 181-1, – особо тяжким посягательством.

5. Определенные замечания вызывает законодательная формулировка одной из форм эксплуатации человека – использования рабского труда.

На основании обобщения теоретических и эмпирических данных по исследуемой проблеме возможные формы эксплуатации человека могут быть в обобщенном виде представлены следующим образом:

а) эксплуатация физических и/или интеллектуальных способностей человека, его знаний, умений, навыков для осуществления какого-либо рода деятельности;

б) эксплуатация физиологических свойств и/или функций организма человека (следует отметить, что данная форма эксплуатации появилась относительно недавно и стала возможной благодаря прогрессу в медицине и биотехнологиям, которые могут использоваться с целью «осуществлять множество манипуляций с телом человека» [5, с. 5];

в) сексуальная эксплуатация как разновидность предыдущей формы эксплуатации, которая в силу определенной специфики и широкого распространения может быть названа в качестве самостоятельной формы ее проявления.

По смыслу уголовного закона, названные формы эксплуатации осуществляются в отношении лица, которое в силу пребывания в рабском или ином зависимом состоянии не может отказаться от выполнения определенной субъектом преступления работы (услуги). В контексте сказанного, а также представленных форм эксплуатации становится очевидным то обстоятельство, что законодатель, уделяя особое внимание такой форме, как эксплуатация труда, в то же время необоснованно сузил ее содержание, ограничившись запретом использования только рабского труда. Рабство, определяемое в международном праве как состояние или положение человека, над которым осуществляются атрибуты права собственности или некоторые из них (ст. 1 Конвенции о рабстве 1926 г.), характеризует положение потерпевшего, подвергающегося эксплуатации, и раскрывает форму (степень) зависимости от субъекта преступления.

Помимо рабства, отношения зависимости могут быть обусловлены применением к потерпевшему обычаев, сходных с рабством, к числу которых Дополнительная Конвенция об упразднении рабства, работорговли и институтов и обычаев, сходных с рабством (1956 г.), относит долговую кабалу, крепостное состояние, а также любой институт или обычай, в силу которых: а) женщину обещают выдать или выдают замуж (без права отказа с ее стороны), ее родители, опекун, семья или любое другое лицо или группа лиц за вознаграждение деньгами или натурой; б) муж женщины, его семья

или его клан имеют право передать ее другому лицу за вознаграждение или иным образом; в) женщина после смерти мужа передается по наследству другому лицу; любой институт или обычай, в силу которого ребенок или подросток моложе восемнадцати лет передается одним или обоими своими родителями или своим опекуном другому лицу за вознаграждение или без такового с целью эксплуатации этого ребенка или подростка или его труда (ст. 1). Как и рабство, подневольное состояние, включающее в себя названные институты и обычаи, предполагает «некоторое зависимое положение лица от воли другого» [6, с. 183], и так же, как и рабство, формой эксплуатации оно не является. Таким образом, конкретизируя уголовно-правовой запрет в части описания статуса потерпевшего относительно одной из форм эксплуатации человека – использования рабского труда – и применяя для характеристики остальных проявлений эксплуатации человека конструкцию «иная форма эксплуатации» (надо полагать, не связанная с принуждением к труду), законодатель фактически исключил из сферы действия нормы ст. 181-1 УК случаи использования труда человека, находящегося в подневольном состоянии. По всей видимости, подобный пробел уголовного закона является исключительно дефектом юридической техники, для устранения которого представляется необходимым изложить анализируемую законодательную конструкцию в следующей редакции: «использование принудительного труда или иная форма эксплуатации человека, находящегося в рабском или подневольном состоянии».

Учитывая отмеченные выше недостатки нормативного описания признаков состава преступления, предусмотренного ст. 181-1 УК, полагаем целесообразным сформулировать диспозицию ч. 1 ст. 181-1 следующим образом: «Использование принудительного труда или иная форма эксплуатации человека, находящегося в рабстве или подневольном состоянии, а равно обращение человека в такое состояние, при отсутствии признаков преступлений, предусмотренных статьями 181 и 182 настоящего Кодекса».

Заключение

Появление в уголовном законе Республики Беларусь нормы об ответственности за использование рабского труда (ст. 181-1) отвечает требованиям охраны личной свободы человека на современном этапе развития общества и государства. Однако содержание уголовно-правового запрета, предусмотренного ч. 1 ст. 181-1 УК, не позволяет в полной мере реализовать превентивную и охранительную функцию уголовного закона в части противодействия эксплуатации человека и обращения его в рабство или подневольное состояние. С тем чтобы устранить данный недостаток закона, представляется целесообразным изложить диспозицию ч. 1 ст. 181-1 УК в следующей редакции: «Использование принудительного труда или иная форма эксплуатации человека, находящегося в рабстве или подневольном состоянии, а равно обращение человека в такое состояние, при отсутствии признаков преступлений, предусмотренных статьями 181 и 182 настоящего Кодекса». Помимо изменения содержательной характеристики признаков основного состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 181-1 УК, требуется и корректировка его формального обозначения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акимова, Ю.Ю. Использование рабского труда: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Ю.Ю. Акимова; ГОУ «Российская академия правосудия». – Тюмень, 2010. – 18 с.
2. Бибик, О. Проблемы соотношения международного и российского уголовного права / О. Бибик // Уголовное право. – 2010. – № 3. – С. 15–20.

3. Электронная версія бюллетеня «Население и общество» // Демоскоп Weekly. – 24 октября – 7 ноября 2004. – № 175–176. – С. 1–5. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.demoscope.ru/weekly/2004/0175/biblio01.php>. – Дата доступа: 06.06.2005.
4. Кислова, Е.А. Уголовно-правовые средства противодействия рабству и торговле людьми: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. / Е.А. Кислова. – М., 2005. – 170 л.
5. Майфат, А.Ф. Тело человека, его отдельные части как объекты правового воздействия (некоторые предложения для обсуждения) / А.Ф. Майфат, А.В. Лисаченко // Юридический мир. – Февраль, 2002. – С. 4–9.
6. Марахтанова, Е.А. Преступления против свободы личности: вопросы законодательной регламентации и квалификации: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. / Е.А. Марахтанова. – Самара, 2006. – 249 л.
7. Марчук, В.В. О квалификации использования рабского труда / В.В. Марчук // Вісник ГрДУ. Серыя 4. – 2009. – № 3. – С. 66–70.
8. Матвеева, Т. Рабство в XXI веке / Т. Матвеева // Международная жизнь. – 2002. – № 2. – С. 27–37.
9. Международное уголовное право. / Под ред. В.Н. Кудрявцева. – М. : Наука, 1995. – 172 с.
10. Проблема торговли людьми: вымысел или реальность / Представительство ООН в Беларуси. – Минск : Кампания «Жизнь без насилия», 2001. – 80 с.
11. Торговля людьми. Социокриминологический анализ. / Под. общ. ред. Е.А. Тюрюкановой и Л.Д. Ерохиной. – М. : Academia, 2002. – 224 с.
12. Тринчук, В.М. Криминологическая характеристика и предупреждение преступлений в сфере трудовых отношений: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. / В.М. Тринчук. – Омск, 2006. – 224 л.

Korotich E.A. On the Optimization of the Norm Design Providing the Responsibility for Using of a Slave Labour (art. 181-1 Criminal Code)

On the basis of theoretic-legal research of the problem the personal freedom protection the main reasons of the appearance in Criminal Code of the Republic of Belarus art. 181-1, providing responsibility for using of the slave labour, are determined in the article. The logical-grammatical interpretation of the norm of p. 1 art. 181-1 has allowed revealing both a value of the accepted legislative decision in a part of the description the basic structure signs of the specified crime, and the defects of the legislative regulation in the given area. On the basis of the conducted research the recommendations concerning to the elimination of the lacks of norm noted in p. 1 art. 181-1 of Criminal Code are formulated and directions of the optimization the legislative definition of the considered crime (as formal indication the crime under research, and the substantial characteristic of its structure signs) are offered.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 19.04.2011

УДК 343

Л.О. Шерайзина

ПРОКУРАТУРА В СИСТЕМЕ МЕР, НАПРАВЛЕННЫХ НА БОРЬБУ С КОРРУПЦИЕЙ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В настоящее время для борьбы с коррупцией создана серьезная законодательная база. На прокуратуру возложена особая функция – координация деятельности всех государственных органов по борьбе с коррупцией и преступностью. Несмотря на то, что ни одному государству не удалось полностью искоренить коррупцию, основная задача стоит в создании препятствий ее распространению. В настоящей статье рассматриваются этапы формирования системы мер по борьбе с коррупцией в Республике Беларусь, место органов прокуратуры в данной системе, представлена практика прокурорского надзора, статистические данные и обзоры прокуратуры Брестской области и Генеральной прокуратуры Республики Беларусь.

Введение

«Важнейшими направлениями повышения авторитета власти считаю, во-первых, борьбу с коррупцией. Она будет вестись беспощадно, пока это зло имеет место в нашей стране», – отметил Президент Республики Беларусь А.Г. Лукашенко в Послании белорусскому народу и Национальному собранию Республики Беларусь от 23 апреля 2009 года [1]. Однако следует отметить, что ни одному государству не удалось полностью искоренить коррупцию. В любых проявлениях она опасна для человека, общества и государства. Выполнимыми задачами являются создание препятствий для ее распространения во всех сферах общественной жизни и минимизация негативных последствий коррупционных проявлений. В литературе по этому вопросу в последние годы имеется ряд публикаций (А.И. Лукашов, А.М. Клим, В.В. Лосев, В.М. Хомич, И. Бранчель, Н.А. Бабий, О. Благаренко, С. Иванов, Э.А. Саркисова). Создана достаточно серьезная законодательная база с учетом мирового опыта. Изучение, обобщение и анализ материалов уголовных дел, практики прокурорского надзора, статистических данных и обзоров прокуратуры Брестской области и Генеральной прокуратуры Республики Беларусь свидетельствуют о высокой степени общественной опасности современной коррупции с учетом ее высокой латентности и причиняемого материального ущерба.

Борьба с коррупцией в Республике Беларусь начала проводиться с обретением государственного суверенитета. Первым ее этапом можно условно обозначить период с 15 июня 1993 года (принятие Закона Республики Беларусь «О борьбе с преступностью в сфере экономики и с коррупцией» от 15 июня 1993 года № 2399-ХІІ) по 2 октября 2002 года (утверждение Указом Президента Республики Беларусь от 2 октября 2002 года № 500 Государственной программы по усилению борьбы с коррупцией на 2002–2006 годы). Существенным шагом в этот период стало принятие Закона Республики Беларусь «О мерах борьбы с организованной преступностью и коррупцией» от 26 июня 1997 года № 47-З. Данный закон определил создание специальных подразделений по борьбе с организованной преступностью и коррупцией при прокуратуре Республики Беларусь. Однако Государственным координирующим органом по борьбе с организованной преступностью и коррупцией являлась Межведомственная комиссия по борьбе с преступностью и наркоманией при Совете Безопасности Республики Беларусь [2].

Научный руководитель – В.В. Лосев, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина

Несмотря на определенную стабилизацию криминогенной обстановки в Республике Беларусь, наблюдается тенденция к увеличению коррупционных правонарушений. Высокая степень их латентности не позволяет на основании статистических данных правоохранительных органов дать объективную оценку распространенности коррупции, злоупотреблений властью или служебными полномочиями и их превышений, легализации доходов, полученных незаконным путем. Принимаемые уголовно-правовые, административные и профилактические меры остаются малоэффективными.

В 2001 году в республике выявлено 4 106 преступлений, связанных с коррупцией, в числе которых 971 – взяточничество, 119 – злоупотребление властью, 2 031 – хищения путем злоупотребления служебными полномочиями [3].

Второй этап охватил период действия Государственной программы по усилению борьбы с коррупцией на 2002–2006 годы, утвержденной Указом Президента Республики Беларусь от 2 октября 2002 года № 500. В ней определены основные сферы распространения коррупции: социальная защита, образование и здравоохранение, контрольно-разрешительная система, правоохранительные и налоговые органы, организации промышленного и агропромышленного комплексов [3].

В этот период принят Закон Республики Беларусь «О борьбе с коррупцией» от 20 июля 2006 года № 165-З, который возложил на прокуратуру основную роль по координации деятельности всех правоохранительных органов в области противодействия коррупции. Органы прокуратуры совместно с другими государственными органами ведут объективную работу по противодействию коррупции и повышению эффективности прокурорского надзора за соблюдением законодательства в этой сфере правоохранительной деятельности.

Как отмечал начальник управления по борьбе с коррупцией и организованной преступностью Генеральной прокуратуры Республики Беларусь В.И. Морозов, «реализация мероприятий Государственной программы позволила применить системный подход к решению имеющихся проблем в этой сфере, повысить результативность деятельности правоохранительных органов. Принятые на основе Программы меры дали возможность эффективно противодействовать росту коррупционной преступности, значительно усовершенствовать антикоррупционную направленность законодательства, определить основные направления и формы общесоциального и специального предупреждения коррупционных проявлений» [4, с. 30].

В период 2002–2006 годов на фоне общего роста преступности в Республике Беларусь (в 2002 году было зарегистрировано 135 133 преступления, в 2006 году – 191 468) количество ежегодно регистрируемых коррупционных преступлений начиная с 2003 года постоянно снижалось и в 2006 году составило 3 387, что на 37,6 % ниже показателя 2002 года (5 426 преступлений). Такая тенденция является следствием, с одной стороны, активизации борьбы с коррупцией, в том числе усиления государственного контроля за распределением и использованием государственного имущества, а с другой – повышения уровня латентности коррупционных преступлений.

В структуре преступности, связанной с коррупцией, за рассматриваемый период также произошли некоторые изменения. Если в первые годы указанного периода основную долю коррупционных преступлений составляли хищения путем злоупотребления служебными полномочиями (статья 210 Уголовного кодекса Республики Беларусь), то уже в 2006 году таких преступлений было зарегистрировано 887, что более чем в два раза меньше по сравнению с 2002 годом (2 165 преступлений). В свою очередь, доминирующую позицию стало занимать взяточничество (статьи 430, 431, 432 Уголовного кодекса Республики Беларусь). Так, в 2006 году зарегистрировано 1 045 случаев взяточничества, что составляет 30,8 % от общего количества коррупционных преступле-

ний (хотя и здесь также наблюдается снижение количества случаев взяток по сравнению с 2002 годом на 15,7 %).

Рассматриваемый период характеризуется существенным увеличением количества злоупотреблений властью или служебными полномочиями (статья 424 Уголовного кодекса Республики Беларусь). По сравнению с 2002 годом в 2006 году таких преступлений было зарегистрировано на 43,5 % больше [5].

Третий этап охватывает период действия Государственной программы по борьбе с коррупцией на 2007–2010 годы, которая была утверждена Указом Президента Республики Беларусь от 7 мая 2007 года № 220. В данной программе также отмечается, что борьба с коррупцией должна носить системный, комплексный характер, охватывая все сегменты общественной жизни, в первую очередь – систему государственного управления и экономику. Она не может быть ограничена лишь мерами уголовно-правового характера, поскольку проявления коррупции характеризуются не только преступными деяниями.

Объектом прокурорского надзора остается организация деятельности государственных органов, предприятий, учреждений, организаций по проведению профилактической работы, направленной на искоренение причин и условий, способствующих проявлениям коррупции. По данным прокуратуры Брестской области, в республике в 2007 году зарегистрировано 3 084 коррупционных преступления, в 2008 году – 2 735, в 2009 году – 3 366, в 2010 году – 3 637. Для сравнения в 2010 году в Брестской области совершено 346 коррупционных преступлений, в Витебской области – 482, в Гомельской области – 791, в Гродненской области – 490, в Минской области – 423, в городе Минске – 598, в Могилевской области – 422 [6; 7].

В рассматриваемый период доминирующим остается взяточничество. По данным ИАЦ УВД Брестского облисполкома, в 2007 году совершено 1 066 преступлений, а в 2008 году – 996 [7]. По данным прокуратуры Брестской области, в 2009 году – 1 136, в 2010 году – 1 323 преступления. Особое внимание необходимо уделять таким преступлениям, как служебный подлог и хищение путем злоупотребления служебными полномочиями. На территории Брестской области в 2010 году зарегистрировано 86 служебных подлогов и 84 хищения. Данные показатели уменьшились по сравнению с 2009 годом (для сравнения зарегистрировано: служебный подлог – 100 преступлений, хищение путем злоупотребления служебными полномочиями – 101). По всем районам Брестской области, за исключением Ганцевичского и Лунинецкого, в 2010 году отмечается снижение уровня коррупционных преступлений [6].

Четвертый этап охватывает период с 2010 по 2012 годы. Он является плавным переходом на значительно новый, отвечающий степени развития информационных технологий уровень борьбы с коррупцией. Государственная программа по борьбе с преступностью и коррупцией на 2010–2012 годы, утвержденная Указом Президента Республики Беларусь от 23 сентября 2010 года № 485, обязывает органы прокуратуры продолжать регулярное проведение антикоррупционных проверок в органах государственного управления и в учреждениях, которые позволяют не только выявить отдельные факты коррупции, но и принять меры по их недопущению в дальнейшем. Потенциал прокурорских проверок достаточно высок. Необходимо тщательно изучать состояние контрольно-ревизионной работы в проверяемых организациях, следить за соблюдением порядка закупок товаров, работ и услуг на тендерной основе. Должное внимание следует уделять материалам ревизий, актам инвентаризации, иной хозяйственной и служебной документации, взаимодействию с правоохранительными, контролирующими и другими государственными органами в целях выявления актов коррупции. Непосредственно по результатам антикоррупционных проверок органами прокуратуры Брестской области в 2010 году возбуждено 8 уголовных дел (в 2009 году – 23). По итогам

55 антикоррупционных проверок в 2010 году направлено 48 представлений, 26 предписаний, 4 протеста, объявлено 54 официальных предупреждения. В 2009 году данные показатели составили 47 представлений, 25 предписаний, 1 протест, 51 официальное предупреждение по итогам 81 проведенной проверки. По актам прокурорского надзора за нарушение требований законодательства, направленного на борьбу с коррупцией, к дисциплинарной ответственности привлечено 180 лиц, к административной – 39, к материальной – 35 физических лиц на сумму 49,2 млн. рублей. Наибольшее количество проверок в 2010 году было проведено прокуратурами Брестской области (6), Столинского района (4), города Пинска (4), города Барановичи (4), Ленинского района города Бреста (4) [6].

В соответствии с Указом Президента Республики Беларусь от 17 декабря 2007 года № 644 создан постоянно действующий орган по координации правоохранительной деятельности государственных органов – координационное совещание. В Республике Беларусь действуют республиканское координационное совещание, координационные совещания в областях и г. Минске, координационные совещания в районах, районах в городах, городах, координационные совещания в Вооруженных Силах Республики Беларусь, других войсках и воинских формированиях, государственных органах, в которых предусмотрена воинская служба, и на транспорте. Председателями координационных совещаний являются Генеральный прокурор Республики Беларусь и нижестоящие прокуроры территориальных и специализированных прокуратур [7]. Координационные совещания являются постоянно действующими межведомственными органами и проводятся не реже одного раза в полугодие. Целями данных совещаний являются определение стратегии и тактики деятельности по борьбе с преступностью и коррупцией с учетом криминогенной ситуации; выработка согласованных мероприятий по своевременному предупреждению, выявлению, пресечению и раскрытию правонарушений, обеспечение выполнения этих мероприятий; содействие проведению научных исследований в сфере правового, криминологического и криминалистического обеспечения борьбы с преступностью и коррупцией, внедрению их результатов в правоохранительную деятельность государственных органов, осуществляющих борьбу с преступностью и коррупцией, и в деятельность по борьбе с преступностью и коррупцией государственных органов и иных организаций, участвующих в борьбе с преступностью и коррупцией.

На одном из координационных совещаний прокурор Ленинского района города Бреста ознакомил присутствующих с криминогенной ситуацией на территории Ленинского района города Бреста, отметив низкое качество проводимых проверок в органах внутренних дел, помимо службы БЭП. Работа по выявлению коррупционных проявлений иными подразделениями, в том числе уголовным розыском и участковыми инспекторами, не проводится, что свидетельствует об их неучастии в борьбе с коррупцией. Прокурор указал, что в 2010 году имели место упущения при осуществлении прокурорского надзора за возбуждением уголовных дел коррупционной направленности, а также недостатки в ведомственном контроле за исполнением законодательства о борьбе с коррупцией при проведении проверок по заявлениям и сообщениям о преступлениях и при расследовании уголовных дел указанной категории. «Свидетельством этому является прекращение в 2010 году четырех уголовных дел, возбужденных по материалам ОБЭП ОВД Администрации Ленинского района города Бреста по статье 210 Уголовного кодекса Республики Беларусь за отсутствием состава преступления» [8]. На совещании было обращено внимание на необходимость концентрации усилий по предупреждению, выявлению и пресечению коррупционных преступлений в отраслях промышленности, на транспорте, в строительстве, в образовании, здравоохранении, жилищно-коммунальном хозяйстве, хищений и нецелевого использования бюджетных средств,

а также в сфере арендных, земельных отношений, государственных закупок, при приватизации и отчуждении государственной собственности. При этом нужно ориентироваться на выявление наиболее опасных видов коррупционных проявлений: взяточничества, хищений и злоупотреблений служебными полномочиями, сотрудничать с УКГБ и УДФР, обмениваться информацией и проведении совместных проверок. В заключение прокурором были выделены основные проблемы, в том числе недостаточная подготовленность сотрудников ОБЭП, слабая оперативная работа, отсутствие мониторинга, а также комплексного подхода по борьбе с коррупцией администрацией района и правоохранительными органами отраслей народного хозяйства, социальной сферы на предмет коррупции, решение которых повысит эффективность работы по выявлению и предупреждению коррупционных правонарушений.

Особого внимания заслуживают мероприятия по регулярному освещению в средствах массовой информации деятельности правоохранительных и контролирующих органов, выступления в трудовых коллективах, встречи с заместителями руководителей предприятий и организаций по идеологической работе в целях создания атмосферы общественного неприятия коррупции во всех ее проявлениях и систематическое информирование общественности о государственной антикоррупционной политике, в том числе о фактах привлечения к ответственности лиц, совершивших коррупционные преступления. Примером могут служить семинары, проводимые прокуратурой Ленинского района города Бреста, на тему «Формы и методы работы по профилактике коррупционных проявлений в трудовых коллективах».

Наиболее острой проблемой, стоящей перед органами прокуратуры, остается исполнение требований законодательства о возмещении ущерба, причиненного коррупционными преступлениями. В этой связи субъектам борьбы с коррупцией необходимо ориентироваться на безусловный розыск похищенных ценностей, а также имущества, на которое может быть обращено взыскание в возмещение причиненного вреда или конфискация имущества в доход государства. В 2010 году только в сфере торговли совершено 597 преступлений коррупционной направленности, материальный ущерб от которых составил более 6,4 млрд. рублей. В 2011 году наблюдается тенденция к уменьшению количества выявляемых в системе Белкоопсоюза преступлений указанной категории. По данным Генеральной прокуратуры Республики Беларусь, за 7 месяцев зарегистрировано 31 преступление, что на 47 преступлений меньше по сравнению с таким же периодом 2010 года. В общей структуре регистрируемых преступлений преобладают хищения путем злоупотребления служебными полномочиями. Факт хищения денежных средств в сумме более 1,7 млн. рублей в период 2004–2006 годов заведующей магазином Оршанского райпо был выявлен только в 2011 году [10].

Работа Генеральной прокуратуры Республики Беларусь по вопросам борьбы с коррупцией проводится в тесной взаимосвязи с общественными организациями. В 2008 году для использования потенциала общественности при Генеральной прокуратуре создан Общественный совет по противодействию коррупции (далее – Общественный совет), в который включены Республиканская ассоциация промышленности «БелАПП», Федерация профсоюзов Беларуси, ОО «Белорусское общество защиты потребителей», ОО «Минский столичный союз предпринимателей и работодателей», ОО «Белорусский республиканский союз молодежи», Национальная академия наук Беларуси, Академия управления при Президенте Республики Беларусь и др.

В настоящее время Генеральной прокуратурой Республики Беларусь рассматриваются предложения РОО «Белорусская научно-промышленная ассоциация» о совершенствовании правового регулирования вопросов арендных отношений, приватизации, лицензирования, сертификации товаров. Поддержано предложение о сотрудничестве в рамках государственно-частного партнерства, развития конструктивного диалога

бизнеса и власти для формирования нормальной экономической среды и минимизации коррупционных рисков в сфере предпринимательства. В сентябре 2011 года планируется очередное заседание Общественного совета по противодействию коррупции, на котором будут рассмотрены вопросы возникновения коррупционных рисков в новых экономических условиях функционирования единого таможенного пространства России, Казахстана и Беларуси [11].

Значительным шагом в борьбе с коррупцией станет создание Следственного комитета с 1 января 2012 года, который будет находиться в подчинении Президента Республики Беларусь. На совещании по совершенствованию системы органов предварительного расследования, проведенном 2 августа 2011 года Президентом Республики Беларусь, Генеральный прокурор Г.А. Василевич обратил внимание на необходимость усиления прокурорского надзора при создании новой мощной структуры и избавлении ее от бюрократизма [12].

Заключение

В развитии организационно-практических мер и законодательства Республики Беларусь по борьбе с коррупцией можно выделить четыре этапа, каждый из которых определяет место органов прокуратуры в системе мер преодоления коррупции. Если на первоначальном этапе создавались специальные подразделения, формулировались принципы борьбы с ней, определялись направления деятельности, то на втором этапе прослеживается системный подход к решению имеющихся проблем в этой сфере, что позволило повысить результативность деятельности правоохранительных органов. Третий этап имеет комплексный характер и охватывая все сегменты общественной жизни, в первую очередь систему государственного управления и экономику. Четвертый этап является переходным. В нем законодатель не только уделяет внимание устранению последствий коррупционных правонарушений, выявлению экономических и политических причин данного социального явления, но и предусматривает мероприятия психологического характера для должностных лиц, а также населения Республики Беларусь.

Представляется, что пятый этап станет решающим для формирования новых подходов к борьбе с коррупцией. Здесь необходимо учесть стремительное внедрение информационных технологий во все сферы жизни общества. Повышение интерактивности официальных сайтов Президента Республики Беларусь, Национального собрания, Совета Министров, министерств и ведомств, облисполкомов и других органов, наделение электронных сообщений статусом официальных, введение электронного голосования, перевод административных процедур в режим онлайн обеспечат прозрачность работы государственных органов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Послание Президента Республики Беларусь А.Г. Лукашенко белорусскому народу и Национальному Собранию Республики Беларусь «Благополучие родной земли – дело всех и каждого»: Послание Президента Респ. Беларусь, 23 апр. 2009 г. // Консультант Плюс : Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2011.

2. О мерах по борьбе с организованной преступностью и коррупцией : Закон Респ. Беларусь, 26 июня 1997 г., № 47-3 // Консультант Плюс : Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2011.

3. Об утверждении Государственной программы по усилению борьбы с коррупцией на 2002 – 2006 годы : Указ Президента Респ. Беларусь, 2 окт. 2002 г., № 500 // Консультант Плюс : Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2011.
4. Морозов, В. О Государственной программе по борьбе с коррупцией / В. Морозов // Юстыцыя Беларусі. – 2007. – № 5. – С. 30–31.
5. Об утверждении Государственной программы по борьбе с коррупцией на 2007–2010 годы : Указ Президента Респ. Беларусь, 7 мая 2007 г., № 220 // Консультант Плюс : Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2011.
6. Основные сведения о регистрации коррупционных преступлений за 2009–2010 годы прокуратуры Брестской области.
7. Сведения о преступлениях коррупционной направленности за 2007–2008 годы Управления внутренних дел Брестского облисполкома.
8. Об утверждении положения о деятельности координационного совещания по борьбе с преступностью и коррупцией : Указ Президента Респ. Беларусь, 17 дек. 2007 г., № 644 // Консультант Плюс : Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2011.
9. Материалы координационных совещаний за 2010 год / Прокуратура Ленинского района города Бреста.
10. Генеральной прокуратурой председателю правления Белорусского республиканского союза потребительских обществ внесено представление об устранении нарушений законодательства о борьбе с коррупцией [Электронный ресурс] / Офиц. сайт Ген. прокуратуры Респ. Беларусь. – Минск, 2011. – Режим доступа: <http://prokuratura.gov.by/main.aspx?guid=10143>. – Дата доступа: 03.09.2011.
11. Генеральная прокуратура и общественные объединения – против коррупции [Электронный ресурс] / Офиц. сайт Ген. прокуратуры Респ. Беларусь. – Минск, 2011. – Режим доступа: <http://prokuratura.gov.by/main.aspx?guid=39492#doc>. – Дата доступа: 03.09.2011.
12. Александр Лукашенко провел совещание системы органов предварительного расследования [Электронный ресурс] / Офиц. Интернет-портал Президента Респ. Беларусь. – Минск, 2011. – Режим доступа: <http://president.gov.by/press125041.html>. – Дата доступа: 03.09.2011.

Sheraizina L.O. Prosecutor's Office in the System of Measures Aimed at Anti-Corruption Drive: Problems and Prospects

At present a serious legal basis is created for anti-corruption drive. The Prosecutor's Office has a special function to coordinate all the government bodies in the anti-corruption and anti-crime drive. Despite the fact that no one state managed to extirpate corruption, the main task is to create obstacles to its spread. The article considers the formation stages of measure systems of the anti-corruption drive in the Republic of Belarus and the role of the prosecution in this system, the practice of the Directorate of Public Prosecutions, statistics and the reviews of Brest regional Prosecutor's office and the General Prosecutor of the Republic of Belarus are presented.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 22.09.2011

УДК 343

В.В. Лосев**КВАЛИФИКАЦИЯ КОРРУПЦИОННЫХ ДЕЯНИЙ
И НОРМЫ ТАМОЖЕННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ**

Представленная статья содержит отдельные результаты комплексного исследования теоретических проблем криминализации и квалификации коррупционных деяний. Уголовно-правовые нормы об ответственности за такие преступления против интересов службы и воинские преступления отличаются бланкетным характером, что обязывает органы уголовного преследования и суды учитывать при квалификации преступлений не только текст Уголовного кодекса Республики Беларусь, но и положения нормативных правовых актов других отраслей права. В том случае, если коррупционные преступления совершаются должностными лицами при выполнении контрольных функций на границе и связаны с оказанием содействия иным лицам в уклонении от уплаты таможенных платежей, для юридической оценки содеянного и правильного применения уголовного права обязательно обращение к нормативным правовым актам таможенного законодательства Республики Беларусь. Материальным последствием коррупционных преступлений должностных лиц на границе необходимо признавать имущественный ущерб государству в виде неуплаченных в бюджет таможенных платежей.

Введение

Экономическая безопасность государства и противодействие коррупции, наряду с иными мерами, обеспечиваются также правильным применением уголовного закона при квалификации коррупционных преступлений, совершаемых должностными лицами таможенных органов и органов пограничной службы при осуществлении контрольных функций на Государственной границе Республики Беларусь. Вместе с тем в следственной и судебной практике нередки ошибки, обусловленные сложностью юридической оценки таких преступных деяний. Одним из актуальных и проблемных вопросов уголовно-правовой квалификации остается определение последствий коррупционных должностных преступлений, в частности, объема и размера причиняемого ими имущественного ущерба.

Целью данной работы является выработка научно обоснованных правил квалификации коррупционных деяний, совершаемых сотрудниками таможенных органов и военнослужащими органов пограничной службы при выполнении контрольных функций на границе, на основе действующего уголовного и таможенного законодательства Республики Беларусь.

Поставленной целью обусловлены следующие задачи: исследовать общественно опасные последствия как признак объективной стороны коррупционных преступлений против интересов службы и воинских преступлений; с учетом бланкетного характера этих уголовно-правовых норм проанализировать нормы таможенного законодательства, устанавливающие порядок уплаты таможенных платежей; выработать влияющие на уголовно-правовую квалификацию правила установления объема и размера имущественного вреда как последствия названных преступлений.

Предметом исследования являются уголовно-правовые нормы, устанавливающие ответственность за коррупционные преступления против интересов службы, совершаемые должностными лицами таможенных органов (ст.ст. 424–426 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК) [1]), а также за воинские преступления: нарушение правил несения пограничной службы и умышленные воинские должностные преступления военнослужащих органов пограничной службы (ст.ст. 453 и 455 УК). Общими для этих преступлений являются: место их совершения – Государственная граница Респуб-

лики Беларусь, субъект – должностное лицо (представитель власти), способ совершения – использование своих служебных полномочий вопреки интересам службы, что выражается в неправомерном использовании предоставленных служебных прав или невыполнении возложенных обязанностей.

Умышленные преступления должностных лиц таможенных органов квалифицируются как общие должностные преступления, предусмотренные в гл. 35 УК «Преступления против интересов службы». В ч. 2 ст. 424, ч. 2 ст. 425 и ч. 1 ст. 426 УК сформулированы материальные составы соответственно злоупотребления властью или служебными полномочиями, бездействия должностного лица и превышения власти или служебных полномочий. В качестве альтернативного обязательного признака основного состава они включают наступление последствия в виде имущественного ущерба в крупном размере.

Квалифицирующим признаком в ч. 3 ст. 424, ч. 3 ст. 425 УК и особо квалифицирующим признаком в ч. 3 ст. 426 УК является наступление в результате этих умышленных должностных преступлений тяжких последствий, в том числе, как определяет постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 16 декабря 2004 г. № 12 «О судебной практике по делам о преступлениях против интересов службы (ст.ст. 424–428 УК)» [2], причинение материального ущерба в особо крупном размере.

Исключение составляют только бездействие, сопряженное с попустительством преступлению, и превышение власти с насилием, мучением или оскорблением потерпевшего либо применением оружия или специальных средств, которые имеют формальный состав и признаются оконченными преступлениями в момент совершения самого деяния независимо от последствий.

Имущественный ущерб, как общественно опасное последствие преступления, подлежит денежной оценке. Критерии определения его размера применительно к прямому (непосредственному) ущербу установлены в ч. 2 примечаний к гл. 35 УК «Преступления против интересов службы»: ущербом в крупном размере признается ущерб на сумму, в 250 и более раз превышающую размер базовой величины (далее – БВ), ущербом в особо крупном размере – на сумму, в 1 000 и более раз превышающую размер БВ.

Преступление с материальным составом признается совершенным, т.е. оконченным, в момент наступления последствия. Соответственно эквивалент базовой величине должен быть установлен не на момент совершения деяния (должностного нарушения), а на день причинения материального ущерба (наступления последствия).

Военнослужащие органов пограничной службы Республики Беларусь при выполнении обязанностей по охране Государственной границы Республики Беларусь, также как и сотрудники таможенных органов, являются представителями власти, т.е. должностными лицами (п. 1 ч. 4 ст. 4 УК) и одновременно субъектами воинских преступлений (глава 37 УК «Воинские преступления»). В зависимости от факта нахождения в составе пограничного наряда и характера допущенных служебных нарушений (что является предметом отдельного исследования) умышленные деяния должностных лиц органов пограничной службы могут быть квалифицированы как нарушение правил несения пограничной службы (ст. 453 УК) либо как одно из трех умышленных воинских должностных преступлений: злоупотребление начальником или должностного лица властью или служебными полномочиями, превышение этими субъектами власти или служебных полномочий либо умышленное бездействие власти (ст. 455 УК).

Критерии определения размера имущественного ущерба для всех воинских преступлений установлены в ч. 5 примечаний к гл. 37 УК и соответствуют критериям, определенным в ч. 2 примечаний к гл. 35 УК «Преступления против интересов службы». Обязательным признаком основных составов умышленных воинских должностных

преступлений (ч. 1 ст. 455 УК), наряду с существенным вредом, является причинение ущерба в крупном размере (на сумму, в 250 и более превышающую размер БВ, но до 1 000 БВ). Квалифицирующий признак в ч. 3 ст. 455 УК – причинение тяжких последствий – включает в том числе и ущерб в особо крупном размере (на сумму, в 1 000 и более раз превышающую размер БВ).

Основной состав нарушения правил несения пограничной службы (ч. 1 ст. 453 УК) сформулирован в законе как формальный. Квалифицированный состав (ч. 2 ст. 453 УК) является материальным, он предполагает наступление вследствие такого нарушения тяжких последствий. Содержание понятия «тяжкие последствия» должно быть одинаковым как для общих должностных (ч. 3 ст.ст. 424–426 УК), так и для всех воинских преступлений (глава 37 УК). Поэтому под тяжкими последствиями нарушения правил несения пограничной службы (ч. 2 ст. 453 УК) следует понимать, наряду с другими, также причинение имущественного ущерба в особо крупном размере, т.е. на сумму, в 1 000 и более раз превышающую размер БВ. Тем самым причинение ущерба в обычном размере (до 250 БВ) и в крупном размере (свыше 250, но до 1 000 БВ) охватывается квалификацией по ч. 1 ст. 453 УК, а причинение ущерба в особо крупном размере в результате нарушения правил несения пограничной службы влечет ответственность по ч. 2 ст. 453 УК.

Должностные преступления на границе нередко выражаются в пособничестве уклонению иных лиц от уплаты таможенных платежей и тем самым причиняют ущерб бюджету государства. Поэтому вначале необходимо остановиться на анализе последствий, причиняемых уклонением от уплаты таможенных платежей.

В последние годы органы уголовного преследования и суды различным образом трактовали содержание и объем ущерба, причиненного уклонением от уплаты таможенных платежей. В настоящее время заинтересованными ведомствами: Генеральной прокуратурой Республики Беларусь, Государственным таможенным комитетом Республики Беларусь, Министерством внутренних дел Республики Беларусь и Департаментом финансовых расследований Комитета государственного контроля Республики Беларусь – выработан единый подход к формированию правоприменительной практики. На межведомственном совещании в марте 2009 г. было принято согласованное решение: в отношении товаров, ввезенных с нарушением таможенного законодательства и вовлеченных в экономический оборот на территории Республики Беларусь, ущерб определяется как сумма неуплаченных или неполно уплаченных таможенных пошлин и/или налогов, подлежащих уплате в бюджет. При этом в размер ущерба не включаются стоимость ввезенных товаров, за которые плательщиком не были уплачены или уплачены неполно таможенные платежи и/или налоги, а также таможенные сборы, пени (проценты) за несвоевременное исполнение налогового обязательства (письмо Генеральной прокуратуры Республики Беларусь от 25.03.2009 г. № 4201-07д-158 «Об исчислении ущерба, причиненного в результате совершения таможенных преступлений»). Аналогичное положение содержится и в Указании Генеральной прокуратуры Республики Беларусь от 16.02.2010 г. № 13 «Об исчислении ущерба по уголовным делам о преступлениях, связанных с незаконным перемещением товаров через таможенную границу Республики Беларусь», которое было согласовано с руководителями названных правоохранительных органов.

Следует обратить внимание на то, что в названных документах Генеральной прокуратуры Республики Беларусь говорится об исчислении размера ущерба применительно к такому самостоятельному преступлению против порядка осуществления экономической деятельности (глава 25 УК), как уклонение от уплаты таможенных платежей (ст. 231 УК). Однако разъяснений по поводу определения объема и размера ущерба как последствия должностных преступлений на границе не дается.

Состав уклонения от уплаты таможенных платежей (ст. 231 УК) предусматривает специального субъекта: это лицо, обязанное в соответствии с таможенным законодательством уплатить таможенные платежи. Должностные лица таможенных органов и органов пограничной службы к числу таких специальных субъектов не относятся. Сами они платить таможенные платежи не обязаны. Как следствие, они не могут быть исполнителями и, соответственно, соисполнителями этого преступления (ст. 231 УК).

Участие должностных лиц в уклонении иным лицом от уплаты таможенных платежей следует квалифицировать как пособничество этому деянию. Тем самым уклонение лица от уплаты таможенных платежей при пособничестве должностного лица не может быть расценено как преступление, совершенное группой лиц по предварительному сговору (ч. 2 ст. 231 УК).

Однако если будет установлено, что специальные субъекты уклонения от уплаты таможенных платежей (декларанты, перевозчики и т.д.) и должностные лица действовали в составе организованной группы, все они в соответствии с ч. 9 ст. 16 УК должны признаваться соисполнителями независимо от их роли в совершенных преступлениях. Следовательно, в таком случае содеянное должностными лицами необходимо квалифицировать по ч. 2 ст. 231 УК как уклонение от уплаты таможенных платежей, совершенное группой лиц по предварительному сговору (без ссылки на ч. 6 ст. 16 УК), и соответствующее должностное преступление на границе (ч. 3 ст.ст. 424–426, ч. 2 ст. 453 либо ч. 3 ст. 455 УК).

Уклонение от уплаты таможенных платежей (ст. 231 УК) имеет материальный состав и признается преступлением, если сумма неуплаченных таможенных платежей достигает крупного размера, т.е. в 2 000 и более раз превышает размер БВ, установленный на день совершения преступления (примечание к ст. 231 УК). По размеру последствия, т.е. по сумме неуплаченных таможенных платежей, это преступление ограничивается от административных таможенных правонарушений (гл. 14 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – КоАП) [3]).

Материальным последствием коррупционных преступлений должностных лиц на границе необходимо признавать имущественный ущерб государству в виде неуплаченных в бюджет таможенных платежей.

Понятие «крупный размер» имеет разное содержание для ст. 231 УК и статей глав 35 и 37 УК. Для должностных и воинских преступлений крупный размер образует ущерб на сумму, в 250 и более раз превышающий размер БВ, а особо крупный, т.е. тяжкие последствия, – в 1 000 и более раз превышающий размер БВ. Это следует учитывать при квалификации должностных преступлений на границе и решении вопроса о множественности преступлений.

Диспозиция ст. 231 УК «Уклонение от уплаты таможенных платежей» и диспозиции статей глав 35 и 37 УК, устанавливающих уголовную ответственность за должностные преступления на границе, являются бланкетными. Не только для установления обязательных признаков деяний (как уклонения от уплаты таможенных платежей, так и пособничества в этом путем должностного правонарушения), но и для определения последствия – объема и размера ущерба, а также момента окончания этих преступлений – необходимо обращаться к нормативным правовым актам таможенного законодательства. Прежде всего, это Таможенный кодекс Республики Беларусь 2007 г. (далее – ТК) [4] и Закон Республики Беларусь 1993 г. «О таможенном тарифе» [5]. Само по себе перемещение товаров через границу в нарушение установленных таможенных правил еще не является вредным последствием. Вредное последствие, определяющее содеянное как должностное преступление на границе, наступает только тогда, когда в результате перемещения товаров через границу в бюджет не поступили причитающиеся таможенные платежи. Это прямой имущественный ущерб государству.

Ущерб в виде неуплаченных таможенных платежей причиняется бюджету как незаконным перемещением товаров через таможенную границу Республики Беларусь, так и иными многочисленными способами, содержание которых зависит от таможенной процедуры или таможенного режима, под которые помещены товары, ухищрений лиц, ответственных за уплату таможенных платежей, пробелов и коллизий в законодательстве. В объем и размер ущерба, причиняемого должностными преступлениями на границе, не должны включаться (и, соответственно, не учитываются при квалификации):

- 1) стоимость товаров, незаконно перемещенных через границу,
- 2) стоимость транспортных средств, на которых перевозились товары (даже в том случае, когда товары и транспортные средства не были обнаружены и изъяты, хотя, в соответствии с законодательством, подлежат конфискации);
- 3) таможенные сборы, пеня (проценты) за несвоевременное исполнение налогового обязательства.

Виды и размеры подлежащих уплате таможенных платежей определяются таможенным законодательством. Действующий ТК установил с 01 июня 2007 г. следующую систему таможенных платежей:

- 1) ввозные таможенные пошлины;
- 2) вывозные таможенные пошлины;
- 3) специальные, антидемпинговые и компенсационные пошлины;
- 4) налог на добавленную стоимость, взимаемый при ввозе товаров на таможенную территорию;
- 5) акцизы, взимаемые при ввозе товаров на таможенную территорию;
- 6) таможенные сборы (ст. 242 ТК).

Следует считать, что общественно опасное последствие – имущественный ущерб бюджету в виде неуплаченных таможенных платежей – наступает в момент возникновения у виновного лица налогового обязательства по уплате таможенных пошлин, налогов. Это и есть момент юридического окончания как должностного преступления на границе, так и собственно уклонения от уплаты таможенных платежей (ст. 231 УК). Момент возникновения налогового обязательства, размер подлежащего вменению в вину ущерба, различные виды специальных субъектов уклонения от уплаты таможенных платежей (лицо, в фактическом владении которого находились товары на момент пересечения таможенной границы, декларант, перевозчик и т.д.) зависят от способа и места перемещения товаров через границу, а также вида нарушенных таможенных процедур и таможенных режимов.

Рассмотрим ситуацию незаконного перемещения товаров через таможенную границу Республики Беларусь, каковым в соответствии с пп. 1.14 п. 1 ст. 8 ТК признается перемещение товаров через таможенную границу помимо или с сокрытием от таможенного контроля либо с обманом использованием документов и средств идентификации, а равно покушение на такое перемещение. Различные действия, образующие незаконное перемещение товаров через таможенную границу Республики Беларусь, раскрываются в ст. 14.1 КоАП.

Как устанавливает ст. 244 ТК, при незаконном перемещении товаров через таможенную границу налоговое обязательство возникает при ввозе товаров на таможенную территорию или их вывозе, т.е. при пересечении таможенной границы, совпадающей с линией Государственной границы Республики Беларусь (п. 2 ст. 3 ТК). Тем самым определены место и время юридического окончания правонарушения.

Перемещение помимо таможенного контроля – это, прежде всего, перемещение товаров через границу вне пунктов таможенного оформления (ПТО), т.е. вне автомобильных и железнодорожных пунктов пропуска через Государственную границу Республики Беларусь через так называемую «зеленую» границу.

Признается незаконным и перемещение товаров в пунктах упрощенного пропуска, где в соответствии с Указом Президента Республики Беларусь от 10.05.2006 г. № 313 «О пунктах пропуска через Государственную границу Республики Беларусь и видах контроля, осуществляемых в них» [6] предусмотрен только пограничный контроль. ПТО в пунктах упрощенного пропуска нет и, соответственно, таможенный контроль в них не осуществляется. Через пункты упрощенного пропуска могут перемещаться только личные вещи, не требующие таможенного оформления. Товары не для личного пользования, а для предпринимательской деятельности, даже будучи не запрещенными и не ограниченными к перемещению через таможенную границу Республики Беларусь, через пункты упрощенного пропуска ввозиться и вывозиться не могут. Перемещение таких товаров через границу возможно только в ПТО, расположенных в международных и межгосударственных пунктах пропуска, при условии уплаты таможенных платежей. Тем самым ввоз и вывоз через пункты упрощенного пропуска товаров, которые не могут быть отнесены к предназначенным для личного пользования, является их незаконным перемещением через границу помимо таможенного контроля (вне определенного места таможенного оформления).

Размер ущерба при незаконном перемещении товаров через таможенную границу соответствует суммам ввозных (или вывозных) таможенных пошлин, налогов, которые подлежали бы уплате при помещении товаров под таможенный режим свободного обращения (или экспорта). Эти суммы исчисляются на день пересечения товарами таможенной границы, а если этот день не установлен – на день выявления факта незаконного перемещения (п. 4 ст. 244 ТК). Таможенный режим свободного обращения допускает постоянное размещение и использование товаров без ограничений владения, пользования и распоряжения ими (ст. 159 ТК).

Применительно к незаконному перемещению товаров через таможенную границу в названных документах Генеральной прокуратуры Республики Беларусь говорится: «Если определить подлежащие уплате суммы таможенных пошлин и (или) налогов невозможно в силу непредставления в таможенный орган точных сведений о характере товаров, их наименовании, количестве, стране происхождения и таможенной стоимости, то суммы таможенных пошлин и (или) налогов в соответствии с пунктом 2 статьи 251 ТК определяются исходя из наибольшей величины ставок таможенных пошлин и (или) налогов, количества и стоимости товаров, которые могут быть определены на основании имеющихся сведений».

При законном прибытии товаров на таможенную территорию (глава 7 ТК) по маршрутам пересечения товарами таможенной границы, где расположены ПТО (ст. 45 ТК), налоговое обязательство по уплате ввозных таможенных платежей возникает с момента пересечения товарами таможенной границы и подлежит исполнению:

1) при недоставке товаров от границы в пункт ввоза (нередко ПТО находятся на удалении до нескольких километров от линии границы, что позволяет водителю автомобиля с товарами съехать с автодороги и следовать далее вглубь таможенной территории Республики Беларусь мимо пункта пропуска либо передать товары иным лицам с той же целью);

2) при утрате товаров в пункте ввоза (это случаи неправомерного распоряжения ввезенными товарами до производства таможенного оформления и контроля);

3) при вывозе товаров из ПТО на таможенную территорию Республики Беларусь без надлежащего помещения под таможенный режим или под таможенную процедуру (недопущение этого входит в задачу смены пограничных нарядов) (ст. 59 ТК).

Субъектом трех указанных способов уклонения от уплаты таможенных платежей является лицо, в фактическом владении которого находились товары на момент пересечения таможенной границы (п. 1 ст. 59 ТК). Место и время наступления последствия

(возникновения налогового обязательства) и тем самым момент окончания им преступления (или административного таможенного правонарушения), также как и момент окончания должностного преступления на границе, в каждом из случаев различны.

Размер ущерба соответствует суммам ввозных таможенных пошлин, налогов, которые подлежали бы уплате при помещении товаров под таможенный режим свободного обращения. Эти суммы исчисляются на день пересечения товарами таможенной границы, а если этот день не установлен – на день выявления факта недоставки товаров в пункт ввоза, утраты их в пункте ввоза либо выявления незаконного вывоза из пункта ввоза (ст. 59 ТК).

Применительно к таможенной процедуре таможенного транзита иностранных товаров (глава 15 ТК), которые в силу такой процедуры не могут быть вовлечены в экономический оборот на территории Республики Беларусь, ущерб в виде неуплаченных таможенных платежей причиняется в случае недоставки товаров в установленное таможенным органом отправления (в пункте ввоза) место доставки – пункт вывоза товаров с таможенной территории Республики Беларусь. К примеру, если перевозка осуществляется автомобильным транспортом, предельный срок таможенной процедуры таможенного транзита по территории Беларуси не может превышать пяти календарных дней, точный срок в этих пределах устанавливает таможенный орган отправления (пп. 1, 2 ст. 109 ТК).

Налоговое обязательство по уплате ввозных таможенных пошлин, налогов подлежит исполнению в случае нарушения таможенной процедуры таможенного транзита, а именно недоставки иностранных товаров в место доставки в сроки, определенные п. 4 ст. 122 ТК. Момент наступления последствия в виде ущерба бюджету зависит от причины недоставки товаров в пункт вывоза. Размер ущерба равен суммам ввозных таможенных пошлин, налогов, которые подлежали бы уплате при помещении товаров под таможенный режим свободного обращения, исчисленным на день принятия таможенным органом отправления документа таможенного транзита (п. 5 ст. 122 ТК).

Высказывалось мнение (и прежде всего стороной защиты при судебном рассмотрении уголовных дел о должностных преступлениях на границе), что если перемещаемые транзитом товары вместо законного вывоза из Республики Беларусь по установленному маршруту в действительности незаконно переправляются на территорию России (без их реализации в Беларуси), то ущерб причиняется не бюджету Республики Беларусь, а бюджету Российской Федерации. В обоснование указывалось, что в случае, если бы товары законно вовлекались в экономический оборот на территории РФ, то и таможенные платежи необходимо было бы платить в российский бюджет, а потому белорусским должностным лицам нельзя вменить в вину причинение этого ущерба. Вместе с тем ТК четко определил: налоговое обязательство в случае нарушения таможенной процедуры таможенного транзита возникает перед бюджетом Республики Беларусь, а не другого государства. Соответственно должностным преступлением на границе причиняется ущерб бюджету Республики Беларусь, что и должно быть вменено как преступное последствие белорусским должностным лицам. Моменты возникновения налогового обязательства по уплате таможенных пошлин, налогов при других таможенных процедурах и таможенных режимах определяются соответствующими нормами таможенного законодательства, перечисленными в п. 1 ст. 243 ТК.

Как устанавливает ст. 248 ТК, расчет подлежащих взысканию таможенных платежей производится таможенным органом. Этим расчетом определяется размер ущерба для целей уголовно-правовой квалификации. Для исчисления таможенных пошлин, налогов в отношении товаров, незаконно перемещенных через таможенную границу, в качестве налоговой базы используются таможенная стоимость товаров и их количество.

Тем самым, несмотря на то, что стоимость товаров, перемещенных через границу в нарушение таможенного законодательства, не включается в размер ущерба, причиненного должностным преступлением, таможенная стоимость имеет значение для определения размера неуплаченных таможенных платежей. Кроме того, уменьшение декларантом таможенной стоимости в представляемых таможенному органу документах может быть способом уклонения от уплаты положенных таможенных платежей.

Во избежание ошибок при квалификации необходимо учитывать следующее. Первое: таможенная стоимость товаров и их цена (цена покупки за границей, также как и цена при продаже на внутреннем рынке) – это различные понятия. Хотя они и связаны, но по размеру (сумме) не совпадают. Второе: таможенная стоимость, наряду с другими целями, определенными в ст. 5 Закона Республики Беларусь «О таможенном тарифе», необходима, прежде всего, для обложения товаров таможенными платежами, ставки которых в большинстве случаев установлены в процентах от таможенной стоимости товаров. Третье: таможенная стоимость в законном внешнеэкономическом обороте исчисляется декларантом (ст. 20 Закона Республики Беларусь «О таможенном тарифе»), однако таможенный орган обязан контролировать определение таможенной стоимости, в том числе правильность выбора и применения метода определения таможенной стоимости товара, определения величины и структуры заявленной таможенной стоимости товара. Четвертое: при незаконном перемещении товаров через границу таможенный орган по своей инициативе определяет таможенную стоимость товаров для целей последующего расчета причитающихся таможенных платежей.

В разъяснении Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь от 29 января 2007 г. № 04-08/143 «О таможенной стоимости» [7] обращается внимание на то, что таможенная стоимость является налоговой базой для целей исчисления таможенных пошлин. Ее правильное определение непосредственно затрагивает интересы Республики Беларусь (обеспечивает поступление таможенных платежей в бюджет), белорусских производителей (влияет на их конкурентоспособность), граждан (определяет конечный уровень потребительских цен на импортные товары). Правильное определение таможенной стоимости товара является гарантией реализации принципа равного и справедливого налогообложения субъектов хозяйствования Республики Беларусь.

Установление размера ущерба бюджету государства и тем самым уголовно-правовая квалификация содеянного также зависит от правильного определения таможенной стоимости товаров.

Таможенная стоимость товаров, ввозимых в Республику Беларусь, определяется, как устанавливает ст. 13 Закона Республики Беларусь «О таможенном тарифе», на основе одного из шести методов: 1) по цене сделки с ввозимым товаром; 2) по цене сделки с идентичным товаром; 3) по цене сделки с однородным товаром; 4) на основе вычитания стоимости; 5) на основе сложения стоимости; 6) резервного метода определения таможенной стоимости.

Одним из основополагающих принципов таможенной оценки, соблюдение которых обязательно как декларантами, так и таможенными органами, является то, что названные методы таможенной оценки применяются в строгой последовательности. Как сказано в ст. 13 Закона Республики Беларусь «О таможенном тарифе», в случае невозможности применения основного метода определения таможенной стоимости товара последовательно применяются другие предусмотренные методы. При этом каждый последующий метод применяется, если таможенная стоимость товара не может быть определена предыдущим методом. Резервный метод (последний в списке) как исключительная мера может применяться только в том случае, если таможенная стоимость не может быть определена с использованием ни одного из предыдущих оценочных методов.

В соответствии со ст. 23 Закона Республики Беларусь «О таможенном тарифе», 1) при отсутствии документов и информации, подтверждающих правильность определения заявленной декларантом таможенной стоимости товара, либо 2) при наличии оснований полагать, что представленные декларантом сведения не являются достоверными или достаточными, а также 3) если декларант не заявил таможенную стоимость товара в установленном порядке, в том числе 4) при незаконном перемещении товара через таможенную границу Республики Беларусь, таможенный орган вправе самостоятельно определить таможенную стоимость декларируемого товара, последовательно применяя методы определения таможенной стоимости товара, установленные этим Законом, на основании имеющихся у него сведений (в том числе информации по идентичному или однородному товару) с корректировкой, осуществляемой в соответствии с названным Законом.

Наличие обязанности по уплате таможенных пошлин и/или налогов должно быть основано на актах законодательства и подтверждаться решением таможенного органа о взыскании таможенных платежей. Для целей определения размера ущерба от должностного преступления на границе расчет таможенной стоимости и суммы неуплаченных таможенных платежей производится таможенным органом по поручению органа уголовного преследования или суда.

Если не установлено (не доказано) уклонение от уплаты таможенных платежей, то не может быть признан состав должностного преступления на границе. Уклонение от уплаты таможенных платежей должно получить юридическую оценку в зависимости от размера ущерба и быть квалифицировано уполномоченным государственным органом как административное таможенное правонарушение (глава 14 КоАП) или преступление (ст. 231 УК).

Заключение

В заключение предлагаем научно обоснованные и необходимые для практической правоприменительной деятельности выводы и правила квалификации должностных преступлений, совершаемых сотрудниками таможенных органов и военнослужащими органов пограничной службы при выполнении контрольных функций на границе.

Для целей уголовно-правовой квалификации материальным последствием коррупционных преступлений должностных лиц на границе необходимо признавать имущественный ущерб государству в виде неуплаченных в бюджет таможенных платежей, размер которого определяется таможенным органом по поручению органов уголовного преследования и суда. Это общественно опасное последствие наступает в момент возникновения у виновного лица налогового обязательства по уплате таможенных пошлин, налогов.

Пособничество со стороны должностного лица с использованием своих служебных полномочий уклонению от уплаты таможенных платежей в зависимости от размера ущерба бюджету государства может образовывать множественность преступлений: идеальную совокупность должностного преступления и соучастия в преступлении исполнителя. Обязательное условие: в содеянном исполнителем должен быть признан состав преступления (ст. 231 УК). Если же в деянии исполнителя отсутствует состав преступления и оно квалифицируется как административный проступок, то не может быть уголовно-правового соучастия со стороны должностного лица. При наличии других обязательных признаков состава содеянное должностным лицом образует только соответствующее должностное или воинское преступление.

Момент юридического окончания должностных преступлений на границе и размер подлежащего вменению в вину ущерба зависят от способа и места перемещения товаров через границу, вида нарушенных таможенных процедур и таможенных режи-

мов. Тем самым правовая оценка поведения должностных лиц, осуществляющих контрольные функции на границе, должна основываться на положениях таможенного законодательства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь, 09 июля 1999 г., № 275-З: в ред. Закона Респ. Беларусь от 27.12.2010 г. // Консультант Плюс : Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2011.

2. О судебной практике по делам о преступлениях против интересов службы (ст.ст. 424–428 УК): постановление Пленума Верховн. Суда Респ. Беларусь, 16 дек. 2004 г., № 12: в ред. постановления Пленума Верховн. Суда Респ. Беларусь от 02.06.2011 г. // Консультант Плюс : Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2011.

3. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях, 21 апр. 2003 г., № 194-З: в ред. Закона Респ. Беларусь от 30.11.2010 г. // Консультант Плюс : Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2011.

4. Таможенный кодекс Республики Беларусь, 04 янв. 2007 г., № 204-З: в ред. Закона Респ. Беларусь от 15.07.2009 г. // Консультант Плюс : Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2011.

5. О таможенном тарифе: Закон Респ. Беларусь, 03 февр. 1993 г., № 2151-ХП: в ред. Закона Респ. Беларусь от 13.11.2008 г. // Консультант Плюс : Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2011.

6. О пунктах пропуска через Государственную границу и видах контроля, осуществляемых в них: Указ Президента Респ. Беларусь, 10 мая 2006 г., № 313: в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 24.11.2008 г. // Консультант Плюс : Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2011.

7. О таможенной стоимости: разъяснение Пленума Высш. Хозяйств. Суда Респ. Беларусь, 29 янв. 2007 г., № 04-08/143 // Консультант Плюс : Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2011.

Losev V.V. Qualification of Corruption Acts and Customs Legal Norms in the Republic of Belarus

The article contains some results of a comprehensive study of theoretical problems of criminalization and qualification of corruption acts. Legal norms about the liability for such crimes against the interests of service and military offences differ by blanket nature, which makes the prosecution and the courts consider while qualifying the crimes not only the text of the Criminal Code, but also the provisions of normative legal acts of other branches of law. In case when corruption crimes are committed by the officials while performing control functions at the border and are connected with helping other people to evade customs duties, it is necessary to use normative legal acts of tariff legislation of the Republic of Belarus for legal valuation. It is necessary to adjudge material damage to a state in the form of unpaid customs duties to the budget as material consequences of corruption crimes.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 16.03.2011

УДК 343.051

Т.В. Федорук

ОСОБЕННОСТИ КВАЛИФИКАЦИИ ДЕТОУБИЙСТВА ПО УГОЛОВНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

В статье анализируются спорные моменты, возникающие при квалификации убийства матерью новорожденного ребенка (ст. 140 Уголовного кодекса Республики Беларусь). Предлагаются критерии по разграничению покушения на детоубийство и оставления в опасности, раскрываются особенности квалификации оставления в опасности новорожденного в зависимости от вида бездействия, предложены правила квалификации для правоприменительной деятельности.

Введение

В юридической литературе термин «детоубийство» употребляется в двух значениях. Под детоубийством в широком смысле понимается убийство малолетнего ребенка любым лицом. В узком смысле под указанным термином понимается умышленное лишение жизни матерью своего новорожденного ребенка во время родов или непосредственно после них в условиях психотравмирующей ситуации, вызванной родами. Именно в этом значении детоубийство является предметом специального обозначения в уголовном законе (ст. 140 Уголовного кодекса Республики Беларусь; далее – УК) и в данной статье.

Несмотря на то, что такой привилегированный состав убийства, как лишение жизни матерью новорожденного ребенка в условиях психотравмирующей ситуации существует с 2001 г., толкование диспозиции статьи до сих пор неоднозначно. В связи с этим считаем необходимым затронуть важные аспекты разграничения данного состава убийства при смягчающем обстоятельстве от других преступлений против человека.

По нашему мнению, детоубийство может быть квалифицировано по ст. 140 УК в том случае, если оно было совершено в момент начала физиологических родов, во время второго родового периода – изгнания плода, когда он начинает прохождение по родовым путям, – или в период отделения ребенка от тела матери и начала его самостоятельной жизни.

Такое определение, предложенное автором ранее, дает нам четкие критерии отграничения убийства от аборта: если лишение жизни происходит внутриутробно до момента начала родов вне зависимости от степени зрелости плода, то это аборт; если же такое деяние совершается после начала родов (родовых схваток), когда ребенок начал прохождение по родовым путям, или же непосредственно после его рождения, то это убийство [1, с. 53–54]. Не менее важной является проблема разграничения детоубийства и оставления в опасности.

Квалификация оставления в опасности и детоубийства в дореволюционном уголовном праве

Как известно, уголовное право Российской Империи было развито настолько, что некоторые дореволюционные наработки, сознательно отвергнутые в советскую эпоху, воспроизводятся практически в первоизданном виде в российском и белорусском уголовных кодексах. Так, дореволюционные ученые-правоведы институт оставления в опасности часто связывали именно с детоубийством. Детоубийство в данном случае выражалось в умышленном умерщвлении ребенка путем бездействия и отличалось от оставления в опасности лишь характером умысла. Например, если женщина остав-

ляла своего незаконнорожденного ребенка в лесу, понимая, что он может погибнуть, она несла ответственность за детоубийство, а не за оставление в опасности. Аналогично квалифицировались действия матери, оставившей ребенка в лесу в том месте, где его не могли найти [2, с. 145–148].

В Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1903 г. (далее – Уложение) была выделена специальная глава «О произвольном оставлении человека в опасности и неоказании помощи погибающему», где в числе прочих указывалось подкидывание или оставление где-либо малолетнего ребенка в возрасте до 7 лет, соединенные с опасностью для его жизни. Такая квалификация была возможна, когда у матери не было намерения лишить жизни ребенка. Преступное действие во всех этих случаях осуществлялось в двух формах: в умышленном и заведомом оставлении лица в месте или состоянии, в котором его жизнь могла подвергнуться опасности.

Преступление считалось оконченным, как только из обстоятельств дела усматривалось, что мать оставила новорожденного в опасном положении и была безразлична к возможным последствиям. Наступление смерти могло стать основанием квалификации содеянного как убийства лишь тогда, когда виновная допускала возможность ее наступления. В остальных случаях оставление в опасности могло применяться в совокупности с убийством, если последствиями действий виновного была смерть потерпевшего [3, с. 59–60].

В Уложении фигурировало несколько статей, предусматривающих наказание за оставление в опасности детей. Ответственность же матери за подкидывание или оставление ребенка, имеющего менее трех лет от рождения, в таких местах, где нельзя было ожидать, что он будет найден другими, предусматривалась статьей 1513.

Кроме того Закон отдельно регулировал наказание за оставление детей в местах, где их могут обнаружить другие люди (статья 144 Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями), и местах, где нельзя было ожидать, что их обнаружат (статья 1513 Уложения). Чтобы понести наказание по этим статьям, мать должна была произвести такие действия тайно, а ребенку должна была угрожать опасность (например, мороз).

Детоубийство и оставление в опасности в УК Республики Беларусь

Классификация различных видов оставления в опасности в уголовном праве Российской Империи на практике позволяла легко отграничить данный вид преступления от убийства новорожденного, чего, к сожалению, нельзя сказать о современном белорусском законодательстве. Четких критериев разграничения убийства и оставления в опасности пока не выработано.

Так, некоторые авторы утверждают, что детоубийство может быть совершено только действием, поскольку бездействие само по себе не разрушает, не уничтожает, не причиняет вреда. Бездействие не причина наступления вреда, а всего лишь его условие, поэтому несовершение действий, обязательных для сохранения жизни новорожденного, образует состав оставления в опасности. Данная точка зрения, по нашему мнению, является весьма спорной по нескольким причинам.

Как показывает изучение уголовных дел, некоторые детоубийства совершаются именно путем бездействия, т.е. путем неоказания ребенку необходимой помощи, направленной на сохранение его жизни. Это так называемое «пассивное» детоубийство. В данном случае необходимо различать неоказание помощи как способ убийства и неоказание помощи как результат действия внешних или внутренних обстоятельств, не состоящих в причинной связи со смертью новорожденного, а значит, исключающих уголовную ответственность роженицы (например, потеря сознания вследствие сильной кровопотери во время родов).

Необходимо отметить, что законом (ст. 32 Конституции Республики Беларусь

и ст. 65 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье) на мать возложена обязанность заботиться о жизни и здоровье детей. Что является составляющим данной обязанности в рассматриваемом случае? Это забота матери о предоставлении новорожденному в первые же минуты жизни питания, одежды, тепла, оказание ею необходимой неквалифицированной медицинской помощи либо обращение за помощью к знакомым, близким, находящимся в такой момент рядом, а также вызов соответствующего специалиста. Все это может осуществить любая женщина, даже не имеющая навыков обращения с новорожденными.

Достаточно сложной является квалификация случаев оставления в опасности новорожденных и отграничение их от покушения на убийство. Так, в Информационном письме заместителя Генерального прокурора Республики Беларусь от 3 марта 2003 г. «О недостатках в правоприменительной практике и прокурорском надзоре по уголовным делам по материалам об оставлении в опасности (ст. 159 УК)» отмечено, что в отдельных случаях, когда имеет место оставление в опасности матерью новорожденного ребенка, неоднозначно квалифицируются по ч. 2 и ч. 3 ст. 159 УК практически аналогичные действия виновных [4].

В частности, по приговору суда г. Орши и Оршанского района от 25 февраля 2002 г. обоснованно осуждена по ч. 3 ст. 159 УК гражданка М., которая бросила в неотапливаемом тамбуре электропоезда своего новорожденного ребенка, тем самым поставив его в опасное для жизни состояние и оставив без помощи. В то же время по факту аналогичных действий неустановленной женщины, подбросившей жизнеспособного новорожденного ребенка в картонной коробке к контейнеру для мусора, уголовное дело возбуждено по ч. 2 ст. 159 УК [4].

По нашему мнению, решающим фактором при разграничении этих преступлений будут являться такие признаки объективной стороны, как место, время и обстановка совершения преступления, осознание виновной противоправности совершаемых деяний и желание либо нежелание наступления общественно опасных последствий. Так, если виновная оставляет ребенка в безлюдном месте или в холод либо при других обстоятельствах, явно угрожающих жизни и здоровью ребенка, осознает противоправность своих действий, при этом желает ему смерти или сознательно допускает ее наступление либо относится безразлично к наступлению смерти, надеясь на «авось», то содеянное необходимо расценивать как детоубийство с прямым или эвентуальным (косвенным) умыслом. При наличии косвенного умысла, если смерть не наступила, ответственность должна наступать за фактически наступившие последствия. При прямом умысле мать должна отвечать либо по ч. 1 ст. 14 и п. 2 ч. 2 ст. 139 УК как за покушение на убийство заведомо малолетнего, либо по ч. 1 ст. 14 и ст. 140 УК.

Если рассматривать первый случай с оставлением ребенка в неотапливаемом тамбуре, то налицо оставление в опасности, которое должно квалифицироваться только по ч. 3 ст. 159 УК. Объективная сторона преступления представлена в виде смешанного бездействия: мать сама создала опасную для жизни ребенка ситуацию. Умысел на убийство при этом отсутствовал, потому что женщина сознавала, что ребенок будет найден пассажирами.

Таким образом, мать, которая стремится избавиться от ребенка, но при этом, желая сохранить ему жизнь, оставляет его в условиях, которые лишь при определенных обстоятельствах могут быть опасными для жизни, заботится о том, чтобы его быстро обнаружили, будет нести ответственность по ч. 3 ст. 159 УК только в том случае, если ребенка нашли живым. Если же она оставляет ребенка в условиях, когда ничто не угрожает его жизни или здоровью, то вообще не существует повода к возбуждению уголовного дела по ст. 159 УК. Типичным примером может послужить случай, имевший место в 4-й женской консультации г. Минска, когда мать оставила младенца

в часы приема на скамейке процедурного кабинета с запиской, в которой она отказалась от его воспитания [4].

Что же касается второго описанного случая (оставление ребенка возле мусорного контейнера), то для итоговой квалификации необходимо установить время года, погодные условия, имевшие место в тот день, время дня, а также то, во что был одет ребенок. С учетом всех этих обстоятельств делается вывод о квалификации деяний матери, как уже указывалось, либо по ст. 14 и п. 2 ч. 2 ст. 139 УК (или ст. 140 УК), либо по ч. 3 ст. 159 УК.

Можно полностью согласиться с И.И. Гореликом в том, что как убийство следует квалифицировать случаи наступления смерти, когда опасность была создана по неосторожности, после ее возникновения осознана виновной, которая могла, но не оказала помощи ребенку [5, с. 217]. Считаем, что аналогично следует относиться и к наличию косвенного умысла при создании опасной ситуации.

Применение же ч. 2 ст. 159 УК возможно тогда, когда имеет место бездействие, приравненное к действию. Такой вид бездействия присутствует, по мнению И.И. Горелика, когда «оно удовлетворяет трем условиям: к моменту возникновения обязанности действовать опасной ситуации еще не существует; на бездействовавшем лежала обязанность действовать, чтобы предотвратить возникновение такой ситуации; вследствие бездействия такого лица события развиваются до степени возникновения опасной ситуации» [5, с. 217]. Такое происходит, например, когда мать, находящаяся в условиях психотравмирующей ситуации, вызванной родами, по неопытности теряет, не оказывая новорожденному своевременной помощи из-за боязни причинить вред.

По нашему мнению, ответственность матери должна наступать только при условии возможности оказания матерью такой помощи ребенку, т.е. при наличии:

1) объективных условий: окружающей обстановки, не препятствующей оказанию помощи (психотравмирующая ситуация может препятствовать выработке адекватного алгоритма действий);

2) субъективных условий, т.е. знаний и навыков у матери оказания такой помощи.

При этом нужно помнить, что ч. 2 ст. 159 УК может применяться только тогда, когда ребенок остался жив. Если новорожденный умер и имеется причинная связь между наступлением его смерти и деянием матери, то содеянное должно квалифицироваться по ст. 144 УК.

Возможны случаи, когда смерть ребенка наступает спустя значительное время после оставления его матерью, находящейся в особом психофизическом состоянии, вызванном родами, в условиях, опасных для жизни. Казалось бы, если смерть ребенка наступила, к примеру, через 30 часов после родов, то не существует оснований, смягчающих ответственность виновной и содеянное надлежит квалифицировать по п. 2 ч. 2 ст. 139 УК. Представляется, однако, что в таких случаях нужно учитывать тот факт, что действия, направленные на лишение младенца жизни, были совершены до истечения принятого практикой 24-часового срока, когда мать еще находится под влиянием психотравмирующей ситуации, вызванной родами. Поэтому в данной ситуации предлагаем квалифицировать содеянное по ст. 140 УК.

Кроме того, возможна ситуация, когда мать, находясь в особом психофизическом состоянии, вызванном родами, оставляет ребенка в месте, где его обнаружение будет проблематичным (в лесу, на заброшенном кладбище), и затем уклоняется от ответа на вопрос о его местонахождении. Полагаем, что это дает основание для квалификации содеянного по ч. 1 ст. 14 и ст. 140 УК как покушения на убийство.

Однако только как оставление в опасности по ч. 3 ст. 159 УК должны квалифицироваться случаи, когда мать, находясь в условиях психотравмирующей ситуации, после родов оставляет новорожденного с целью избавиться от него, а затем, рас-

кажавшись, сообщает правоохранительным органам о его местонахождении (в том числе анонимно) либо забирает его сама.

Особенности умысла при детоубийстве

В последнее время некоторыми учеными высказывается точка зрения о том, что применение ст. 140 УК возможно только при наличии у виновной внезапно возникшего умысла. С этим согласиться по ряду причин.

Анализ изученных нами уголовных дел, возбужденных по фактам детоубийств, показывает, что во всех случаях такие преступления совершаются именно с заранее обдуманном умыслом. Об этом свидетельствуют следующие обстоятельства: женщины не становились на учет в женскую консультацию, о своей беременности никому не сообщали и тщательно ее скрывали, неоднократно предпринимали попытки избавиться от плода. То есть у таких женщин отсутствует желание иметь ребенка либо изначально, либо оно формируется в процессе вынашивания ребенка, причиной чего является именно психотравмирующая ситуация. Постоянно находясь в состоянии психического напряжения, которое вызывается не только стечением тяжелых жизненных обстоятельств, но и нередко самим физиологическим состоянием – беременностью, женщина частично утрачивает возможность трезво оценивать ситуацию. Основной задачей в это время для будущей матери является поиск выхода из сложившегося положения, поэтому ослабленная, затуманенная эмоциональными и физиологическими перегрузками особо чувствительная в период беременности женщина находит самое простое, как ей кажется, решение: устранить причину страданий – ребенка.

В связи с этим полагаем, что ставить знак равенства между убийством, совершенным в условиях психотравмирующей ситуации, вызванной родами, и убийством при отягчающих обстоятельствах, необоснованно. Тем более что заранее обдуманный умысел не указан в диспозиции статьи как обязательный признак. Кроме того, внезапно возникший умысел как единственно возможный учитывается лишь при квалификации убийства в состоянии аффекта. Отметим, что аффект как эмоциональная реакция в ответ на провоцирующее поведение потерпевшего и психотравмирующая ситуация роженницы, обусловленная не только самим процессом родов, но и тяжелым стечением личных либо семейных обстоятельств, – понятия кардинально разные. Проводить здесь аналогию недопустимо. Поэтому предлагаем квалифицировать по ст. 140 УК детоубийство, совершенное при наличии любого вида умысла.

Заключение

В практической деятельности сотрудники правоохранительных органов и судьи зачастую ошибочно квалифицируют как оставление в опасности деяния, по сути являющиеся покушением на убийство, оконченным убийством или неосторожным причинением смерти. Во избежание ошибок такого рода следует учитывать следующее:

1) факт наступления смерти новорожденного не должен влечь ответственность по ст. 159 УК;

2) в случае наличия в деяниях матери, оставившей ребенка в опасном для жизни состоянии, бездействия, приравненного к действию, содеянное надлежит квалифицировать по ч. 2 ст. 159 УК;

3) в ситуациях, когда мать сама по неосторожности или с косвенным умыслом создает опасную для жизни и здоровья ребенка ситуацию (при условии ненаступления смерти), ответственность наступает по ч. 3 ст. 159 УК;

4) наступление смерти новорожденного в результате бездействия, создающего конкретную опасность, следует квалифицировать по ст. 144 УК, а в случае смешанно-

го бездействия – по п. 2 ч. 2 ст. 139 УК или по ст. 140 УК (при этом дополнительная квалификация по ст. 159 УК не требуется);

5) особое психическое состояние матери при совершении такого деяния, как оставление в опасности новорожденного сразу после родов, должно быть учтено при назначении наказания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Петрова, Т.В. Жизнь человека как объект уголовно-правовой охраны в контексте квалификации преступлений / Т.В. Петрова // Веснік Брэсцкага ўн-та. Сер. гуманітарных і грамадскіх навук. – 2003. – № 1(31). – С. 50–54.

2. Бондаков, М.С. Особенности преступного бездействия в теории уголовного права России / М.С. Бондаков // Правовое обеспечение социально-экономического развития Дальневосточного региона. – Хабаровск : Изд-во Дальневост. юрид. ин-та МВД РФ. – 2006. – С. 145–148.

3. Власов, Ю.А. Эволюция взглядов на уголовную ответственность за неоказание помощи в российском законодательстве // Науч. вестник Омской высш. школы милиции МВД России. – № 1. – Омск : Изд-во Ом. ВШМ МВД России, 2003. – С. 59–60.

4. О недостатках в правоприменительной практике и прокурорском надзоре по уголовным делам по материалам об оставлении в опасности (ст. 159 УК): Информационное письмо заместителя Генерального прокурора Республики Беларусь от 3 марта 2003 г.

5. Горелик, И.И. Квалификация преступлений, опасных для жизни и здоровья / И.И. Горелик. – Минск : «Вышэйшая школа», 1973.

6. Конституция Республики Беларусь от 15 марта 1994 г. № 2875-XII : Принята на Республиканском референдуме 24 ноября 1996 г., в ред. Решения Республиканского референдума от 17 октября 2004 года № 1 // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. – 1999 г. – № 1. – 1/0; 2004. – № 188. – 1/6032.

7. Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-3 : Принят Палатой Представителей 28 октября 1998 г., одобрен Советом Республики 24 июня 1999 г. // Национальный реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2011 г. – № 78. – 2/1834.

Fedoruk T.V. Peculiarities of Qualification of the Infanticide under the Criminal Legislation of the Republic of Belarus

This article analyzes the controversies arising in the course of qualification the infanticide (Article 140 of the Criminal Code of the Republic of Belarus). The author proposes criteria for the delimitation of attempted infanticide and abandonment in danger, as well as peculiarities of qualification of the abandonment the newborn at danger, depending on the type of inaction.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 16.03.2011

ЗВЕСТКІ АБ АЎТАРАХ

Багута І.І. – студэнтка IV курса юрыдычнага факультэта Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

Басава В.В. – магістр кіравання і эканомікі, выкладчык кафедры эканамічнай тэорыі, аспірант кафедры эканамічнай тэорыі Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта

Варакуліна М.У. – старшы выкладчык кафедры эканомікі і кіравання Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

Воран В.П. – аспірант кафедры новай і навейшай гісторыі Беларускага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта імя М. Танка

Грузінская А.В. – кандыдат эканамічных навук, дацэнт кафедры банкаўскай справы Беларускага дзяржаўнага эканамічнага ўніверсітэта

Грыгаровіч М.М. – магістрант Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

Дзмітрачкова А.У. – выкладчык кафедры эканомікі і кіравання Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

Зайцава Н.І. – выкладчык кафедры эканомікі і кіравання Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

Зінчанка М.Ю. – аспірант 3 года навучання кафедры гісторыі Беларусі новага і навейшага часу Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта

Зябко А.А. – аспірант кафедры айчыннай і сусветнай гісторыі Беларускага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта імя М. Танка

Кароціч А.А. – старшы выкладчык кафедры тэорыі і гісторыі дзяржавы і права Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

Лосеў У.У. – кандыдат юрыдычных навук, дацэнт, загадчык кафедры крмінальна-прававых дысцыплін Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

Мацюшкоў Л.П. – кандыдат тэхнічных навук, дацэнт кафедры эканомікі і кіравання Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

Папко В.М. – кандыдат гістарычных навук, дацэнт, дацэнт кафедры філасофіі і культуралогіі Брэсцкага дзяржаўнага тэхнічнага ўніверсітэта

Сушко В.У. – аспірант кафедры гісторыка-культурнай спадчыны Беларусі Рэспубліканскага інстытута вышэйшай школы, выкладчык Брэсцкага дзяржаўнага політэхнічнага каледжа

Увараў І.Ю. – кандыдат гістарычных навук, дацэнт кафедры «Паліталогія і гісторыя» Гомельскага дзяржаўнага тэхнічнага ўніверсітэта імя П.В. Сухога

Федарук Т.У. – старшы выкладчык кафедры крмінальна-прававых дысцыплін Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

Шэрайзіна Л.А. – загадчык вучэбнай лабараторыі «Юрыдычная клініка» юрыдычнага факультэта Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

Да ведама аўтараў

Рэдкалегія часопіса разглядае рукапісы толькі тых артыкулаў, якія адпавядаюць навуковаму профілю выдання, нідзе не апублікаваныя і не перададзеныя ў іншыя рэдакцыі.

Артыкулы прадстаўляюцца на беларускай ці рускай мовах у двух экзэмплярах аб'ёмам ад 0,35 да 0,5 друкарскага аркуша, у электронным варыянце ў фармаце Microsoft Word for Windows (*.doc; *.rtf) і павінны быць аформлены ў адпаведнасці з наступнымі патрабаваннямі:

- папера фармату А4 (21×29,7 см);
- палі: зверху – 2,8 см, справа, знізу, злева – 2,5 см;
- шрыфт – гарнітура Times New Roman;
- кегль – 12 pt.;
- міжрадковы інтэрвал – адзінарны;
- двукоссе парнае «...»;
- абзац: водступ першага радка 1,25 см;
- выраўноўванне тэксту па шырыні.

Максімальныя лінейныя памеры табліц і малюнкаў не павінны перавышаць 15×23 см або 23×15 см. Усе графічныя аб'екты, што ўваходзяць у склад аднаго малюнка, павінны быць згрупаваны паміж сабой. Фатаграфіі ў друк не прымаюцца. Размернасць усіх велічынь, якія выкарыстоўваюцца ў тэксце, павінна адпавядаць Міжнароднай сістэме адзінак вымярэння (СВ). Забараняюцца скарачэнні слоў, акрамя агульнапрынятых.

Спіс цытуемай літаратуры павінен быць аформлены паводле ДАСТА 7.1-2003 і размешчаны ў канцы тэксту. Спасылкі на крыніцы ў артыкуле нумаруюцца адпаведна парадку цытавання. Парадкавыя нумары спасылак падаюцца ў квадратных дужках (напрыклад: [1, с. 32], [2, с. 52–54]). Забараняецца выкарыстанне канцавых зносаў.

Артыкул уключае наступныя элементы па парадку:

- УДК;
- ініцыялы і прозвішча аўтара (аўтараў);
- назва друкуемага матэрыялу;
- анатацыя ў аб'ёме ад 100 да 150 слоў на мове артыкула (кегль – 10 pt.);
- асноўны тэкст з табліцамі, графікамі і іншымі ілюстрацыйнымі матэрыяламі, структураваны ў адпаведнасці з патрабаваннямі ВАК да навуковых артыкулаў, якія друкуюцца ў выданнях, уключаных у спіс навуковых выданняў для апублікавання вынікаў дысертацыйных даследаванняў;
- бібліяграфічныя спісы да артыкула ў адпаведнасці з ДАСТАм 7.1-2003;
- рэзюмэ на англійскай мове (кегль – 10 pt.) з перакладам прозвішча і ініцыялаў аўтара (аўтараў) і назвы друкуемага матэрыялу.

Да рукапісу артыкула абавязкова даюцца:

- звесткі пра аўтара на *беларускай* мове (прозвішча, імя, імя па бацьку поўнасю, вучоная ступень і званне, месца працы (вучобы) і пасада, хатні адрас і тэлефон);
- для аспірантаў і суіскальнікаў – звесткі аб навуковых кіраўніках;
- рэкамендацыя калегіяльнага органа ўстановы (падроздзялення), дзе працуе (вучыцца) аўтар;
- рэкамендацыя знешняга рэцэнзента;
- экспертнае заключэнне.

Рэдакцыйная калегія часопіса праводзіць экспертызу атрыманых дакументаў і робіць дадатковае рэцэнзаванне артыкулаў. Рукапісы, аформленыя не ў адпаведнасці з выкладзенымі правіламі, рэдкалегіяй не разглядаюцца.

Карэктары *Л.М. Калілец, Ж.М. Селюжыцкая, М.М. Аляшчэня*
Камп'ютэрнае макетаванне *А.Я. Кулай, С.М. Мініч*

Подписано в печать 2011. Формат 60×84/8. Бумага офсетная.
Гарнітура Таймс. Ризографія. Усл. печ. л. . Уч.-изд. л.
Тираж 100 экз. Заказ № .
Издатель и полиграфическое исполнение
УО «Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина».
ЛИ № 02330/277 от 08.04.2009.
224016, Брест, ул. Мицкевича, 28.